Геннадий САЗОНОВ

К1521037

75 лет ПОБЕДЫ

НА ОГНЕВОЙ ЧЕРТЕ

Повести, стихи, рассказы, публицистика

75 лет ПОБЕДЫ

Геннадий САЗОНОВ

НА ОГНЕВОЙ ЧЕРТЕ

ПОВЕСТИ, СТИХИ, РАССКАЗЫ, ПУБЛИЦИСТИКА

+ 12

ВОЛОГДА
АНО «ИНТЕЛИНФОРМ»
2020

УДК 821.161.1(470.12)
ББК 84(2Рос-4Вол)
С 14

Редактор
Мелания ДУНАЕВА

Сазонов Г.А.
С 14 На огневой черте: повести, стихи, рассказы, публицистика / Геннадий Сазонов. – Вологда: ИНТЕЛИНФОРМ, 2020 – 400 с. – (75 лет Победы). – 12+

Впервые под одной обложкой собраны произведения о Великой Отечественной войне (1941-1945), над которыми автор работал более двадцати лет.

О войне уже много написано, иногда возникает впечатление, что в ней нет «белых пятен». Но было большое количество сражений, о которых плохо знают даже историки. Особенно это касается начального периода войны, о чём идёт речь в книге. В основе произведений – исторические факты и воспоминания фронтовиков.

Малоизвестным, но поистине героическим страницам самой страшной в истории человечества войны посвящены поиски автора, в том числе – созданию атомной бомбы в фашистской Германии, разгрому орд фашистов под Торжком в октябре 1941 года.

Герои произведений – солдаты и офицеры, выдающиеся советские полководцы Иван Конев, Николай Ватутин, Павел Ротмистров, Василий Швецов и другие.

Жизнь советского тыла показана в повести «Суженый», сюжет взят из вологодской глубинки.

Автора тревожит забвение великого подвига советского народа теперь, в начале XXI –го века, о чём разговор в разделе «Публицистика».

Книга рассчитана на всех, кому интересна история Великой Отечественной войны.

УДК 821.161.1(470.12)
ББК 84(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-9909907-6-0

© Сазонов Г.А., 2020
© Оформление. АНО «ИНТЕЛИНФОРМ», 2020

ПОВЕСТИ

В повести использованы воспоминания участников боевых действий на Калининском фронте в 1941-1942 годах

1

Эти события начинались в далёком уральском городе Серове.

Ранним утром в субботу по заведенному порядку Семён Малышев спешил в горком, где служил шофером.

– Ты что, не в курсе? – остановил его вахтер на входе в здание. – Первого взяли!

– Как взяли? – недоуменно произнёс он.

– А так, взяли – и всё! – выдохнул вахтёр.

Малышев как раз и возил первого секретаря горкома партии Степана Александровича Архипова.

Теперь шофер стоял в растерянности. Он потоптался с ноги на ногу.

– Дай ключ от гаража, – попросил вахтера Малышев, – я посмотрю машину.

– Чего её смотреть? - огорошил тот. – Топай домой, отдыхай. Жди, когда вызовут.

Малышев, ничего не ответив, вышел из горкома.

Почувствовал, как учащенно забилось сердце. В голову назойливо полезли худые мысли, в его городе, как и повсюду в стране, шла «чистка» партии. «Может, завтра и меня заберут, – уныло размышлял он. – А за что? Найдут за что! Если Архипов загремел, скажут, и водителя надо прибрать, наверное, чего-нибудь знает. А что я знаю? Окромя своей машины, ничего. Куда пошёл Архипов, с кем, о чём говорил – не моё дело. Да и зачем мне знать?»

Так, рассуждая сам с собой, брёл Семён по однообразным неуютным улицам Серова. Погруженный в думы, он

не ответил на приветствия двух знакомых, те с опаской посмотрели ему вслед: «Чего это с ним?».

Дурные предчувствия Семёна не оправдались. Но за месяц-полтора всё руководство горкома было арестовано. Шофёра Малышева к великой его радости не тронули. В покое также оставили бухгалтера, уборщицу и одного из помощников первого секретаря.

– Я знаю, что это Бог отвел от тебя беду за страдания нашей семьи! – сказала мать Семёна Елизавета Карповна. – Слава ему! Хоть бы благодарственный молебен Господу заказать. Да где? Церкви все позакрывала новая власть...

Сын недавно вступил в партию и к словам матери отнесся иронично, даже хотел подшутить над ней, но сдержался. Считал, что просто повезло! Все же, имея чуткую душу, вспомнил – они с мамашей претерпели всякие лишения.

Смутно возникли очертания деревни Яганово на вятской земле, где он родился в доме деда Лаврентия. Столь же отдаленно, пожалуй, больше со слов матери, чем из собственной памяти, забрезжил облик отца именем Григорий. Из царской армии он приехал в отцовскую избу в короткий отпуск. Больше Сёма уже никогда не видел родителя. Зато появилась на свет сестрёнка Катя.

Внуки почему-то злили деда.

Суровый до жестокости, он промышлял выделкой коровьих и овечьих кож в оборудованной для того бане. По причине, о которой молчал, Лаврентий недолюбливал невестку, не скрывал неприязни к Елизавете. Говорил ей и внукам: «Свалились на мою голову, нахлебники!».

И то сказать, дед тащил на себе ещё младшего сына и двух дочерей. Потеря Григория, хоть извещение так и не пришло, ещё более взвинчивала деда. Тяжко было Лаврентию со всей этой обузой.

Однажды, вспыхнув из-за какой-то мелочи, дед выгнал невестку с внуками. Обиженные странники добрались до

соседнего села, где у Елизаветы жила одинокая знакомая. Она и приютила солдатскую вдову.

Мысли о хлебе насущном терзали Елизавету днём и ночью. Стучала во дворы зажиточных мужиков, брала любую работу: и дворы скотные чистила, и полы мыла, и бельё стирала, утирая набегавшие слёзы. Когда Сёма подрос и окончил три класса школы в селе, надумала вдова искать лучшую долю. Втроем переехали в Серов, где Елизавета пошла в дворники, её семье предоставили отдельную комнатку.

Быстро пролетало время, и вот сын уже подсоблял во всём. После семилетки батрачил у подрядчика, хоть и невелик был заработок, всё же помогал семье. Через год с большим трудом по рекомендации знакомого доменщика устроился рабочим на металлургический завод.

Семён был счастлив!

Так счастлив бывает бездомный голодный человек, который обрёл-то, наконец, кров и пищу. Кругом безработица свирепствовала, а у него место на заводе.

Пареньку, видя его усердие, предложили пойти на курсы шоферов тут же на металлургическом комбинате. Поучился, получил права. Несколько лет крутил баранку на своём же предприятии, пока не забрали в горком.

И вдруг эта «чистка»!

Тревога не оставляла Малышева. Но все устроилось неожиданно и, как нельзя, лучше. Ему предложили пост директора отделения Глававтотранссбыта в Серове.

В июне 1941-го исполнялось два года, как он занимал руководящую должность и заочно учился в институте в Свердловске.

2

... Окна квартиры, где жили Семён и мать, смотрели во двор школы. Сестра Екатерина к тому времени уехала учиться в институт в Свердловск. На рассвете, пока ещё не ушла ночная прохлада, Семён выскочил на спортивную площадку у школы, сделал зарядку, пробежку, а дома принял холодный душ. Выпив чашку чаю, он пешком пошёл на работу.

Было воскресенье, но Малышев каждый выходной хотя бы на час являлся на службу, проверял, вовремя ли выходили машины на линию, работали по «скользящему графику».

На проходной дежурил пожилой охранник Михаил Иванович Огурцов. Думая, что тот не слышит, Малышев вслух сказал:

– Не спит охрана, это мне приятно! Значит, машины никто не угнал, запчасти целы, бензин не слили. Люблю во всём порядок, а разгильдяйства не терплю. Не спит охрана – это хорошо!

И обернулся к охраннику:

– Доброе утро, Михаил Иванович!

– И вам, товарищ директор, желаю добра и здравия, желаю от всей души. Слышал, как вы рассуждали про охрану. Хитрого в нашем деле нет. А вот чтобы уснуть! В такую ночь разве уснёшь? Мороз по коже, как подумаю, так и не по себе...

– А что такое? Чем вас, Михаил Иванович, ночь перепугала? – не удержался директор.

– Разве вы не слышали, Семён Григорьевич? – удивился охранник.

– О чём я должен был услышать? – в свою очередь удивился Малышев. – Я не знаю...

– Сегодня ночью немец начал войну! Вас уже два раза спрашивали.

– Войну-у-у… – недоуменно протянул Малышев. – Не может быть! Недавно сам товарищ Сталин, я слушал его выступление по радио, говорил, что мир у нас с Германией, что мы – друзья. Торгуем, опытом обмениваемся, тосты произносим. Что, мол, они никогда не пойдут на нас, и Гитлер заявлял о твёрдом мире…

– Семён Григорьевич, их, немцев не поймёшь, они народ лукавый, – не утерпел Огурцов. – Улыбаются, горячо пожимают руку, а за пазухой держат большой камень, чтобы в удобный момент нам лоб рассечь да опрокинуть в яму. Мне отец говорил, он с немцем воевал в Первую мировую, знал их повадки, так что я передаю без обмана.

Семён почувствовал противный холодок в затылке, и, прибавив шагу, почти бегом влетел в кабинет. Там вовсю звонил телефон, взял трубку, услышал незнакомый женский голос: «Семён Григорьевич, завтра в 8 часов 30 минут вы должны в полной готовности явиться в воинскую часть для отправки на фронт».

Звонили из военкомата.

– На фронт? Вот так сроки! А кому передать дела?

Но в ответ – гудки.

Директор спешно отозвал с отдыха замов, показал им шифрограмму, поступившую из области, готовил приказы, распоряжения. В этой суете позвонил домой: «Мама, собери мне поесть с собой чего-нибудь, завтра меня вызывают на фронт!»

И повесил трубку, ничего не объясняя.

Когда Семён вернулся домой, Елизавета Карповна заплакала сразу у двери.

– Да что такое? – причитала она. – Пошла в магазин, а там хоть шаром покати. Вчера всё было, а сегодня, кроме хлеба, соли и консервов, ничего. Как дальше жить?

– Война, мама, война! – говорил Семен. – Но ты не расстраивайся. Думаю, она будет недолго, и всё образуется. Разобьём гадов фашистских, вернусь, мама, с победой.

– Да я знаю, что война, – всхлипывала Елизавета Карповна. – Ой, страшная беда! Я включила утром радио, попала как раз на речь Молотова, у меня даже и ноги подкосились. Молотов говорил, что на нас напали германские войска, повсюду бомбят, разрушают, убивают. Господи, что же творится? Он ещё сказал, что наши города обстреливали с территорий Румынии и Финляндии. Молотов вспомнил про Наполеона, что он потерпел крах в России, сказал, что и Гитлеру будет такая же дорога…

– Тут вспомнишь и Суворова, и Кутузова, – вставил Семён.

– Я тебе когда-то говороила, – всхлипывая, вспомнила Елизавета Карповна. – Твой отец, Григорий Лаврентьевич, погиб на Империалистической под Ковно. Его убили в атаке. Извещения о смерти мы не получали – не знаю, почему. Как погиб Гриша, мне рассказал его однополчанин Сергей, из той же деревни Яганово. Он вместе с твоим отцом шёл в атаку. Самого его тоже ранили, пришел домой покалеченным.

Мать опять заплакала.

Семен успокаивал её, как мог.

– Нет, не хочу я, чтобы и ты, как Гриша, погиб, – обронила Елизавета Карповна. – Возьми вот образок Спасителя, надень, он тебя будет хранить. Не противься, да и не говори никому. Знаю, что тебе открыто нельзя носить образок, но ради меня возьми.

И мать надела ему образок.

Елизавета Карповна перевела дух, опять обратилась к сыну:

– Обещай, что никогда не снимешь образок!

– Обещаю, мама, обещаю, – ответил Семён. – Ты знаешь, я слово держу.

…Утром 23 июня 1941 года, на второй день войны, Малышев уже был в расположении воинской части, здесь же, в Серове. Его назначили начальником отделения ГСМ

(горюче-смазочных материалов) артиллерийского полка, который готовился к отбытию на фронт. Через день, под вечер, всех, вчера еще гражданских лиц, расставили строем и вручили медальоны. Семену особенно стало неприятно и тревожно, когда он взял в ладонь свой. В нём хранился его домашний адрес. Вспомнил слова матери, её плач, и у самого чуть ли не навернулись слёзы.

Три дня отвёл командир полка Кутенко на погрузку боевой техники и имущества в железнодорожный эшелон. 27 июня всё было размещено на платформах, личный состав – в теплушках. В ночь выехали в сторону Москвы. Полк входил в резерв Главного командования и был отнесен к 29-й армии Центрального фронта.

Перед отъездом, вечером, Малышев, выполняя просьбу товарищей, подошёл к Кутенко:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?

Командир кивнул:

– Давай, обращайся.

– Можно узнать, когда нам выдадут личное оружие? – спросил Малышев громко, чтобы все слышали. – Это не только меня волнует.

Полковник Александр Иванович Кутенко, круглолицый, светловолосый крепыш лет тридцати пяти на вид, чуть заметно усмехнулся, но строго, с оттенком иронии, спросил:

– Зачем оно вам сейчас, старший лейтенант Малышев? Ворон, что ли, стрелять по дороге? Вот когда к делу приступим, тогда и получите!

Так и отравились воевать: солдаты – без винтовок, офицеры – без пистолетов.

3

То, что эшелон идёт на фронт, в теплушках почувствовали, когда Москва была далеко позади. Всё чаще немецкие самолёты с чёрными жирными крестами на крыльях кружили над составом с Урала, лениво сбрасывали бомбы. С воём и гулом они долетали до земли, взрывались, поднимая столбы пыли и комья дерна на железнодорожных откосах.

Ближе к фронту днём всё-таки старались не ехать. Пережидали на маленьких станциях. Рабочие и мобилизованные из населения успели вырыть специальные укрытия. Туда загоняли воинский эшелон вместе с локомотивом, забрасывали нарубленными большими ольховыми ветками, так что с самолёта трудно было различить состав. Ну, а с наступлением темноты паровоз выводил платформы и вагоны из укрытия и начинал гнать на всех парах.

В пасмурное утро начала июля, откатив дверь теплушки, Малышев прочитал покосившуюся надпись на старинном здании из темно-красного кирпича: «Ст. Смоленск-Товарная».

«Приехали! – крикнул он, оборачиваясь к товарищам в вагон. – Вон и девицы нас встречают на станции Смоленск. Выходи!».

Но никто не спешил, солдаты понимали, что старший лейтенант пошутил.

Только весёлый розовощёкий красноармеец отозвался:

– Товарищ командир, придержите одну, я сейчас мигом…

В теплушке раздался дружный смех.

Это был на самом деле Смоленск. Слева и справа на всех путях, насколько их мог охватить взгляд, стояли эшелоны с военными и техникой. Людские голоса сливались в гул, иногда слышались крики, резкие команды. Светились

огоньки папирос и самокруток, в воздухе плыл запах костра.

Солдаты из уральского эшелона высыпали на междупутье, а с другой стороны подпирал откос. Неожиданно зарокотал самолёт, от леса отделилась точка, она быстро росла. Не было сомнения: приближался немецкий стервятник. Кто-то из солдат открыл по нему стрельбу из крупнокалиберного пулемёта.

– Ложись под вагоны! – заорал во всю глотку командир роты капитан Иванов.

Но его приказ опоздал – уже началась паника.

Самолет, поравнявшись с уральским эшелоном, стал поливать с бортов беспрерывным пулемётным огнём. Кто-то побежал в лес, кто-то – по междупутью, кто-то старался забраться в теплушку, кто-то под вагоны.

Малышев, как бы машинально, подчиняясь инстинкту самосохранения, нырнул под колесную пару вагона. И почти тут же по концам шпал и по откосу с противным шипением протанцевали пули фашистского самолёта.

– Тьфу – ты! – Семен сплюнул липкую слюну и вытер холодный пот со лба.

Вражеский стервятник улетел так же неожиданно, как и прилетел, обозначив для уральцев своим появлением первое боевое крещение. Три солдата из полка были убиты. Их похоронили неподалеку, на горочке, за железнодорожными путями.

Часа через три после налета состав перегнали на станцию Красный Бор в нескольких километрах от Смоленска. Поступил приказ: «Выгружайся!» Загремели борта платформ, загудели моторы тяжелых двигателей, эшелон ожил, как потревоженный муравейник.

– Вот теперь начнется житуха! – обронил Семен, подходя к земляку из Серова Осипу Васюкову.

Тот был старшим пулеметчиком в соседней роте.

– Слышь, Ося, ты давай не теряйся, – продолжал

Малышев. – И я тоже не буду теряться. Вместе держаться лучше!

Осип по-доброму посмотрел на Малышева.

– Не волнуйся, начальник, – пошутил Васюков, хотя у него был усталый вид. – Никуда не денусь. Можешь на меня рассчитывать, серовские ребята – не х…вские…

Малышев рассмеялся.

Колонна, куда вошёл и уральский полк, двинулась по минскому шоссе в сторону Витебска.

Самолёты фашистов продолжали налёты, выводили из строя то одну пушку, то другую. Технику невозможно было подготовить к бою.

На 224-м километре от Москвы, под Вязьмой, всем подразделениям полка, наконец-то, выдали личное оружие, пополнили боеприпасы. Самое время остановиться, окопаться, вступить в схватку с фашистами, чего так хотели уральцы.

Но лавина отступления, будто мощная штормовая волна, накрыла полк и понесла в страшном потоке назад на восток. Отчасти неразбериха охватила и командование 29-й армии. В соединениях толком не знали, где штаб армии, между подразделениями плохо действовала связь; командиры дивизий слабо ориентировались, куда им следовать, потому что приказы опаздывали, а обстановка менялась с часу на час.

В беспорядке отступления военные смешались с гражданским населением. С родных мест сорванные дети, женщины, старики…

И среди них – солдаты и офицеры.

4

Голодные, изможденные, брели они в сторону Москвы. На обочинах стонали раненые и искалеченые, но их не всегда подбирали. Мёртвых не успевали хоронить.

И над всем этим безмерным горем, над этой длинной очередью людей в неизвестность стоял беспрерывный гул фашистских самолётов, страшный вой бомб, зловеще кружила Смерть…

Малышев уже потерял из виду Осипа Васюкова, затерявшегося в потоке отступавших, да и других товарищей по полку не видел вокруг. Отделение горюче-смазочных материалов, которым он командовал, шло рядом, сзади.

На свой страх и риск Семён, воспользовавшись перерывом между фашистскими бомбежками, свернул с шоссе и, пройдя по лесу, оказался на малой грунтовой дороге. Она шла параллельно большаку. Здесь тоже хватало техники и людей, но не в таком масштабе, как на минском шоссе.

Приглядевшись, старший лейтенант заметил машину, это был «ГАЗ-АА», называемый в просторечье полуторкой. Около неё и в кабине никого не было.

Малышев приказал своему отделению: «Отдых!».

А сам подошёл к машине, встал на колесо, заглянул в кузов. Там лежали деревянные ящики с надписями: «Химимущество». Ключ зажигания торчал в замке. Малышев попробовал завести, машина не заводилась. Он поднял капот и довольно быстро нашел причину неисправности – засорилась подача горючего. Устранил её, опять включил зажигание, полуторка затарахтела. Тут же, откуда-то, наверное, из кустов, подбежали солдаты неизвестной части, человек семь.

– Молодец! – похлопал Малышева по плечу один из них, старшина. – Выруливай на дорогу!

Они забрались в кузов, туда же села и часть бойцов из его отделение ГСМ.

Семён взялся за руль и поехал.

Продвигаться на машине, когда тракт забит людьми и транспортом, было не легче, чем пешком. Ехали, понятное дело, с приключениями. Всё же Малышев довёл полуторку до Соловьевской переправы под Ярцевом.

Переправа имела стратегическое значение. Самолёты и артиллерия врага держали её на прицеле. Через речку Воп можно было перебраться только по резиновому мосту. И по красной от людской крови воде…

На вторые сутки, ночью, когда немцы меньше бомбили, полуторка переправилась через речку. У деревни Жилино, в окрестностях Вязьмы, машину остановил военный патруль и предложил поставить её в укрытие.

Утром, идя на построение, Семен увидел стоящего в стороне своего замполка по технической части майора Санникова, и, не помня себя от радости, бросился к нему.

– Товарищ майор, товарищ майор! – только и твердил, как будто забыл все другие слова.

Санников широко улыбнулся, протянул руку:

– Рад, Малышев, рад! – крепко пожал его ладонь. – Всё в порядке. Наши собираются...

Майор был прав.

Около двухсот бойцов и офицеров полка, кто какими путями, подтянулись к деревне Жилино. Среди них цел и невредим Осип Васюков, ему Семен обрадовался не меньше, чем Санникову. Правда, бойцы были без техники, без оружия. Даже землянку выкопать и выстлать бревенчатый накат не нашлось инструмента – лопат, ломов, пил и топоров.

Санников успокаивал, чтобы не роптали.

На третьи сутки полк получил всё необходимое: оружие, боевую технику и всё остальное, что нужно для наступления. Через две недели полк был готов к бою.

В конце июля 1941 года командир Александр Кутенко получил приказ: «Занять огневые рубежи в районе города Ельня».

5

Бочки с бензином и горюче-смазочными материалами, загруженные в кузов, на ухабах стукались друг о друга, издавая глухие непродолжительные звуки. Две машины, в кабине одной был Малышев, шли в Ельню. За поворотом проселочной дороги их остановил полковой регулировщик.

– Разворачивайся на Ржев! – прокричал он.

Малышев вышел из кабины.

– Что такое? У меня приказ на Ельню, – достал из кармана гимнастерки предписание из штаба.

– Устарел уже твой приказ, – регулировщик показал другой. – Давай двигай с машинами на Фёдоровский тракт…

– Ясно, товарищ регулировщик, – козырнул Малышев и отошёл к машинам.

Достал из полевой сумки карту и стал изучать новый маршрут. Федоровский тракт вел в город Зубцов. Но из данных разведки Семён знал, что несколько дней назад Зубцов взяли немцы.

Куда же ехать – прямо им в лапы?

Что-то непонятное.

Да и его напарник, им был Осип Васюков (Малышев упросил замполита полка перевести земляка в своё подразделение) тоже засомневался.

Развернувшись и отъехав назад настолько, чтобы регулировщика не было видно, Семён решил подождать майора Санникова, знал: скоро должна следовать его ма-

шина. И на самом деле, «козелок» замполка запылил по проселку. Старший лейтенант проголосовал. Майор вышел к нему. Малышев высказал опасения насчёт Зубцова.

Александр Иванович отвел начальника отделения ГСМ на обочину.

– Видишь, Семён, опыта у нас пока никакого, – заговорил Санников, – а немцы, ты сам знаешь, всю Европу раком поставили. Так что, когда сомневаешься, это неплохо, надо действовать наверняка. В Зубцове, я тебя заверяю, стоят наши войска. Но какая получилась ситуация? Там ребята, после того как выбили немцев, кинулись на завод – спирт не был вывезен, ну и на радостях за взятие Зубцова выпили крепко. Немцы узнали про то, опять пошли атакой, взяли город. Ночью их пришлось с большими усилиями выбивать из города. Сколько там потеряли людей!

Майор тяжело вздохнул.

– На войне нельзя быть беспечным, – заключил Александр Иванович. – Ты, Малышев, помни об этом! Иначе – поражение, иначе смерть, причём смерть и твоих подчинённых…

– Да, согласен! – сказал старший лейтенант.

Семён замолчал, а потом с благодарностью взглянул на Санникова.

– Спасибо, товарищ майор, поворачиваю на Ржев, – взял под козырёк.

Федоровский тракт шел вдоль передовой. Днём оттуда до водителей машин долетали раскаты, похожие на раскаты грома, а ночью над горизонтом стояло огромное зарево, очертания его причудливо менялись, напоминая то северное сияние, то пожар. К вечеру следующего дня полк прибыл в район Ржева, в пределы Калининского фронта, им командовал генерал Иван Степанович Конев, недавно сюда назначенный.

Родом он из вологодской земли, простой в общении,

был комиссаром в Гражданскую войну, воевал в Монголии, да и с фашистами провёл не один бой в Смоленском сражении. Так что генерал знал врага в лицо.

С новым назначением Ивана Степановича Конева (после его командования Западным фронтом и поражения наших войск под Вязьмой в начале октября 1941 года) Главное командование связывало реализацию стратегических задач на Калининском фронте.

Уральский полк получил боевое задание: прорвать оборону немцев под Ржевом, углубиться в тыл противника и освободить деревню Рябинка.

6

В полночь по тревоге подняли все службы полка. В соединении с другими подразделениями 29-й армии уральцы пошли на прорыв передовых позиций вражеского фронта.

Фашисты не ожидали мощного ночного натиска Красной армии и в полной панике стали отступать, бросая машины, пушки, танки, боеприпасы, продовольственные запасы.

Наши батареи, отстреляв по одной позиции, быстро переходили в другое место, и оттуда опять открывали огонь.

Малышев с бойцами отделения едва успевал на своих машинах подвозить боеприпасы к пушкам.

– Не жалей, Семён, снарядов, – торопил его командир артиллерийского расчета Фёдор Елохов. – Давай больше, угостим фрицев! А тебе вон подарок за это, у немцев нашли…

И командир передал Малышеву ящик с ручкой. Семён кинул его в кузов, а уж потом, после боя, рассмотрел: там оказался отличный набор инструментов для ремонта автомобилей.

Одновременно с прорывом в центре вражеского фронта части Красной Армии отодвигали оборону немцев на флангах, а полк Кутенко пошёл в наступление, продвинулся на двенадцать километров вперед, занял с малыми потерями деревню Рябинка.

В штурмовую ночь, ещё за несколько недель до наступления Красной армии под Москвой, уральский полк и другие соединения Калининского фронта доказали, что советский солдат, несмотря на позор вынужденного временного отступления, не деморализован, не сломлен духовно, а готов и способен громить жестокого врага, жертвуя всем, даже жизнью.

Жизнью-то, пожалуй, в первую очередь!

Командир отделения Иван Кудерин (он был из соседнего с уральцами полка), когда вышли к деревне Русино, оценил обстановку и понял: нельзя её освободить, пока действует укрепленный дзот, оттуда фашисты поливали округу из крупнокалиберных пулемётов.

Дзот стоял на холме, при входе в деревню. Забрезжил рассвет, и немцы, различив русских, открыли стрельбу.

– Я туда подползу, – сказал Иван товарищам, натягивая на бушлат белый халат, – попробую накрыть гранатой. Если захлебнутся, поднимайтесь…

Иван пополз, окуная лицо в снег, когда становилось жарко, полз, приближаясь к чёрному зеву дзота.

Уже был близко, уже видел горячие рыла пулемётов, уже зажал в ладони две гранаты, приподнялся, размахнулся, с большим усилием метнул...

Гранаты полетели в тёмный дзот.

В тот же миг что-то вонзилось Ивану в руку, судорога потрясла всё тело – пуля пробила кисть, струя крови брызнула на снег…

Скуластое лицо Кудерина перекосила боль.

Фашисты, похоже, обнаружили Ивана в бинокль и прицельно стреляли по нему, ранил, наверняка, снайпер.

Но и брошенные гранаты сработали: взрыв взметнул снег и землю у амбразуры.

Иван оторвал кусок от халата, кое-как забинтовал руку, ждал, что будет дальше.

После взрыва гранат, следуя приказу ротного, наши бойцы поднялись и цепью побежали в атаку. Вдруг из амбразуры, будто жуткий зверь, залаял пулемёт, несколько атакующих упали, а за ними на снег легла и вся цепь.

Жар охватил Ивана, обида и злость закрутили в груди, он тупо посмотрел на черную амбразуру, до которой было десяток-другой метров, и, прижав к боку правую раненую руку, пополз вперёд.

С каждым метром продвижения вперёд Иван все больше укреплялся в своём решении. Странно, но на душе у него стало легко, почему-то отступил страх смерти, будто какой-то голос говорил: «Ты никогда не умрёшь».

Кудерин чуть изменил маршрут, взял зигзагом в сторону, так, что его не видели из дзота. Перед амбразурой Иван встал, расстегнул бушлат, крикнув, «Смерть фашистам!», лег на два торчащих дула.

Пулеметы щёлкнули несколько раз, но горячая кровь Ивана залила стволы.

Дзот замолчал!

Цепь поднялась со снега, бойцы с криками «Ура» ринулась за ротным, который с простреленной грудью лежал на амбразуре уже бездыханный.

В упорном бою, который шёл около трех часов, немцев выбили из Русина и погнали в сторону Ржева.

7

Вскоре, после завершения наступательной операции, в расположение уральского полка прибыло высокое начальство – командующий Калининским фронтом И. С. Конев.

Личный состав был выстроен для встречи с генерал-полковником.

– Товарищи офицеры и солдаты, – обратился он к строю. – Поздравляю всех вас с Победой! Ночное наступление и бой вы провели умело, без больших потерь. Взяты пленные, добыты большие трофеи. Я всегда верил, что солдат Красной армии, наш русский солдат, несмотря на временные неудачи и отступление, не сломлен ни морально, ни физически. Дух его крепок! Он готов, а главное – способен громить коварного врага, что вы и доказали этой ночью. Фашистам одна дорога: «цурюк», бежать назад, как когда-то бежал Наполеон, посрамлённый русской армией…

Генерал перевёл дыхание и продолжал:

– Товарищи, в ночном бою произошёл первый случай на Калининском фронте, старший лейтенант Иван Кудерин, командир роты, совершил подвиг пожертвования. Он закрыл собой пулемёты фашистского дзота у деревни Русино, чем обеспечил успех атаки роты. Да, это вынужденная мера, никто не приказывал ему это сделать. Он сам так решил, сам отдал себе приказ. Поэтому я как солдат и генерал преклоняюсь перед подвигом офицера. Я дал поручение подготовить документы о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Посмертно!

– Обстановка вокруг Ржева, товарищи офицеры и солдаты, продолжает оставаться тяжелой, – вернулся Иван Степанович к текущему моменту. – Но она не безнадёжная. Мы собираем силы для решающего удара. Прошу не расслабляться, враг ещё очень силён. Но мы всё равно победим!

– Вперед, за Родину, за великого Сталина! Смерть фашистским извергам!

Строй прокричал троекратное – «Ура!».

Спустя год, Кудерину присвоили посмертно звание Героя Советского Союза.

Но уже в день, когда он погиб, слух о поступке Ивана облетел фронт, солдаты и офицеры передавали рассказ о нём из уст в уста. И едва ли не каждый сознавал: рано или поздно и он, может быть, должен принести себя в жертву Родине, если того потребуют обстоятельства.

Но предвидеть фронтовые обстоятельства было невозможно даже на завтрашний день. Всё менялось по часам и минутам.

В ночном рейде наши войска захватили не только боевые трофеи, но и пленили немало немцев. В землянке, куда заглянул Малышев, шёл допрос одного из них.

– Верно ли, что солдаты и офицеры давали Гитлеру письменную присягу не сойти с места под Ржевом? – спросил переводчик фашистского офицера.

– Так точно! – ответил тот по-немецки. – Каждый офицер и солдат ставил личную подпись под данной присягой, их собирали и отправляли самолётом в Берлин.

Семёну стало не по себе.

Подумать только – «ни с места»!

Как будто для Гитлера исконно русская тверская земля – личная собственность. «Ну, мы вам покажем – «ни с места!» – закипал в душе Семён.

Он, конечно, не знал, что необычная присяга, впервые введенная Гитлером в его армии под Ржевом, была вынужденной мерой. Фашистам любой ценой надо было удержать «ржевский плацдарм», что давало возможность готовить удар за ударом по Москве.

А перед Красной армией стояла задача выбить отсюда врага. Ожесточенные усилия с обеих сторон нарастали. В страшном котле гибло и мирное население.

Фашисты свирепствовали в деревнях и сёлах, в окрестностях Ржева. В деревне Леоново, обвинив поголовно всех в связях с партизанами, каратели загнали детей, стариков, женщин в землянки, а дома подожгли. В разгар пожара всех людей вывели из землянок, положили на снег и из автоматов расстреляли…

В живых никого не осталось...

На окраине Ржева новые хозяева огородили сараи бывшей заготконторы. Некоторые были без крыш, прежде там содержали скот для убоя. Сюда изо дня в день привозили невинных, захваченных в селах и деревнях, мучили их, издевались, не давали пищи и воды…

Это был первый концлагерь, устроенный немцами на занятой территории Советского Союза.

Фашисты оказались хуже диких зверей.

8

В ответ на ночной рейд наших войск немцы усилили налеты авиации. В небе они имели явное преимущество в начальный, самый тяжёлый для страны, период войны.

Фашисты старались, если Красная армия получала какой-то успех, тут же подавить его с воздуха.

Не доезжая до деревни Павлиново, уральский полк занял позиции на опушке леса. Рядом с этим местом, вдалеке по просёлочной дороге двигалось большое немецкое соединение. Похоже, фашисты и не подозревали, что их ждёт засада.

Нельзя было упустить такой случай!

Артиллерийские расчеты уральского полка приготовились к бою и практически в упор стали расстреливать вражескую колонну. Под воздушными волнами взрывов

пушечных снарядов взлетали машины, пушки, походные кухни, убитые враги.

Начальник отделения ГСМ Малышев и его подчинённые обеспечивали подвоз снарядов на позиции артиллеристов. Каждый снаряд весил 43 килограмма, а там, где машина не проходила, таскали снаряды на себе.

Теперь же, когда Семён собственными глазами видел, как артиллеристы громили колонну, снаряды казались легче пушинки. Откуда только бралась сила в руках и спине!

Вскоре в небе загудели фашистские самолёты.

– Откатывай пушки, укрывай, маскируй, – торопил командир полка Кутенко. – Давай, ребята, давай живей!

Всё пришло в движение.

Но самолёты уже пикировали на позиции полка и с рёвом сбрасывали груз, несущий разрушение и смерть.

Семён видел, как их полковой повар Дмитрий Тараненко спешно собирал полковую кухню, откатывал её с товарищами в кусты. «Надо бы ему помочь», – подумал Малышев и уже хотел побежать по выручку Дмитрию. Вдруг – вой, грохот; прямое попадание бомбы на куски разнесло полевую кухню, в нескольких метрах лежали останки Тараненко, повара разорвало пополам.

Семёна непроизвольно затошнило от того, что увидел, он что-то закричал, попятился в глубину леса.

Когда пришёл в себя, открутил крышку фляжки, глотнул обжигающего спирта. Стало легче.

… Как сталь накаляется на огне горна, так накалялась схватка Красной Армии с фашистами на рубеже между селами Ножкино и Кокошкино, в том самом месте, где в Волгу впадает небольшая речка Симка. Здесь наши войска готовили прорыв через Волгу и штурм Ржева. Немцы понимали, что небольшой участок нельзя упустить. Несколько раз он переходил из рук в руки. Бои не затихали даже ночами.

Казалось, сама земля уже скоро не выдержит огневой нагрузки, будто её взяли за края и трясли с такой силой, что с неё всё летело – камни, деревья, дома…

Люди, как ни странно, выдерживали.

Им беспрерывно подвозили боеприпасы, продовольствие.

Сюда вела одна «ниточка». В городе Андреаполе, пока его не заняли немцы, располагался дивизионный обменный пункт, откуда доставляли всё необходимое для фронта. Путь шёл до города Нелидово, а оттуда – в окрестности Ржева.

В обиходе «ниточку» называли «Нелидовский коридор».

Солдаты-шофёры ругали этот коридор: «Бог создал небо и землю, – злословили они, – а чёрт – калининские дороги» …

Но ездили – куда денешься!

Ездил постоянно по «коридору» и Малышев со своими подчинёнными.

… Ближе к Нелидову – местность болотистая, снег подтаивал, с дороги не свернешь. Под началом Семёна – три машины «ЗИС» на резиновом ходу, под завязку нагруженные снарядами. Слева и справа – чахлый лесок, топи.

Вдруг над дорогой появился немецкий разведчик «Фокке-Вульф» с бронированным днищем, его и из крупнокалиберного пулемета не пробьёшь.

– У, зараза! – погрозил самолёту кулаком Малышев, приспустив стекло на дверце. – Только тебя и не хватало...

– До леса бы дотянуть, – тоскливо выдохнул Осип Васюков.

Он подучился на водителя и неизменно служил в напарниках у Малышева.

– Недалеко уже, – шептал Васюков. – Там под деревьями укрылись бы!

Разведчик пролетел над машинами так низко, что сквозь надвижной иллюминатор можно было различить самодовольную красную рожу пилота.

Семён и ему погрозил.

– Теперь жди подарка, – сказал он и крепко выругался.

К счастью, до леса они успели доехать. Малышев приказал расставить машины на триста-четыреста метров друг от друга под самыми высокими деревьями. Здесь росли очень высокие ели – под пятьдесят метров. Сделали нехитрую маскировку. А сами ушли дальше вглубь, проваливаясь в снег, в небольшие оттаявшие болотца. Они слышали, как прилетевший немец сбрасывал бомбы. Потом всё затихло.

Вышли из лесной глубины промокшие, вылили воду из разбухших валенок, сменили мокрые портянки на сухие. И несказанно радовались тому, что машины остались невредимыми. Поехали дальше.

В другой раз они тоже подверглись налёту, но опять обошлось без потерь.

Видимо, фашисты очень жаждали перекрыть «Нелидовский коридор», чтобы ослабить подготовку к штурму укреплений Ржева, которую вели наши войска.

Враги осуществили свой замысел, на западе они заняли часть «Нелидовского коридора». Уральский полк под городом Белый фактически оказался в окружении.

Александр Кутенко выстроил личный состав, объяснил положение. И приказал:

«Дадим «последнюю музыку!»

По вражеским точкам, координаты которых передала полковая разведка, выпустили все оставшиеся снаряды. После этого боевую технику оставили в лесу, замаскировали, замки с пушек сняли и зарыли в землю.

Командир полка принял решение вести личный состав в район Владимирского тупика, оттуда организованным порядком прорвать немецкий фронт и выйти к своим.

Переход был назначен на 1 час ночи 9 июля 1942 года.

9

Откуда фашисты узнали про замысел командира полка Александра Ивановича Кутенко, сказать трудно. Но то, что узнали, – однозначно. Когда полк вышел на намеченный участок прорыва фронта, на бойцов обрушился шквальный огонь: рвались снаряды, мины, осыпал град пуль…

Падали убитые, стонали раненые.

Малышева тоже чем-то обожгло, он потерял сознание.

Когда Семен очнулся, то увидел, что лежит среди трупов однополчан. Болела шея. Провёл по ней ладонью – на руке кровь, из носа – кровь. С трудом пополз, плохо соображая, куда. Постепенно сознание вернулось. Обрадовался, что не ранен – пуля задела кожу на шее. Но, похоже, его контузило.

«Нет, я жив, – говорил сам себе Семён, – не ранен, кровь от сорванной кожи. Ладанка мамы, наверное, спасла. Мама молилась за меня – я знаю, теперь я знаю...».

К Малышеву, сидящему на земле, подошёл красноармеец.

– В ловушку мы попали, товарищ старший лейтенант, – хрипло проговорил он. – Кто-то выдал нас с потрохами…

– А не знаешь, командир полка жив? Начальник штаба Киселёв где? – спросил его Семён. – А наш майор Сальников?

– Никого не видел, – ответил боец, – они были в другой группе.

Кто смог перейти линию фронта – осталось неизвестным.

Малышев начинал понимать – это предательство.

Но кем оно было совершено? По какой причине?

Так и осталось тайной!

В глубину леса подтягивались уцелевшие из окрестностей деревни Лесоразработка. Собралось четырнадцать бойцов – всё, что осталось от группы полка. Малышев

оказался среди них старшим по званию и принял на себя командирские обязанности. Он, разумеется, не мог знать, что фашисты предприняли активное наступление на «Нелидовский коридор», что в окружение попал не только их полк, попали также части 41-й, 22-й и 39-й армий Калининского фронта.

Снабжение наших частей, оставшихся под Ржевом, было заблокировано.

В лесу уральцы устроили шалаши, где и ночевали. Собирали ягоды, грибы. Иногда к ним прибивались такие же окруженцы из других полков, раненые, голодные, но помочь им было нечем. Некоторые уходили, некоторые оставались.

Как-то ранним утром над опушкой леса, над полем и опять над опушкой прокружил немецкий самолет. После него округа белела сброшенными листовками. Немцы предлагали русским солдатам и офицерам выходить из лесов, расселяться в деревнях, за что обещали всяческие блага, а после войны – отпустить к своим родным.

У некоторых после того, как они прочитали листовки, глаза загорелись. В их числе был и Васюков. Семён застал его, когда тот с усиленным вниманием читал «послание фашистов».

– Ты чего, Осип? – удивился Малышев. – Неужели веришь ихней брехне? Разве не понял, кто они? Прикинулись волки тихими овечками…

Васюков не ожидал, что Малышев заметит, как он читает. Аккуратно сложил листовку и бережно спрятал в нагрудный карман гимнастерки. Извинительно улыбнулся.

– Не верю, а просто так взял на память, – покосился на Семёна. – Может, после войны буду показывать детям и внукам как вещественное доказательство того, что мы пережили…

– Смотри у меня! – Семен шутливо, будто школьнику, погрозил пальцем.

Разве узнаешь, что творится на душе у человека? Да и сам человек, не раз и не два перекрученный этой войной, уже был совершенно не тем, кем уходил под Москву из далеких уральских предгорий.

И кто ему судья?

Эти вопросы, как тяжелые камни на шее, придавили на следующее утро Семёна. На поверке Осипа Васюкова не было.

Земляк исчез!

Никто не видел, когда и куда он ушёл. Можно было только догадываться, только предполагать, что Васюков клюнул на листовку фашистов.

И на самом деле – клюнул, захотел искать милости у врага. Но приманка – она и есть приманка. Обещанных благ Васюкову никто не дал – его отправили в тот первый концлагерь на месте бывшей скотобойни на окраине Ржева. При появлении начальника концлагеря Васюков бросился ему в ноги и стал просить себе особого положения, потому что добровольно сдался.

Начальник брезгливо крикнул: «Уберите эту собаку!»

И охранник лагеря тут же на виду у всех пристрелил Васюкова…

10

Не умереть с голоду – вот сверхзадача для уральцев.

Несколько человек из отряда добрели до опушки леса, откуда вдалеке были различимы крыши домов. Солдаты захотели хоть немного накопать картошки, залегли, ждали до глубокой ночи. Под тёмным покровом они проникли на ближайшую усадьбу. Как будто подошли-то тихо, а когда стали копать, зашумели.

В доме находился немецкий комендантский взвод.

Услышав возню на картофельных грядах, немцы выстрелили из ракетницы, и зависшая «лампа» осветила участок. Фашисты открыли стрельбу из автоматов. Трое солдат не вернулись на опушку, скорее всего, погибли.

А в вещмешке у Малышева лежало всего две картофелины. Цена была ужасной: три смерти за две картофелины!

Шёл второй месяц, как бойцы из уральского полка скитались в лесных просторах, простиравшихся вокруг райцентра Оленино, добывали ягоды и грибы, благо их в то лето уродилось на славу. Малышев втайне благодарил Бога (образ, надетый матерью, он не снимал) за то, что солдаты не сломались морально.

Балагур Женя Елагин, который отбился от своей части и пристал к уральцам, поднимал настроение товарищам.

– Мужики, вот я читал во фронтовой газете, это правда, – начал Женя, – что в Калинин прорвался наш танк, расстрелял охрану возле немецкой комендатуры, смял их пушки, немцы не могли поверить, что советский танк. А когда опомнились, танк-то - прямым ходом по мосту через Волгу и на Клин. Они давай по нему лупить из пушек, а поздно. Едет, значит, танк дальше, а тут по нему уже с нашей стороны начали палить, думали, что танк немецкий. Когда разглядели звёзды на башне, то прекратили огонь. Остановился танк, подбежали наши бойцы. Паренёк открыл люк, снял шлем. Красноармейцы спросили: «Эй, ребята, вы откуда?». А паренёк им в ответ: «С того света, хлопцы! С того света, из самого ада…».

– Не врешь, Женя? – спрашивали бойцы.

– Да как же я могу врать, – уверял Елагин, – такое придумать невозможно. Было такое на самом деле!

Окруженцы построили себе стан в чащобе. Подступы к нему охраняли, выставляя дозор. Как зеницу ока, они

берегли огонь – спичек не было. Огонь держали в банке из-под консервов, постоянно подливали туда топливо, фитиль горел круглые сутки. Когда уходили куда-то надолго все вместе, огонь обязательно брали с собой. По одному из стана никто не выходил, обязательно по двое-трое.

Не оставляли попыток раздобыть продовольствие.

Одна из таких попыток едва не стоила жизни Семёну Малышеву. В середине сентября, около девяти вечера, когда моросил мелкий дождь, бойцы направились к деревне Черная. Эту деревню Семён проезжал, когда возил снаряды по «Нелидовскому коридору». Тьма стояла, в трех шагах ничего не видно. Бойцы остались на опушке леса, а Семён, взяв с собой двоих солдат, пошёл к деревне, от леса – километра полтора.

Подошли к огородам.

Солдаты остались у изгороди. А Семен потихоньку приблизился к дому, во дворе которого горел свет. Увидел двух женщин. Одна доила корову, другая делала что-то в доме. Заметил ещё и старушку, вероятно, это была их мать. Малышев постучал в окно.

– Ой, кто это стучит? – испугалась молодая крестьянка.

– Не бойтесь, мы – свои, – тихо отозвался Малышев. – Я из окружения.

Молодуха подошла, открыла окно и поняла, что он, действительно, окруженец: истощен, обессилен, оборван.

– Есть ли в деревне немцы? – спросил Малышев.

– Есть, их человек пять-шесть, – ответила крестьянка, –но много полицаев и предателей.

– Дайте нам еды, – попросил Семён.

Она отошла, быстро вернулась, подала Малышеву мешок, наполненный картошкой, и буханку теплого домашнего хлеба.

– Вот, возьмите, но будьте осторожны, – предупредила

женщина. – Посреди деревни, на улице, на виселице повешены два сельских партизана…

Малышев кивнул в знак благодарности за картошку и хлеб, за предупреждение.

– Не найдутся ли у вас хоть какие-то старые сапоги? – опять обратился он к ней.

– Сапог нет, – ответила молодуха, – а ботинки могу дать…

В тот момент по улице проходили полицаи, до них долетели обрывки разговора.

– Кто тут? – громко крикнул один из полицаев.

Малышев отскочил от окна в сторону огорода, на всякий случай достал пистолет и снял с предохранителя. Полицай дал очередь из автомата. Малышев, как бы машинально, а может, предупреждая, что его голыми руками не возьмешь, тоже выстрелил.

На выстрелы подоспели другие полицаи, а также фашисты, бывшие в деревне, они стали окружать двор и часть огорода. Семён, вжавшись в землю между картофельными грядами, затаился. Страшная мысль кружила в голове: «Зарыть быстрее удостоверение офицера и партийный билет, попадись с документами им в руки – сразу расстреляют». «Но ведь, – рассуждал Семён, – без документов и к своим нельзя вернуться, будешь неполноценным, ущербным …».

Цепь полицаев оказалась ближе ко двору, а Малышев вне её, буквально метра на три. Они стягивали кольцо вокруг дома и двора. Семён встал, пригнулся, под шум начавшегося дождя добрался до изгороди, перелез через неё, передохнул минут десять и поковылял к опушке.

Так он ушел от верной смерти.

Двое солдат, когда услышали выстрелы, убежали, думали, что Малышев погиб. Остальные ждали командира в лесу.

Хлеб и картошка, добытые с такой опасностью, были для отряда великим праздником.

11

В конце сентября уральцы встретили в лесу другую группу окруженцев и объединились с ней в один отряд. У тех было оружие и продукты.

Теперь отряд насчитывал тридцать пять бойцов. Создали группу разведки. По её данным отряд громил обозы фашистов, забирал боеприпасы и продовольствие, освобождал от карателей и полицаев населённые пункты.

Слух о лесных партизанах как об избавителях от ненавистных фашистов ходил по всей округе.

... Рано выпал первый снежок, обрядил поля, луга и перелески в чистую, щемящую сердце красоту, как будто не было на свете войны, народного горя, пролитой крови.

Большой риск идти по свежей пороше. Но Малышев не хотел отменять намеченную операцию, надеясь, что их следы заметёт следующая пороша.

Подошли к деревне Загорье – двадцать четыре бойца. Разведка доложила: в населенном пункте находятся десять фашистов и двадцать полицаев из русских. В крайнем доме жил староста, на совести которого было много злодеяний.

К нему и пошли.

Стучать не пришлось, ибо староста Никита Поликанов, грузный, краснорожий, как будто ждал кого, был настороже. А, может, и ждал – разве скажет?

Малышев негромко проговорил под окном:

– Открывай, Никита, мы пришли.

– Иду, иду, – отозвался староста уже в сенях.

– За продуктами, – пояснил командир, – тебя не тронем, не поднимай шума...

– Всё равно тише, тише, – попросил староста, – а то, может, за мной следят...

– Тебе немцы доверяют, – возразил Малышев. – Как они могут за тобой следить? Нам нужны продукты!

– Я всегда с душой к партизанам, – заверил староста, – мигом принесу, чем богат.

Поликанов вынес и передал партизанам картошку, хлеб, бочонок мёду.

– Оружие у тебя есть? – повернулся к нему командир.

– Есть, новый немецкий автомат и патроны, – не скрыл староста.

– Принеси и сдай, – приказал Малышев.

Никита вынес автомат, патроны. Было заметно, что он неохотно расстаётся с оружием.

Долго задерживаться у дома старосты было опасно.

Малышев размышлял, как поступить с ним. Разведка докладывала, что по доносам Поликанова от рук фашистов погибло много односельчан и партизан.

– Пойдешь с нами, – приказал Малышев Поликанову.

– Обещали не трогать! – напомнил староста.

Малышев не ответил. Жену и дочь Поликанова солдаты оставили в покое. Уходя, Малышев поставил у дома двух автоматчиков, чтобы жена не подняла переполоха.

Отряд двинулся к лесу.

Когда пришли на опушку, староста догадался о своей участи. Он начал всхлипывать, просил отпустить, заверял, что искупит вину, обещал снабжать отряд продуктами. Жалко было смотреть на Никиту Поликанова – предателя Родины.

Но и отпустить его партизаны не имели права – слишком много жизней невинных людей числилось за ним. К тому же, он вполне мог натравить карателей на партизанский отряд.

– По твоим доносам, предатель Поликанов, которые ты отсылал в фашистскую комендатуру в Ржев, – сказал Малышев, – расстреляли пять семей, в семьях были и дети. Неужели у тебя не дрогнуло сердце? А сколько деревенских ты выдал за связь с партизанами!

Поликанову нечем было оправдаться.

Старосту казнили.

12

Проводя боевые операции в тылу немцев, командир отряда не терял надежды прорваться через фашистскую линию фронта и выйти к регулярным частям Красной армии.

В декабре была предпринята такая попытка. Но она оказалась неудачной. Ночью отряд шёл по просёлочной дороге и попал на заминированный участок, несколько бойцов погибло.

Следующую попытку прорыва определили через местности, которые назывались Бельский Мох и Свижское болото. Малышев послал группу бойцов, чтобы определили и проверили маршрут, приготовили всё необходимое для перехода. На это потребовалось несколько дней.

Под вечер, когда с неба падали редкие снежинки, в землянку к Малышеву вошёл рядовой Евгений Елагин, тот самый балагур.

– Товарищ командир, ваше задание выполнено, – доложил он. – Маршрут прошли, всё проверили. В болоте настелили брёвна, проложили лежнёвку, подморозило, можно по ней переходить, как по твёрдой дороге. Всё надёжно!

– Объявляю благодарность, – сказал Малышев. – Молодцы!

В густых сумерках отряд построился в два ряда и взял курс на Свижское болото. Впереди, в отрыве, шла небольшая группа разведчиков. Через некоторое время один из группы вернулся и доложил Малышеву, что разведка обнаружила фашистское охранение. Ясно, что идти на столкновение с фашистами не имело смысла.

– Продолжайте наблюдение за немцами, – распорядился Малышев, – а отряд пока заляжет здесь. Обстановку докладывайте.

Пришлось бойцам лечь прямо в болото, которое хотя и замёрзло, но не везде настолько глубоко, чтобы выдержать вес человеческого тела. Одежда у некоторых

бойцов, пока они лежали в ожидании данных разведки, промокла.

Наконец, гонец из группы пришёл и сообщил, что немецкое охранение ушло восвояси, можно начать переход на противоположную сторону Свижского болота.

С большими предосторожностями отряд двинулся по обозначенному маршруту.

Казалось, время замерло, минуты тянулись нестерпимо долго, так всем хотелось быстрее попасть на другую сторону.

Неожиданно на боевом охранении нашей линии шедшие по болоту услышали русский голос: «Стой! Кто идет?».

Окруженцы наперебой начали кричать от великой радости.

Семён Малышев встал на колени и заплакал. Слёзы текли по щекам, попадали в рот – теплые, соленые. Семён не утирал их, не в силах сказать ни слова. Наконец-то, он – среди своих!

Из этого состояние его вывел подошедший красноармеец.

– Дедушка, а ты чего плачешь? – спросил он Малышева.

– Я не дедушка, – ответил Семён. – Мне всего двадцать пять лет. А плачу я от большой радости!

А в эти минуты в Серове его матушка Елизавета Карповна сидела у окна и плакала. На столе перед ней стояла фотография Семёна. На днях она получила извещение, что Семён пропал без вести.

– Господи, за что мне такое наказание? – причитала она. – Даже не знаю, где могилка сына. Не знаю, где могилка Гриши, не знаю, где могилка Семёна. Ой, горюшко ты моё, горе!

Пропавший же, пройдя необходимую проверку в Подольске под Москвой, был отпущен в отпуск. И в январе 1943 года ехал домой в тамбуре свердловского поезда, поскольку другого места не было.

Приехав в Серов, с вокзала пешком дошёл до дома.

Елизавета Карповна, открыв дверь, отшатнулась.

– Что такое? Неужто привидение? – вырвалось у ней.

– Здравствуй, мама, – шагнул к ней Семён, будто вернулся из другой жизни.

– Семён, ты ли? – всё ещё не верила мать. – Неделю назад прислали, что пропал без вести, а вчера на тебя пришла похоронка, вон на столе лежит...

– Я живой, мама, я живой, – радостно твердил Семён. – Я вернулся из Ржева, я вернулся из ада…

2005-2019 гг.

ТАЙНЫЙ СВЯЗНОЙ

***

В Великой Отечественной войне участвовали миллионы советских солдат и офицеров. Но лишь четверо из них были удостоены двух самых высоких наград – звания Героя Советского Союза и полного кавалера ордена Славы.

В их числе – Николай Иванович Кузнецов (1922–2008) – мужественный воин, один из символов нашей Победы над «коричневой чумой» XX века.

В Российской Федерации он был единственным участником войны, кто имел эти великие звания.

29 апреля 2022 мы будем отмечать ему 100 лет.

Кузнецов родился в крестьянской семье в деревне Пытручей бывшей Ленинградской области (ныне Вытегорский район Вологодской области) 29 апреля 1922 года.

Военная судьба его как бы «разделена» на две части.

До 1943 года он – нелегал-разведчик в фашистской Германии. После ранения возвратился в Красную армию, был дивизионным разведчиком, затем артиллеристом, командиром расчёта.

Участвовал в штурме Севастополя 7 мая 1944 года, прошёл в атаке Сапун-гору, водрузил над железнодорожным вокзалом города Красное знамя. Из штурмовой группы в живых осталось трое.

Командующий 4-м Украинским фронтом генерал Фёдор Иванович Толбухин, выслушав после боя доклад Кузнецова, сказал: «Если бы у меня была Звезда Героя, я бы снял и прикрепил к твоей гимнастерке».

Позже вёл жестокие бои на территории Белоруссии, затем – Литвы, далее путь лежал в Восточную Пруссию.

Расчёт Кузнецова выиграл страшный бой с фашистским «Фердинандом» в городке Лабиау. Наконец, штурм Кёнигсберга – неприступной крепости фашистов.

22 февраля 1945 года расчёт Кузнецова вместе с батальоном капитана Бурова занял высоту «Сердце» (в окрестностях населённого пункта Зидлунга, ныне Чкаловск Калининградской области). Немцы, чтобы овладеть высотой, бросили в бой 20 танков и несколько самоходных орудий.

Бой шёл всю ночь! Половина расчета Кузнецова погибла, сам он был ранен, но фашистам не удалось взять высоту – они потеряли 11 танков и сотни убитых солдат и офицеров. Командующий 3-м Белорусским фронтом, Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский о подробностях этого боя написал: «За исключительный героизм в битве за Кёнигсберг тов. Кузнецов достоин звания Героя Советского Союза».

19 апреля 1945 года это звание ему было присвоено.

Николай Иванович Кузнецов является героем города Севастополя и города Кёнигсберга, ныне Калининграда.

Все эти факты его биографии известны.

А работа в тылу врага осталась «засекреченной». Когда подписку с Кузнецова сняли, тогда мне посчастливилось общаться с ним, записать рассказы о его службе в СД (секретной разведке в фашистской Германии). Из бесед, а также из документов, подтверждающих некоторые события, и возникла повесть «Тайный связной».

АВТОР.

ДОРОЖНАЯ СУМКА

Колёса вагонные до сих пор стучат у меня в ушах. Точно, увы, я не помню детали всего, что тогда произошло. Как и откуда возник незнакомец? Куда безвозвратно исчез? Лишь припоминаю, что на дворе набирала силу пора цветения. По взгоркам золотисто рассыпались одуванчики, везде пробивалась свежая травка, черёмуха раскрывала душистые кисти.

Воздух оглашал гомон птиц, природа щедро дарила тепло и ласку.

Иногда мне кажется, что ничего странного и не было. Какой-то призрак подрулил ко мне, или, может, мираж охватил душу.

Но тогда откуда взялась эта сумка?

Сумка была изрядно потёртая, по принадлежности – давней военной поры. Такие сумки обычно носил через плечо командир роты, батальона или полка. Не могла же она очутиться рядом со мной, на сиденье вагона, «по щучьему велению»!?

О её содержимом я ещё ничего не знал, даже не догадывался – не до того было.

Я возвращался со свадьбы друга, где погулял от души.

Друг устраивал её в деревне, на родине невесты. Свадьба удалась на славу! Самая первая деревенская красавица Елена, русоволосая, голубоглазая, с иконописным ликом, была в нарядном платье и фате. Будто она только-только вышла из русской сказки, и прямо прошла в центр избы, заполненной праздничным народом.

А уж про моего дружка Сашу я молчу – тот рядом с ней сиял, как начищенный самовар.

В просторной избе волновался деревенский люд. На

окнах, распахнутых настежь, гроздьями повисли деревенские девчонки и мальчишки.

С улицы шли в избу принаряженные в сарафаны тётки, дружно и пронзительно затягивали:

Ты погляди, родимая матушка,
На свою дочь милую,
На лебедушку белую.
Это не яблонь шатается,
Это не берёзка увивается –
Это дочь твоя милая!

Слушая песню, родители невесты тихо и радостно плакали.

А певчие тётки продолжали представлять свадебный обряд.

И дальше пели – всё в таком же роде, подтягивали мелодию, шли хороводом по центру избы.

Потом они причитали, от их причитаний сердце чувствовало себя, будто на качелях: вверх - вниз - вверх!

Не только жених и невеста, их родители, но и все гости прочувствовали серьёзность момента.

Когда запенились ковши и бокалы, когда народ окунулся в веселье, я уже смутно помнил всё свадебное гулянье – крепко, щедро по-русски угощали в деревне.

Помню, что какой-то мужик несколько раз мелькнул передо мной, когда с другими гостями выходил во двор покурить. Но я не придал тому особого значения.

Гуляли и на следующий день. Я уже был не в своей тарелке, чувствовал, что перегрузился, не мог ни пить, ни есть.

До железнодорожной станции, которая была недалеко, дошёл с одним желанием – поскорее сесть в поезд, поскорее добраться в отчий дом, где отдохнуть и вволю отоспаться, забыть шумную питерскую жизнь.

Войдя в вагон скорого поезда, я нашёл место у окошка,

сел, уронил голову на руки и заснул тяжёлым сном похмелья.

Вдруг кто-то сильно потряс меня за плечо.

Я оторвал голову от столика и увидел перед собой стоящего в проходе мужчину. Он был выше среднего роста. А одет так, что трудно было запомнить что-либо из его одежды – всё какое-то обтекаемое и серое. И лицо мужчины тоже не имело ярких характерных черт, хотя почему-то и показалось мне знакомым.

Смутно пронеслось в памяти, будто я видел давно это лицо на старой семейной фотографии, ещё довоенного образца. На фотографии, которую бережно хранила у себя моя мама.

Или мне только почудилось такое сходство?

– Что Вы хотите? – пробурчал я, недовольный тем, что разбудили меня столь бесцеремонным образом.

– Твоя фамилия Синицын? – в свою очередь спросил он.

Меня поразило, откуда незнакомец знает мою фамилию.

– Да, Синицын! – подтвердил я. – А что Вам нужно?

– Значит, я не обшибся! – обрадовался мужчина.

И позвал в вагонный тамбур поговорить кое о чём.

Идти не хотелось, я опять положил голову на руки, готовый продолжить сон, но он снова дотронулся до моего плеча.

Странно, но, как приученная собака, я побрёл за ним.

В тамбур долетал лязг колес на стыках, из прохода тянуло сквозняком. Я предложил ему закурить, он отказался, я же закурил. Да, своего имени он не назвал, но сразу огорошил меня тем, что, мол, в молодости он хорошо знал моих родителей, и даже вспомнил, что летним вечером в деревне они любили сидеть на лавочке у реки. И это расположило к нему.

Я и не пытался уловить какую-то логику или связь в на-

шем разговоре – давало о себе знать непрошедшее похмелье.

Он же, тем временем, как бы невзначай спросил, что мне известно о моём родственнике по отцовской линии – дяде Коле.

– Знаю, что он воевал, – охотно ответил я. – Был офицером, вроде бы, разведчиком. Дошёл дядя Коля до самого Берлина, так мне мама рассказывала. Уже перед самой Победой, в мае сорок пятого, дядя Коля неожиданно исчез, написали из части, где он служил. Ещё я знаю, что бабушка моя, мать дяди Коли, за него получала пенсию.

– Это хорошо! – почему-то одобрил незнакомец.

– Что хорошо? – не понял я.

То ли хорошо, что дядя Коля пропал без вести, то ли хорошо, что бабушка получала пособие.

Незнакомец, увы, ушёл от объяснения того, что, по его мнению, хорошо, и продолжал увлекать меня никчёмным, просто другим разговором.

Припоминаю ещё, что вызнал, где и на кого я учусь, и когда услышал, что на журналиста, то одобрительно воскликнул, что попал по адресу.

Я опять хотел уточнить, что имеется в виду, но он не дал опомниться своими вопросами.

Странный диалог проходил в тамбуре скорого поезда.

Скорее – монолог, в котором я не успел спросить незнакомца ни о чём.

Но это я осознал чуть позже, когда осталось только горькое сожаление.

Сигарета догорела, и я предложил незнакомцу пойти в купе и продолжить беседу.

– Иди, – согласился он. – Сейчас подойду.

Я вернулся в купе, сел за столик и стал ждать. Но его всё не было. Минут десять прошло, потом – двадцать, потом - полчаса. А он так и не появился.

Остатки свадебного хмеля улетали из моей головы, и я начал кое-как соображать и обдумывать ситуацию.

«Уж не дядя ли Коля из-под Берлина, из сорок пятого, явился мне собственной персоной?» – мелькнула шальная мысль.

От этой мысли меня в жар бросило.

Я вскочил и побежал в тамбур.

Незнакомца там, увы, не было.

Я прошёл все вагоны в оба конца, заглядывал в купе, иногда в туалеты – незнакомец будто испарился. В голове промелькнуло: не с похмелья ли почудился незнакомец и его назойливый разговор? Или я уже начинал выходить из ума?

Удручённый вконец и расстроенный, я вернулся в своё купе, сел за столик. Думал, размышлял и решил– вычеркнуть навсегда странный эпизод из памяти.

Снова задремал и забыл обо всём.

Но дремоту мою прервала сидевшая напротив женщина.

– Молодой человек, вот эта сумочка, – она показала на сумку, которой раньше не было на моём сиденье, – вам оставлена.

– Кто её оставил? – удивился я.

– А вот тот самый человек, что подходил недавно, – охотно пояснила она. – Вы с ним вместе куда-то отходили.

Я понял, кого она имела в виду.

– Он оставил её, когда я уходил? – уточнил я.

– Да нет же, – продолжала дама, – когда вы вместе отправились…

Ну, чехарда какая-то!

Он же пошёл вперед, это хорошо помнил, а я вслед за ним. Как он мог оставить сумку? В руках у него ничего не было!

– Может, он возвращался? – посмотрел я на даму, надеясь услышать «да».

Не исключено, что он появился, когда я искал его по вагонам.

– Нет, нет, – твердила соседка, – тот человек больше не приходил.

Я посмотрел на оставленную вещь.

Это была потёртая полевая сумка времён Великой Отечественной войны.

Я приподнял её за плечевой ремень.

Там что-то было. Но я не стал её открывать и проверять. Ну, оставил и оставил, возьму – в хозяйстве сгодится.

Так и поступил.

В Москве мне повезло: я вышел из поезда новгородского направления и успел купить билет на состав, который через час уходил на Осташков. Уже потемну покатил в родные пределы.

На нашу маленькую станцию прибыл ранним утром. Я спрыгнул с подножки вагона, миновал домик станционной старушки, в окнах у неё горел свет, и вышел на луговую тропку, ведущую к деревне.

Лёгкий туман поднимался из приречной низины. Терпко, до слёз в глазах, пахло свежескошенным сеном. Я глубоко вздохнул – вот она, милая Родина! Идёшь – и не чувствуешь ног, дышишь – не надышаться, а мысли в голове – всё только светлые и хорошие.

В деревенском материнском доме я первым делом, конечно, отоспался, как следует, отошёл от свадебного гулянья и суеты большого города. И когда ко мне вернулось ровное, спокойное и хорошее настроение, я вспомнил о встрече в поезде и рассказал всё матери.

– Тут и к гадалке не ходи – это был он, Коля пропащий, – обронила она. – Я его повадки смолоду помню – всё секретничал.

– Как же он мог меня узнать, – возразил я матери, – если на самом деле это был он?

- А что тут хитрого? – удивилась мать. – Всё просто. Ты

же похож на своего отца, а, значит, и на его брата Колю – вот и весь секрет!

– Зачем ему скрываться через столько лет? – гнул я свою линию. – Это тогда, сразу после войны, пропавших без вести, если они находились, или попавших в плен, если их из плена вызволили, судили, сажали в тюрьмы, расстреливали… Теперь другое всё! Зачем прятаться?

– Откуда ты знаешь, другое время или не другое? – резонно возразила мама. – И разве тебе дано судить о том, что и за кем числится? Может, кто-то сотворил такое, что до смерти нельзя открыться? Ни ты, ни я не вправе никого судить! Тем более, того, кто побывал на войне!

Что возразить? Мама была права.

Про сумку сказал, что купил по случаю на барахолке, которая по воскресным дням шумела на Фонтанке в Питере, буду ею форсить в университете. Не хотел расстраивать, будто её подбросил как бы дядя Коля. Из семейных преданий я знал, что в юности мать питала привязанность к Коле, и я пощадил чувства, которые, может быть, ещё таились у неё в душе.

***

… Так вот, с сумки-то только и начинается эта история.

Я взял её и стал исследовать содержимое, когда мама ушла хлопотать в огороде.

В первом отделении обнаружил объёмный пакет, перевязанный холстиной и запечатанный в толстую кожаную обёртку. Я взял ножницы, чтобы разрезать пакет, но будто невидимая сила удержала меня. Тогда я раскрыл второе отделение.

Там я обнаружил небольшой серый конверт. Он был тщательно заклеен. Аккуратно разрезал край, вынул письмо, разложил на столе.

«Дорогой и далёкий мой друг! – внимал я словам не-

ожиданного послания. – То, что я тебе хочу рассказать, передав дневниковые записи, покажется фантастикой и вымыслом. Но я не фантаст и не сочинитель. Я – разведчик. И по своему опыту знаю, что люди часто принимают вымысел за правду, а реальные факты – за вымысел. Так, к сожалению, устроено сознание у многих.

Всю правду о войне рассказать невозможно.

Но ты, дорогой мой друг, к кому попадут эти записи, должен донести людям правду об одном из самых коварных замыслов фашистов против советского народа.

Я и сам мог бы это сделать, но мне не позволят, потому что ещё не пришло моё время. А оно придёт тогда, когда о войне начнут забывать, когда наша Великая Победа будет цинично осмеяна и оплёвана. Когда против нас замыслят ещё одну войну, но более хитрую и изощрённую, возможно, без применения оружия.

К тому времени, наверное, меня уже не будет в живых. Но я очень желал бы, чтобы всё пережитое мной на войне, стало известно другим, как можно большему числу людей.

Мне было приказано молчать – и я молчал.

Но этот запрет я скоро сниму собственной смертью»

Под посланием стояло имя: «Иван Малинин».

И далее следовали регалии разведчика, в том числе – звание Героя Советского Союза, медали, ордена, документы об участии в первом параде Победы в Москве.

Записи Ивана Малинина, а фактически это был дневник, написанный тайком уже в послевоенное время, глубоко потрясли меня необычными событиями и сердечной правдой автора.

Все минувшие годы я старался выполнить просьбу автора об умолчании до определённой поры.

Теперь же настало время, когда можно предать огласке уникальный дневник разведчика и взглянуть его глазами из текущего дня на далёкие события.

ПОБЕГ В ГЕРМАНИЮ

– Фу, какой ты противный, Малина! – Ирочка показала язык, а потом с шумом шлёпнула меня по руке.

Она сидела за партой впереди.

Я всё равно дёрнул её за косичку и ещё изловчился и чуть-чуть уколол её понарошку, чтобы не больно, булавкой в одно место.

– Ой! – вскрикнула она.

Ирочка Тюленева нравилась мне больше всех. Но как сказать ей об этом – я не знал.

– Малинин, чем ты там занимаешься? – голос Софьи Ароновны, учительницы русского языка, был низким, грубым. – Почему не слушаешь? Повтори, что я сказала.

Я встал из-за парты и повторил слово в слово.

Такая у меня была память, что все удивлялись.

– Садись, – Софья Ароновна, как будто осталась недовольна моим безупречным ответом. – После урока подойдёшь.

Ирочка тут же повернулась, состроила глазки и фыркнула.

Так я и знал – Софья Арановна накатала в дневнике моему отцу: «Ваш сын на уроке русского языка не слушает учителя, – вывела она красивым почерком, – разговаривает, балуется с девочками. Прошу принять меры».

Мой отец, Петр Федосеевич, был человеком крутого нрава. Под горячую руку мог проучить чисто по-мужски – подзатыльником или ремнём. В тот вечер он попросил у меня дневник, чего давно уже не делал. Я с трепетом стал ждать худшего.

Отец открыл дневник как раз на той странице, где была запись учительницы русского языка. Он посуровел лицом, быстро взглянул на меня. Что было бы, я не знаю, если бы не позвонили в квартиру.

Он отложил в сторону дневник и пошёл в прихожую

открывать дверь. В гости заглянул давний друг моего отца – дядя Федя.

С пышными чёрными усами на добродушном славянском лице, статный, медлительный в движениях, он казался мне загадочным, таинственным, занимался какой-то разведкой. Об этом я однажды случайно узнал из его разговора с отцом, и когда хотел спросить о загадке, отец строго взглянул на меня, и я вышел из комнаты.

Что такое разведка? Я так и не узнал. Иногда мне представлялось, что дядя Федя, одев куртку-невидимку, следил за каким-то врагом или шпионом, находясь на Васильевском острове, на Невском проспекте, или ещё где-то; подслеживал из-за угла, никем не замеченный.

И мне почему-то хотелось поступать, как и он. Всегда при удобном моменте я просил:

– Дядя, Федя, возьмите и меня в разведку!

Он крутил пальцами чёрный ус, смущённо и загадочно улыбался, то ли в шутку, то ли всерьёз обещал:

– Подумаю, подумаю…

Теперь, похоже, дядя Федя явился в роли моего спасителя от праведного гнева отца.

Сняв пальто в прихожей, дядя Федя удалился с отцом в его комнату.

Дверь осталась полуоткрытой.

Со страхом, на цыпочках, я подошёл поближе и услышал очень любопытный разговор взрослых.

– А что, Федосеич, – спрашивал гость у моего отца, – мальца-то твоего, может, действительно, попробовать? Ванёк – парнишка смышлёный, потянет. Отдадим в школу разведки.

– Сам знаешь, Фёдор, дело это такое… Опасное! – возразил мой родитель. – Не тебе объяснять, какие там дела могут быть: потребуют – от отца родного отречёшься, потребуют – и себя самого забудешь. Не знаю, не знаю. Уж больно рискованно!

– Ну, не без риска, конечно, – согласился дядя Федя. – А кто не рискует? Из дома вышел и уже рискуешь! То на ногу кто-то наступил, то повозка или машина собьёт…

– Да и с учёбой у него не всё гладко, – продолжал отец. – Вон учительница требует принять меры.

Дядя Федя громко рассмеялся.

– Прямо-таки и меры принять! Ха-ха-ха, – залился он снова. – С девчонкой заигрывал? А ты, Петр, вспомни себя! Разве ты, когда учился в гимназии, не баловал?

– Не без этого, было дело, -- согласился отец.

– То-то и оно! – весело продолжал дядя Федя. – Ну, а по поводу твоих опасений и рисков, скажу так. Как же другие не боятся и поступают в школу? Они из того же теста сделаны, что и мы с тобой. Учатся, оканчивают школу, служат Родине! Сказано – не боги горшки обжигают…

– Не знаю, не знаю, – всё ещё сомневался отец. – А, может, Фёдор, ты и прав!? Давай, попробуем.

Сердце моё затрепетало, чуть не закричал от радости.

Но вовремя отступил от двери.

Выскользнул из квартиры и побежал в соседний подъезд к моему дружку Боре Копейкину. Я выманил его погулять в микрорайоне Автово, на окраине которого в то время были самые настоящие деревни. Тихий снежок падал с тёмного неба, ласково светили фонари. Мы остановились у небольшого замерзшего пруда, где лёд был расчищен от снега, на нём устроили каток, ребятишки катались на коньках и санках.

Шёпотом, чтобы никто не услышал, я сообщил Борьке первейшую новость – о подслушенном разговоре и необычном желании дяди Феди.

– Если идти в разведку, – загорелся дружок, – то только вместе, вдвоём.

Я с ним согласился.

Как ни странно, мальчишеские мечты стали обретать реальность. Через некоторое время после памятно-

го разговор отца с дядей Федей я и Борька оказались в Кронштадте. Добирались мы до Кронштадта через старый Ораниенбаум, а оттуда по фарватеру, проделенному среди льда Финского залива, плыли на маленьком пароме, который усиленно коптил небо из большой трубы.

Впечатление незабываемое!

Солнце взошло, кругом снег и лёд, а мы плывём на пароме. А вдали, на горизонте, постепено вырастала из мглистого тумана знаменитая морская цитадель – Кронштадт. Как и чем мы там занимались, я описывать не буду, это по-прежнему остаётся «военной тайной».

Но мне и Борьке очень нравилось всё: и ранний подъём с последующей зарядкой, и изучение разных стран мира, иностранных языков, и такой курс, как «Наука разведчика». Нам запретили говорить кому-либо про то, на кого мы учимся. И, приезжая, если отпускали на выходные, в Ленинград, мы притворялись, что поступили в торговую мореходку и готовимся стать матросами заграничного плавания.

Знакомые охотно верили этой – первой в моей жизни «легенде».

Ирочка Тюленева однажды встретила меня в морской форме на канале Грибоедова. Вся покраснела.

– Я думала, что тебя из школы выгнали, и ты уехал куда-то, – пролепетела она.

И уставилась на меня удивлёнными глазами.

Ирочка стала такой красивой, что я чуть не потерял дар речи, когда её увидел. Всё же я пришёл в себя, осмелел, заговорил с нею, предложил прогуляться вдоль канала.

Мы неторопливо пошли по набережной.

Само собой, про разведку не сказал ни слова. Всё больше заливал про учёбу на моряка, уверял, что скоро на большом корабле выйду в море.

Через восемь месяцев меня и Бориса перевели из

школы в Кронштадте в другое учебное заведение под Москвой.

Нам было тогда по 16 лет.

Подмосковье стоит в моей памяти так, будто всё происходило вчера. Будто я опять наяву вижу старинный парк, в центре которого – большой пруд. За парком, если идти по тропинке через поле, открывается сосновый бор, а в самом бору – древний монастырь. Туда и привезли нас. Церковь была закрыта для службы, но в ней действовало вот это заведение. Нас поселили в помещениях, приспособленных под школу и общежитие. Когда-то это были кельи братского корпуса, в них жили монахи, но мы тогда об этом как-то не задумывались, не знали всех деталей.

Нас занимало необычное место, новая обстановка.

Я был счастлив, что учился не один, а со своим лучшим другом Борисом Копейкиным. Всё шло так, как мы когда-то мечтали. Только Борис был в другой группе, где изучали испанский язык, а в нашей группе «шлифовали» немецкий. Я оказался довольно способным к нему, и уже месяца через три без особых усилий довольно свободно говорил и писал по-немецки. Не было сомнений в том, где и как предстояло работать.

Однажды рано утром, ещё до начала занятий, вызвали к начальнику школы полковнику Михаилу Николаевичу Кремлёву.

Я вошёл к нему, доложил по уставу. Начальник провёл в другой кабинет, где на двери был сделан «глазок».

– Посмотри, – повернулся Михаил Николаевич, – знаешь ли ты этого человека?

Я подошёл к двери, приложился к «глазку» и чуть не вскрикнул. Там, за дверью, за столом сидел ...я! Да, я, самым натуральным образом, даже одет был точно так же, как и я. У того, который был за дверью, и лицо, и рост, и фигура - всё моё!

– Ну, что? – спросил начальник.

– Не знаю такого человека, если это не я, – выдавил я в растерянности.

И мне почему-то стало стыдно, будто я существовал в «двух лицах» одновременно.

- Это ты и есть! – пояснил мне полковник Кремлёв, когда мы вернулись в его кабинет.

Он посмотрел на меня, изучая, какой эффект произвели его слова.

Я молчал, не зная, что ответить.

– Это ты и есть! – опять сказал начальник школы. – Только не Иван Малинин, а Вильгельм Штофф. Понял?

– Понял! – подтвердил я, ничего не понимая.

В тот же вечер меня привели к офицеру, который не вёл занятий в школе. Он познакомил меня с «легендой», в основе своей достоверной, которая с того момента была моей «официальной биографией».

В одном из сёл немецкой колонии в Поволжье проживала обрусевшая семья Штоффов, перебравшаяся сюда в 1918 году, когда в Германии бушевала революция, а в России уже шла Гражданская война. Глава этой поволожской немецкой семьи, звали его Людвиг, был близким родственником (родным братом) крупного банкира в фашистской Германии Вальтера Штоффа. Ну, а сын Людвига, он же одновременно и племянник богатого банкира – Вильгельм, одного со мной возраста, оказался, как две капли воды, похожим на меня.

Бывают же чудеса в природе! И то, что мы – я и Вильгельм – оказались полностью похожими, именно такое чудо.

Это наше сходство руководители разведки и решили использовать в «большой игре» с будущими врагами.

Чуть ли не каждый день нас поочередно показывали десяти-пятнадцати курсантам, никто из них не мог найти каких-либо отличий. Совпадение было не только внешним, но даже и по группе крови.

Согласно «легенде», я должен был бежать из семьи в поволжском селе, обидевшись на советский строй, на притеснение поволжских немцев в Советском Союзе. Бежать за границу, в Германию, к своему богатому дяде-банкиру. Там у него обжиться, осмотреться, а после установить связь с действовавшими в Германии советскими разведчиками.

Меня начали готовить к побегу.

А моему другу Борису предстояло «убежать» в Испанию.

Так мы и расстались перед окончанием школы разведки, и больше никогда не видели друг друга. Много позже я узнал, что Борис Копейкин геройски погиб в Испании ещё до начала Великой Отечественной войны.

Как-то вечером, в свободный час, я один пошёл погулять по парку – нам разрешали. Обогнул пруд, иду по тропинке среди могучих сосен, и вдруг – о, чудо! На скамеечке сидела, глубоко о чём-то задумавшись, Ирочка Тюленева.

Я просто обомлел.

Думал, наваждение какое-то. Закрыл глаза, открыл – нет, не наваждение, точно она. Стала ещё более красивой, чем в школе.

Я подошёл к ней, не помню, что сказал.

Ира испуганно вскочила – узнала меня, подбежала, обняла крепко, заплакала.

От радости я даже забыл спросить, как она в парк попала.

Помню только, она говорила, что её отец погиб в бою в первые дни войны с белофиннами, под каким-то городком на Карельском перешейке, нынче это место за городом Зеленоградом. Её мать, получив похоронку, не вынесла потери любимого мужа, через полгода скончалась. Из-за всех этих обстоятельств Ирочка осталась одна и вскоре уехала из Ленинграда к родной тётке по отцовской линии в Вологду.

Наша встреча проходила, как в тумане.

Но её слова я запомнил навсегда: «Знаешь, как я тебя люблю! Никто на свете так не любит. И никто не знает, как я тебя люблю!».

***

Наступило время осуществления моей «легенды».

Через всю страну меня везли в Венгрию. Не в столицу Будапешт, а в какой-то небольшой городок неподалёку от границы с Германией. Как и было задумано, банкиру Штоффу сообщили о моём «побеге».

Через несколько дней банкир приехал за мной. Я знал, что он почти пятнадцать лет назад был в гостях у брата в Поволжье, поэтому видел Вильгельма ещё ребёнком.

Теперь предстояла иная встреча.

Утро за окошком было какое-то чужое. Солнышко хоть и грело, но не так ласково, как греет у нас.

И вдруг сердце у меня заныло: ясно, до боли в висках, я понял, что нахожусь далеко от любимой Родины, от матери, от отца, от чудесного Ленинграда и, может, уже никогда больше не вернусь домой.

Усилием воли я заглушил эту нахлынувшую тоску.

Утро звенело, набирало силу. И этим утром меня привели в гостиницу, где я попал в роскошный номер. Помню, посреди большой комнаты был растелен ковёр. На ковре, опершись на высокую изящную стойку, меня ожидал широкоплечий человек среднего роста, одетый в дорогой тёмно-синий костюм. Лицо у него было круглое, пухлое, на переносице отливало золотом пенсне, лепестками зияли на голове большие залысины.

Я понял, что это и есть настоящий банкир Вальтер Штофф.

Несколько секунд мы, не отрываясь, смотрели друг на друга, глаза в глаза. Я первый не выдержал этой дуэли.

Подбежал к нему, упал в ноги и со слезами запричитал.

– Дядя Вальтер! Дядя Вальтер! – всхлипывал я. – Дорогой дядя, спаси меня! Возьми меня на Родину.

Видимо, банкир был тронут моим искренним поведением.

– Ну, ну, – похлопал по плечу, – перестань! Поднимись, будь мужчиной. Немец не должен быть синтементальным!

И, усадив на диван, стал подробно обо всём расспрашивать.

Я передал дяде Вальтеру письмо от его брата и моего «отца».

И больше вопросов у Вальтера не возникло.

Спустя несколько дней, банкир Вальтер Штофф привёз меня в Берлин.

В городе стояла зима 1939 года, только что начавшаяся, с редким снежком.

Дядя Вальтер, с которым я довольно быстро подружился, поселил в одной из комнат небольшого уютного особняка. Он был расположен на тихой улице в центре Берлина.

Банкир Штофф не имел семьи, с ним проживала его младшая сестра Ядвига – так он мне её представил. Была ли она на самом деле его сестрой или ещё кем-то, я не знаю, могу только строить догадки.

Но я почему-то не понравился Ядвиге сразу. Может, потому, что Вальтер хорошо ко мне относился, и она по-своему ревновала, поскольку теперь, с появлением племянника, дядя уделял ей меньше внимания, чем прежде.

Хотя, думаю, и до моего появления в особняке внимания к Ядвиге с его стороны было не очень много – дядя рано уезжал в свой банк и поздно возвращался. Занимался он не только делами банка, но как влиятельный финансист оказывал всякие услуги властям.

Когда Вальтер уезжал, мы в особняке оставались вдво-

ём. Не знаю почему, но в первое время «сестра» Ядвига показывала мне свой характер настоящего деспота.

После завтрака дядя Вальтер отправлялся на службу, а Ядвига, искупавшись в небольшом бассейне, призывала к себе. Наверное, от скуки, от одиночества. Она заставляла встать на колени и чистить или красить ногти у неё на ногах. Всё во мне начинало бунтовать! Я едва сдерживался, чтобы не плеснуть ей в лицо из флакончика парфюмерии. Но я терпел, сжимал свою волю в кулак, испонял её прихоти, как невольный раб, боясь малейшего ослушания, боясь хоть чем-то, хоть намёком выдать себя. Иногда она требовала, чтобы я изображал из себя ослика, садилась на меня верхом, и я должен был вести её из бассейна до столовой.

Изверг какой-то, а не женщина!

Как-то утром, после купания, Ядвига взяла меня за руку и повела в комнату-раздевалку. Там стоял кожаный топчан. Около него она ловко сбросила халат, легла на топчан, я зажмурился от неожиданности, хотел сразу убежать.

– Подойди, сюда, Вильгельм, – тихо попросила Ядвига, – не бойся, сделай мне что-то приятное.

Я приблизился, она стала снимать с меня одежду, я замотал головой, но цепкие руки Ядвиги уже обвили мою шею и грудь, она привлекла меня к себе, всё поплыло у меня перед глазами.

Когда я опомнился, пригрозил Ядвиге, что расскажу обо всём дяде Вальтеру. Она рассмеялась, но, похоже, всё-таки испугалась. Понимала, кто такой дядя Вальтер. С того дня не допускала больше подобных развлечений.

Время в особняке пролетало быстро. Дядя Вальтер признался, что он хотел пустить меня в деловые круги, брал иногда с собой в банк, приучал разбираться в финансовых бумагах, и я даже преуспел в том. Мне был дан месяц на вольготную жизнь, а потом надо было определяться либо со службой в банке дяди Вальтера, либо с каким-то другим занятием.

Но «медового месяца» у меня не получилось. Как-то в середине дня я возвращался с прогулки, был в хорошем настроении. И вдруг недалеко от особняка меня кто-то сильно ударил по голове сзади, я вскрикнул от резкой боли, упал и потерял сознание.

Не знаю, кто и зачем подобрал меня на улице. Но когда очнулся, пришёл в себя, увидел, что лежу на бетонном полу. Осмотрелся и понял, что нахожусь в совершенно пустой комнате. Неожиданно, непонятно откуда, зазвучала сильная ритмическая музыка. Я попытался найти источник, откуда исходила музыка, чтобы её выключить, но ничего не нашёл, стены были голые.

Нигде не было динамика. Ничего не оставалось другого, как заткнуть пальцами уши, и я заткнул их, но всё равно в голове гудело и ухало, то ли ещё от недавнего удара, то ли от этой дурацкой музыки. Она ревела несколько часов подряд.

Мне начинало казаться, что я схожу с ума.

К счастью, я выдержал эту жестокую стихию звуков. Музыка стихла.

Вдруг из стены, на которой ничего не было, с громким щелчком выскочила доска. Я догадался, что мне дали кровать – не ночевать же на холодном бетонном полу.

Лёг на эту доску и мгновенно заснул.

Не знаю, сколько проспал, но разбудили меня откуда-то взявшиеся два здоровяка в чёрных майках.

Доска сама собой убралась в стену.

– Признавайся, что ты – русский шпион! – потребовали здоровяки.

Один из них говорил это на русском языке, другой – на языке немецком.

– Я – немец! Я – Вильгельм Штофф! – твердил я одно и то же и только на немецком языке.

– Врёшь, врёшь! – кричали здоровяки.

И начинали меня бить, кидали из угла в угол, будто

футбольный мячик. Не знаю, сколько дней так продолжалось, дни я не считал. На одном из сеансов битья здоровяки сломали мне два ребра и разбили переносицу. Они точно отправили бы меня на тот свет, если бы не помог дядя Вальтер. Он, как сам потом признался, разыскал «музыкальную шкатулку», где меня морили, заплатил большие деньги (а, может, ради выкупа меня и похитили!?). И вот, наконец-то, гестапо выпустило меня из своей жестокой камеры.

Я по гроб обязан, что «дядя» спас меня от смерти.

После этого я около месяца пролежал в больнице.

Хотя банкир Вальтер Штофф был доволен этой ситуацией – я прошёл проверку на «отлично». Но пустить меня в его банк, приобщить к финансовому делу, ему, видимо, не позволили, а предложили другой вариант моего трудоустройства.

Когда я выздоровел, меня направили в одну из школ, которая находилась в непосредственном подчинении влиятельного в Германии адмирала Канариса. Она располагалась в горах, сравнительно недалеко от Берлина. В школе меня зачислили в группу связи. Там «проверки» были постоянные, но не такие жестокие, как в гестапо – в «музыкальной шкатулке».

В Берлин я вернулся весной 1941 года и был определён на службу офицером связи в одно из подразделений « СД» – специальной военной разведки в фашистской Германии.

НЕМЕЦКИЙ КРЕСТ И ВЫЗОВ К СТАЛИНУ

...Уже полгода фашистская Германия, а с нею ещё более десяти стран, воевали против Советского Союза. Отсюда, из Берлина, любая неудача нашей армии воспринималась с особой болью и горечью, а любая удача – с глубокой радостью.

И я как разведчик знал, что от работы моей и моих товарищей зависят судьбы миллионов людей на Родине – как на фронте, так и в тылу. Эта ответственность лежала на сердце тяжёлым грузом.

Вернувшись в Берлин после окончания разведывательной школы и поступив на службу, я сразу переехал от дяди Вальтера – имел финансы, снял квартиру. Но с банкиром продолжал поддерживать добрые, родственные отношения. Когда я обращался к нему за чем-либо, он не отказывал.

Думаю, хотя дядя Вальтер и не признавался в том, но он за моей спиной составил мне протекцию в «СД» – так принято у немцев. Мне самому, просто так, имея даже специальную подготовку и отличные документы из разведывательной школы Канариса, попасть на службу в «СД» было практически невозможно – она считалась особой, элитной.

Из офицера, выполнявшего разовые поручения, офицера на побегушках, я быстро стал специальным курьером, мне доверяли особые секретные задания. На мою левую руку был пристёгнут браслет-планшетка с секретным кодом. Открыть его мог либо тот, кто вставлял шифровку, либо тот, кто её получал. Никто третий, в том числе и я, никаким образом не мог прочесть донесение или приказ, скрытые в этой планшетке.

И только входя в доверие к высшим чинам 3-го рейха, я мог, и то лишь иногда, постоять рядом, когда адресат

читал шифровку, выхватить из неё взглядом какую-нибудь деталь, цифру, название или ещё что-то. Но и этого малого мне было достаточно, чтобы начать собирать информацию, используя другие источники. Мои курьерские маршруты пролегали по всей Германии, но крайне редко – в действующую армию на Восточный фронт.

Я установил контакт с советским разведывательным центром в тылу фашистов, наладил связи с теми нашими разведчиками, которые были внедрены в Германию и входили в группу под условным названием «Север».

В один из дней, а это было в середине зимы 1942 года, меня срочно вызвали к руководству « СД». Сам шеф вложил шифровку в мой браслет и объяснил, что никто не должен знать о моей секретной поездке на оборонный завод во Франкфурте-на-Майне.

– Слушаюсь! – отчеканил я.

– За безукоризненное исполнение задания, – пообещал руководитель « СД», – получите награду и краткий отпуск.

Я должен был ехать под чужим именем и с чужими документами. И только начальнику оборонного завода мог представиться как капитан «СД» Вильгельм Штофф.

Вечером того же дня, накануне поездки, по «своему каналу» я получил задание из нашего «Центра» – встретиться во Франкфурте-на-Майне с госпожой Маргаритой Келлер и получить от неё важные сведения для Москвы.

Утро во Франкфурте стояло пасмурное, хмурое, мглистое.

Оборонный завод, куда меня командировали, был расположен в нескольких километрах от города. Подъезды к нему усиленно охраняли, на каждом контрольном пункте проверяли мои документы, машину, пропуск, который мне выдали в Берлине. На последнем проверочном пункте ко мне в машину сел офицер секретной охраны.

Когда он приказал водителю оставиться, я не увидел никакого завода в обычном представлении – ни заборов,

ни зданий, ни дымящих труб. На небольшой территории за бетонной стеной стояла круглая башня высотой, наверное, метров пятьдесят. Она и представляла собой вход на предприятие – сам завод, как я догадался, находился под землёй.

Безшумный эскалатор повёз меня вниз, но уже с другим сопровождающим охранником. И у меня уже не оставалось сомнений в том, что я находился на заводе, где занимались изготовлением какого-то особо секретного оружия для армии 3-го рейха.

Директор завода был одет в форму генерала немецкой армии, он принял меня, как положено по Уставу. Я протянул ему руку, на которой была браслетка. Он раскрыл браслетку, достал из неё шифровку, и тут же, чтобы я не увидел её содержание, учтиво предложил:

– Пройдите в соседнюю комнату, господин капитан, – кивнул генерал на дверь, – отдохните с дороги. Вам приготовили кофе.

Я вышел, сел за столик в отдельной комнате. Невысокая, черноволосая, одетая в военную форму официантка принесла на подносе бутерброды и чашку горячего кофе. Я поблагодарил её.

Официантка молча удалилась. Меня пригласили к генералу.

Он передал браслетку с ответной шифровкой и проследил, чтобы я закрепил её на левой руке.

С завода меня вывели другим лифтом. Вскоре я уже был во Франкфурте-на-Майне, зашёл в гостиницу, где остановился. Лежа на кушетке, обдумывал детали предстоящей встречи с госпожой Келлер. До отъезда оставалось не так много времени, не следовало расслабляться, к тому же, надо было исключить какой-либо риск в этой встрече, а также слежку за собой.

Как я знал из данных нашего «Центра», госпожа Келлер владела несколькими торговыми лавками в старой части

города, где жили, в основном, небогатые немцы. Её адрес отыскал довольно быстро, мне сразу открыли дверь.

– Проходите, – сказала домработница, – подождите одну минутку, госпожа Келлер обязательно примет вас.

Я сел в кресло в большой прихожей. Осмотрелся.

На стенах висели картины, и я принялся рассматривать их.

Вдруг почувствовал, что кто-то стоит за моей спиной.

Встал. Тут же услышал по-немецки:

– Фрау Келлер к вашим услугам!

Повернулся и чуть не потерял дар речи – передо мной была Ирочка Тюленева.

Она смотрела на меня, а я – на неё.

Это была она, но и в то же время не совсем она. Знакомая, родная, близкая, но вместе с тем совершенно чужая, неизвестная, как бы другой человек.

– Очень рад встрече, фрау Келлер, – с трудом выдавил я.

– Садитесь, – сухо ответила она. – У нас очень мало времени, всего несколько минут, не будем терять их.

И фрау Келлер протянула мне шифровку.

Зная наизусть коды, я быстро прочитал её.

Сообщение касалось оборонного завода, на котором я только что был. Фрау Келлер взяла у меня бумажку, щёлкнула зажигалкой и сожгла.

Встала с кресла, давая понять, что аудиенция закончена.

Я тоже поднялся и пошёл к выходу.

– Не туда, – остановила меня фрау Келлер и показала на другую дверь, – вам надо выйти через запасной выход.

У самой двери я потерял контроль над собой и привлёк к себе фрау Келлер, крепко обнял.

– Ванечка, ты сошёл с ума! – прошептала она мне на ухо. – Ты погубишь и меня, и себя. Я же люблю тебя больше жизни, мой родной, мой милый!

Я задохнулся от наплывшего счастья.

– Нет, я так не могу, – я тоже перешёл на шёпот. – Хотя бы один час, но он наш с тобой. Может, судьба не сделает больше такого подарка.

Она увлекла меня в свою комнату, лицо её покрыл алый румянец, губы были сухие и горячие, я не мог от них оторваться, мы растворились друг в друге.

– Знаешь, о чём я мечтаю? – тихо спросила Ирина.

– Нет, не знаю, – прошептал я.

– Я так хочу увидеть голубое небо в России, уехать в Вологду, к тётке, там народ по-смешному говорит. Тётка окрестила меня в храме возле вокзала, и меня туда постоянно тянет.

– Я исполню твою мечту, когда кончится война, – пообещал я Ирочке. – Мы обязательно поедем с тобой в Вологду.

Я взлетел на седьмое небо от счастья. Но наше с Ириной счастье длилось краткий миг.

Выйдя от неё на улицу, я понял, что сохранить наше счастье можно только в сердце.

В окружающем мире, где было много зла и опасностей, мне опять предстояло возвратиться к трудной роли «другого человека» в «другой жизни».

То, о чём я узнал из шифровки фрау Келлер, лишь подтвердило мою догадку: на секретном оборонном заводе вели опыты по обогащению урана. Немцы уже более пяти лет активно работали над созданием атомного оружия, которое готовились использовать в военных действиях на Восточном фронте против Красной армии.

Об этом я размышлял всю дорогу, пока возвращался из поездки во Франкфурт-на-Майне.

В Берлин я доставил шифровку без опазданий.

Шеф «СД» остался доволен мною и сдержал обещание.

Он сказал, что за безупречную и успешную службу меня представили к награде «Рыцарский Крест», и скоро я её получу. А пока мне дали десять дней отпуска, я мог использовать их, как считал нужным.

Первое желание – тайно поехать во Франкфурт, ещё раз повидать Ирочку, продлить чудные мгновения, пережитые с нею.

Но сразу я вспомнил её слова: «Ты погубишь и себя, и меня!». И отогнал всякую мысль о поездке.

Вечером, когда я отдыхал у себя дома, через секретного связного поступил приказ из «Центра» – меня срочно вызывали в Москву по требованию Верховного Главнокомандующего.

У меня засосало внутри, но усилием воли я погасил тревогу.

Следовало спешить, не было времени разбираться в своих чувствах.

Связные из партизанского отряда генерала Сабурова переправили меня на правобережную Украину. Оттуда ночью был доставлен в Москву. Вёл самолёт по ночному небу сам Евгений Савицкий. Нашего летчика-аса фашистские пилоты знали «лично» и боялись его появления в воздухе, как огня. На счету Евгения Савицкого были десятки сбитых врагов.

Мы приземлились уже в Москве поздним вечером.

На аэродроме на меня накинули чёрный плащ и в автомобиле с затемнёнными стеклами привезли прямо в приёмную И. В. Сталина в Кремле. Я был в форме немецкого офицера, но это никого не смутило. В самой приёмной сидел секретарь Сталина Александр Николаевич Поскребышев. Он несколько удивлённо взглянул на меня, но, знал, что я принадлежал к Главному управлению контрразведки Генштаба Красной армии, даже чуть улыбнулся. И опять тут же принял строгий вид.

– Товарищ Малинин, – обратился Поскребышев ко мне. – Со Сталиным многословие ни в коем случае недопустимо. Только деловое. И всё!

– Понял! – ответил я.

Минут через десять Поскребышев провёл меня в кабинет Верховного Главнокомандующего.

Кабинет был обычный, не очень большой, со старинным Т-образным столом, раположенным ближе к стене, противоположной от входа.

Сталин сидел за этим столом и курил, просматривая какие-то бумаги.

При нашем появлении вышел навстречу, поздоровался со мной за руку, приобнял за плечи и слегка потряс.

Кивком головы Сталин отослал Поскребышева из кабинета.

– Ну, как? – спросил меня Сталин, когда мы остались одни.

– Дела у нас… – начал я.

Верховный Главнокомандующий прервал меня.

– Дела у нас улучшаются! – строго сказал он.

Сталин потребовал подробного отчёта о моей работе.

Я рассказывал обо всём в деталях, особенно подробно – о поездке на секретный завод во Франкфурте-на-Майне. Когда я закончил свой отчёт, он, склонив голову, что-то записал. Оторвавшись от бумаг, задал несколько вопросов о моих личных впечатлениях от общения с некоторыми высокими военными чинами в фашистской Германии. Я отвечал, а он с интересом слушал.

– Что это у вас, товарищ Малинин, на втором пальце на левой руке? – неожиданно спросил Верховный Главнокомандующий.

– Это талисман, Иосиф Виссарионович, – я снял его с пальца и протянул посмотреть Сталину. – Каждый офицер, каждый солдат в армии Вермахта обязан иметь талисман – в виде камня, «молитвенного письма», заклинания «ясновидящих», «охранной грамоты» или ещё чего-либо в этом же роде. Я какое-то время был в «Чёрном ордене», оттуда перешёл по личной воли в «Германский орден», где и выдали талисман. Он как бы подтверждает, что я верю

в божественную миссию Гитлера и в сверхъестественные силы, которые помогают германской армии одерживать победы и завоевывать мировое господство.

– И Вы верите? – уточнил Верховный Главнокомандующий.

– Товарищ Сталин, верю в полную и окончательную победу Советского Союза над врагом, – ответил я.

– Вот это хорошо! – одобрил Сталин. – Всё-таки я бывший семинарист, но такой чертовщины – веры в мессию, тем более в мессию Гитлера, не могу себе вообразить. Как-то не укладывается в уме!

– Да, товарищ Сталин, – продолжал я, – в Германии почти от всех требуют веры в то, что Гитлер – посланник Свыше, он послан, чтобы «спасти мир». А про шефа гестапо Гиммлера ходят слухи, что он умеет разговаривать с «загробными духами». И вообще, едва ли не каждый в германской верхушке считает себя сверхчеловеком. Они очень высокомерны, они составляют мистические гороскопы на проведение боевых операций на Восточном фронте.

– Гороскопы? Хм! – усмехнулся Сталин. – Ничего, мы их спустим с небес на землю!

Он прошёл к столу и быстро стал записывать что-то. Я в эту паузу, смахнув выступивший на лбу пот, стал рассматривать большую подробную карту боевых действий.

– Чем Вас, товарищ Малинин, так заинтересовала карта? – спросил меня Верховный Главнокомандующий.

– Товарищ Сталин, тут, – говорю я, – неточность одна есть.

– А именно? Подойдите к карте, – попросил он.

Я подошёл и показал.

– Вот здесь обозначен выступ в немецкую сторону, – стал я пояснять, – а фактически этот выступ в нашу сторону, то есть он ещё за немцами.

– Хорошо, – сказал Сталин.

И сделал опять какие-то пометки на листке.

Мне довелось позже ещё раз встречаться со Сталиным. Перед второй встречей меня разыскали Жуков и Рокоссовский. «Послушай, Малинин, – попросил Жуков. – Ради Бога, не делай по карте у Сталина никаких замечаний. А то в тот раз он устроил нам «головомойку». «Обещаю, Георгий Константинович, – заверил я, – что воздержусь от замечаний».

... Сталин снова закурил, прошёлся туда-сюда от стола до карты.

– А теперь, товарищ Малинин, вернёмся к главному, – он строго посмотрел на меня.

– Ваша задача – установить, в какой стадии развития находится атомная энергетика в Германии, – неторопливо заговорил он. – Каким образом атомную энергию хотят использовать в военных целях против нас? Какое создаётся новое оружие. О каждом шаге противника, я подчёркиваю – о каждом, в этом направлении мы должны знать. Всё знать! И о возможных контактах противника с нашими союзниками. Желаю Вам успеха!

Сталин крепко пожал мою руку и проводил до дверей кабинета.

Вернулся я в Берлин тем же путём – через связных генерала Сабурова.

СЛЕЖКА ЗА ВЕРНЕРОМ

Ещё я не терял надежды увидеть милую моему сердцу фрау Келлер – в запасе было несколько дней отпуска.

Перелёт в Москву, встреча со Сталиным, возвращение в Германию – события мелькали, как в фантастическом сне.

Теперь я переосмысливал поездку в Москву, обдумывал приказ, данный разведчикам группы «Север» Верховным

Главнокомандующим. Выполнить его – всё равно, что пролезть верблюду сквозь «игольное ушко».

В Берлине, зайдя в квартиру, я сразу позвонил, чтобы узнать, когда уходит поезд на Франкфурт – поезд отправлялся вечером.

Я собрал походный чемоданчик и прилёг на диван передохнуть. Вспоминал Ирину: «Ты погубишь и себя, и меня!». Теперь её слова уже не казались предупреждением об опасности.

Отдыха у меня не получилось – у калитки забрякал электрический колокольчик. В «СД» я предупредил, что буду отсутствовать, к тому же у меня ещё продолжался отпуск. Но меня всё равно нашли со службы. Нарочный передал, что ждёт шеф «СД». Я почувствовал, как внутри засосала тревога, усилием воли подавил противное настроение. Нет, в немецкой разведке вряд ли прознали, что я был в Москве. И всё же! А если?

Шеф встретил радушно, принёс извинение, что нарушил мой отпуск. И тут же сказал, что завтра утром необходимо выполнить неотложное задание здесь, в Берлине. Опасения мои насчёт Москвы отхлынули.

На другой день, в назначенное время, я был в кабинете шефа «СД».

– Это поручение самого Фридриха Канариса! – шеф поднял палец. – Вы имейте в виду, что за объектом, кроме нас, следят люди Генриха, нельзя допустить, чтобы они перехватили информацию раньше, чем мы.

– Не беспокойтесь, – сказал я, – постараемся опередить.

Главного руководителя службы Абвера адмирала Канариса я видел всего один раз, когда он приезжал в наше управление. Ему тогда перевалило за пятьдесят, но он выглядел бодро: подтянутый, пружинистый. Я знал, что в молодости адмирал Канарис служил в какой-то южной стране и там прославился своей жестокостью в отношениях с подчинёнными, то есть со своими коллегами-о-

фицерами. С тех пор его побаивались. К тому же, было известно, что Канарис постоянно соперничал со службой гестапо, её возглавлял Генрих Гиммлер. И, не дай Бог, попасть кому-то из разведчиков между этими двумя «молотами».

На здании, куда я подъехал, выделялась красивая вывеска: «Физический институт».

Какое-то радостное предчувствие на миг охватило, будто я нашёл то, что давно потерял. Я вступил в здание института и прошёл в приёмную.

Шифровку обязан был передать лично в руки директора института, известному учёному Вернеру Гейзенбергу. В его приёмной секретарша в форме капитана «СС» встретила дружелюбно, попросила подождать и скрылась за массивную дверь.

– Один момент, сейчас вас примут, – сказал она, когда вернулась.

Я подождал немного, а потом всё та же секретарша проводила меня к директору.

Учёный-физик Вернер Гейзенберг вышел навстречу из-за стола.

У него было лицо типичного арийца: глаза голубые, лучистая улыбка, волосы светлые, Внешне своими чертами напомнил Адольфа Гитлера.

Ни слова не сказав, взял письмо от моего шефа, вскрыл, тут же прочитал.

И так же, не говоря ни слова, протянул свою руку за моей браслеткой.

Я отстегнул браслетку и передал учёному.

– Подождите в приёмной, – попросил Гейзенберг.

Я вышел, немного расстроенный. В душе надеялся, что учёный по извечной рассеянности, присущей всякому учёному, не отправит меня за дверь и мне удастся краем глаза выхватить хоть какую-то информацию из послания шефа «СД». Но, увы...

Через несколько минут процедура повторилась: я получил назад планшетку. Гейзенберг поблагодарил за службу фюреру и даже скупо улыбнулся.

Закрывая дверь в приёмную директора, я услышал, как секретарша говорила по телефону, что завтра Гейзенберг сделает чрезвычайный доклад.

Ну, хоть такая информация – и то повезло!

«Сделает доклад, чрезвычайный доклад!» – крутилась фраза у меня в голове, когда я ехал по улицам Берлина к зданию «СД».

О чём доклад?

Может, о том самом! Я всё бы отдал, чтобы узнать, о чём будет говорить директор института.

Как заполучить копию доклада?

Теперь стала ясна срочность и секретность действия адмирала Канариса – учёного-физика «обносили» двойной, тройной стеной недосягаемости, чтобы не просочилась информация.

Единственное, что я мог – это сообщить в наш «Центр» о том, что существует такой доклад, и Гейзенберг завтра его прочитает где-то. Это я и сделал.

Надеялся, что, может быть, кому-то из наших разведчиков повезёт раздобыть текст документа.

Да, добыть копию доклада удалось!

Но как именно это произошло, я раскрывать не буду.

26 февраля 1942 года Вернер Гейзенберг, директор «Физического института», доложил руководству министерства вооружений и первым лицам Германии о реальной возможности изготовления сверхбомбы, которую, в случае реального применения, предполагали транспортировать на ракете «Фау», она уже была изготовлена.

После этого события Гейзенберга назначили руководителем «Уранового проекта». Во дворе его института быстро начали строить испытательный атомный реактор, где можно было проверить «продукт», присланный

с секретного завода из Франкфурта-на-Майне, а также попытаться самостоятельно получить радиоктивное вещество. Предполагалось, что вещество могло быть не только в твёрдом, но также в газообразном состоянии, наподобие ядовитого газа. Исследования по созданию секретного оружия активно шли и в других научных центрах Германии, всего их было более двадцати. Вероятно, вскоре и был изготовлен один из вариантов сверхбомбы.

Да, конечно, возникали некоторые сомнения, но всё же, скорее всего, как предполагал я и другие разведчики, речь шла об атомной бомбе, особенно, если вспомнить секретный завод во Франкфурте-на-Майне. С сенсационного сообщения Гейзенберга, хотя делал он его секретно и для узкого круга руководства Германии, и пошла «атомная лихорадка» во всём мире.

Наш «Центр» поручил наблюдение, в том числе и мне, за Вернером Гейзенбергом, сбор любых сведений о нём. Я не буду описывать все подробности. Но нам удалось выяснить, что Вернер, в 32 года удостоенный Нобелевской премии в области физики, принимал самое непосредственное участие в разработке концепции «Атомная программа Германии на период 1938-1945 годов». Добыть к этому резюме какие-то конкретные факты было практически невозможно.

Но на то мы и назывались разведчиками, на то и были посланы сюда, в глубокий вражеский тыл, чтобы преодолеть даже «невозможное».

У меня созрела авантюра: «завести роман» с Катрин Пейфель – так звали, как я выяснил, секретаршу у Вернера Гейзенберга. От неё, капитана всесильной службы «СС», я мог бы получить сведения, столь необходимые руководству Советского Союза.

Риск пойти на «авантюру» был огромный!

Но и ставки в этой игре тоже были велики!

Мою инициативу одобрил «Центр», и я взялся за её осуществление.

И я, не откладывая дело в долгий ящик, поехал к зданию «Физического института». Поехал я уже в третий раз, два предыдущих выезда окончились неудачей. Теперь затея, похоже, уже не могла сорваться, мне в этот раз повезло дважды: во-первых, Катрин вышла одна из здания управления, никто её не сопровождал. Во-вторых, она не вызвала машину, а пошла пешком по прилегающей улице, что давало мне возможность спокойной слежки за нею.

И последовал за Катрин Пейфель.

Примерно квартал следил, а когда она зашла в ювелирный магазин, понял, что пора действовать.

Катрин выбирала себе серебряное колье.

– На чудную грудь вашу оно как раз подойдёт! – нарушил я её раздумья по поводу покупки колье.

Она изумлённо взглянула не меня.

Но я не дал Катрин опомниться.

– Эй, хозяин, – обратился к торговцу, – прошу завернуть колье для фрау.

Катрин, судя по её виду, остолбенела от моей наглости и неожиданного дорогого подарка.

Но я попытался умягчить её.

– Послушайте, фрау Пейфель, – начал объяснять, – вы, похоже, забыли, что на днях я был у вас в приёмной господина Гейзенберга. Вы с первого взгляда очаровали меня. Решил засвидетельствовать моё расположение к вам, более ничего другого.

– Ах, да, – вырвалось у неё, – вспомнила, что вы заходили.

Она внимательно меня рассматривала, похоже, её смутил мой гражданский костюм. И, чтобы погасить это смущение, она спросила:

– Вы тот самый тайный связной?

– Так точно! – подтвердил я. – Но сегодня у меня выход-

ной, поэтому выгляжу, как обычный берлинский обыватель. Не обращайте на это внимание.

– Ах, благодарю вас за подарок, – улыбнувшись, вздохнула она. – Мне так давно никто не делал никаких подарков.

– Что вы, что вы, – замахал я, – не стоит благодарностей. Такой пустяк!

Я уже знал, что Катрин одинока, поэтому смело пригласил её в кафе, самое первое, которое нам встретилось, когда провожал её после магазина.

Она не отказалась.

– Сегодня такой необычный день, – призналась Катрин, когда мы сели за столик в кафе. – Наверное, всё из-за вас.

– Не преувеличивайте мою роль, Катрин, – ответил я. – Просто у вас хорошее настроение.

– Может быть, – согласилась она.

Когда рассказал Катрин, что родной племянник известного банкира, да к тому же веду холостяцкую жизнь, искорки живого интереса заплясали у неё в глазах.

Постепенно, приучая фрау Пейфель к разным подаркам, ласковым комплиментам, я вошёл в доверие, и от неё узнал кое-что об учёном-физике.

Ещё зимой 1939 года вместе с группой учёных Гейзенберг обосновал построение атомного реактора и представил проект верхушке министерства вооружений Германии. Он тогда работал в Лейпциге. Предлагая концепцию реактора, Гензенберг использовал не только личный опыт, но и достижения отечественных коллег, в частности, немецких учёных Гана и Штрассмана, они расщепили ядро атома и зафиксировали выделение большого количества энергии.

Проект, предложенный Гейзенбергом, был положен в основу создания атомной бомбы. Точного ответа о том, что делать дальше с разработками, Гейзенберг от руководства рейха, видимо, не получил. Хотя, не исключено,

что с учёным имел разговор и сам Гитлер и дал свои указания.

Вероятно, физика мучили сомнения о целях своих исследований, неопределённость их оценки со стороны руководства Германии. И, не исключено, что поэтому осенью 1941 года он поехал к своему учителю – знаменитому физику, тоже лауреату Нобелевской премии, Нильсу Бору в Копенгаген, посоветоваться.

О чём говорили Нильс Бор и Вернер Гейзенберг во время той встречи?

Этого никто не знал, кроме них самих, и никогда не узнает. Я думаю, если бы нашим разведчикам удалось выкрасть Гейзенберга и доставить в Советский Союз, он всё рано не раскрыл бы тайну своей беседы с Нильсом Бором.

Можно предположить три варианта темы их беседы.

Либо Вернеру Гейзенбергу не хватило каких-то результатов для завершаюшего этапа создания сверхбомбы, то есть атомной бомбы, и он хотел получить их у Нильса Бора. Учёный в Коппенгагене тоже работал в том же направлении.

Либо Гейзенберг, создав страшное оружие, спешил поделиться новостью с учителем, чтобы тот каким-то образом предупредил человечество о катастрофических последствиях применения атомной бомбы.

Наконец, Нильсу Бору и Вернеру Гейзенбергу было известно, что их коллеги-физики в Америке в поте лица работали над «Манхэттенским проектом», который тоже имел целью создание атомного оружия. И, возможно, оба учёных сверяли свои действия с теми результатами, которые уже получили разработчики в Манхэттене.

С теми разработчиками, насколько мне удалось узнать, и сам знаменитый Нильс Бор и его ученик Вернер Гейзенберг были хорошо знакомы. Ещё до начала войны с Советским Союзом, в городе Геттингене, его считали мировым центром исслледователей теоретической физи-

ки, Бор и Гейзенберг подружились со своими коллегами Робертом Оппенгеймером, Эдвардом Теллером и Хансом Бете.

Когда в ходе второй мировой войны руководство США озаботилось поисками возможностей использовать ядерную энергию в военных целях, то оно пригласило к себе для работы молодых учёных из Геттингена. Именно эта «троица» – Оппенгеймер, Теллер и Бете – составили костях тех, кто осуществлял амеркианский проект «Манхэттен»

Известные учёные покинули Германию, чтобы сделать творческую карьеру. К тому же, они боялись фашистского режима. Так мог поступить и Вернер Гейзенберг. Когда в 1939 году он приезжал в США, американцы предложили ему остаться и возглавить какой-нибудь крупный институт или лабораторию – на выбор. Уговаривал его навсегда переехать в Америку и хороший знакомый, итальянский физик Ферми.

Всё же, как бы это не льстило самолюбию, Гейзенберг на заманчивые предложения отвечал отказом; свою позицию он объяснял тем, что – патриот, что «чувствует себя связанным с Германией». Но фашисты могли вполне жестоко обходиться и с патриотами, даже с такими патриотами, которые были известны стране и всему миру.

И Вернер не был исключением в таком раскладе.

Во всяком случае, как мне пооткровенничала Катрин, у Гейзенберга, когда он вернулся из поездки в Копенгаген, возникли неприятности с «Чёрным орденом» – одной из нацистских организаций. Его, немецкого патриота, искренне преданного Гитлеру, начали подставлять, травить по мелочам, накрыли «колпаком» – всё из-за общения с евреем Нильсом Бором. Чтобы как-то загладить вину перед режимом, вину, которой, вообщем-то, и не было, Вернер ускорил свои исследования, привлёк к работе над сверхбомбой инженера-изобретателя Курта Дибнера и конструктора Вернера Брауна.

И всё же, несмотря на эти усилия, свои объятия «Чёрный орден» ослабил лишь после того, как мать Вернера лично пожаловалась на слежку за сыном самому Гиммлеру.

Слежку за физиком, якобы, сняли.

Но мы, советские разведчики, продолжали слежку за директором «Физического института», мы выполняли приказ Верховного Главнокомандующего.

Я и другие разведчики из группы «Север» предчувствовали, что назревали какие-то серьёзные события.

И они вскоре произошли на Восточном фронте, а после эхом отозвались в Берлине.

ОПЕРАЦИЯ «СКОРПИОН»

Ожидание чего-то недоброго шевельнулось в моей душе, когда я вошёл в здание управления «СД».

– Оружие и документы сдать! – приказ охранника прозвучал для меня неожиданно и резко. – Руки вверх!

Я остолбенел от такого обращения, прежде этого никогда не было.

Покосился назад – нет ли за мной «хвоста».

Нет, похоже, никакого «хвоста» не имелось, я никого не увидел.

Тогда осмелел, ко мне вернулось привычное самообладание.

– Я по вызову рейхсшефа! – показал особый пропуск. – Прошу пропустить меня. Что за шутки такие?

– Оружие и документы сдать! – уже заорал охранник. – Поднять руки!

Я подчинился – другого выхода не было.

Выложил документы и оружие на стол охранника.

Меня обыскали. Ничего не нашли, кроме одного.

Из потайного кармана моего кителя офицер-досмотрщик извлёк маленький клочок бумаги, развернул. Там оказалась написанная по-немецки всего одна фраза: «Ich liebe dich immer!», которая означала: «Я люблю тебя всегда!».

Я едва сдержался, чтобы не выхватить драгоценную бумажку, но благоразумно остановился, попросил отдать .

Офицер, хитро ухмыльнувшись, разорвал записку и выбросил в урну.

Как Ирочке удалось положить послание в потайной карман, и почему я столько времени его не обнаруживал – осталось загадкой.

Любовная записка, похоже, немного смягчила командира охраны.

– Извините, господин капитан, – устало бросил он. - Приказано всех досматривать!

– Понимаю, – кивнул я.

Нервозность, подозрительность в управлении достигли предела. По любому поводу, за мелкий пустяк можно было угодить в руки «чёрных рубашек». Мне была понятна причина всей этой взвинченности – плохие вести, которые поступали с Восточного фронта.

Но для населения Германии эти дурные вести оставались под запретом, их охраняли как «государственные секреты». Для населения команда идеолога Йозефа Геббельса раззванивала об успехах и победах доблестной армии рейха. Реальное положение дел на Восточном фронте было противоположным тому, о чём твердила в печати и по радио официальная пропаганда

В ноябре 1942 года войска Красной армии начали наступление в районе города Сталинграда сразу силами нескольких фронтов и в нескольких направлениях. Наши дивизии сломали оборону фашистов, а вскоре блокировали 4-ю танковую армию и 6-ю полевую армию вермахта. В окружение попали 330 тысяч немецких солдат и офице-

ров, подразделения служб тыла и обеспечения, много единиц различной боевой техники.

Гитлер, сознавая всю опасность ситуации, на помощь попавшим в окружение войскам бросил танковую армию под командованием генерала Э. Манштейна, которая находилась на рубежах Северного Кавказа. Но и она не смогла разорвать кольцо окружения.

В то время 6-й полевой армией фашистов командовал генерал Фридрих Паулюс, недавно получивший должность.

Один раз я видел Паулюса – передавал секретное донесение. Он тогда был в чине первого оберквартирмейстера в Генеральном штабе сухопутных войск. Что удивило? Паулюс пригласил пообедать с ним в компании ещё двух офицеров. На меня он произвёл впечатление не фанатично преданного фюреру, как большинство высших военных чинов. Нет, такого подобострастия у него не было. К тому же, он имел свой взгляд на ход войны на Восточном фронте.

Назначение Паулюса командующим армией некоторые офицеры восприняли с раздражением и завистью. Теперь, когда армия попала в окружение советскими войсками, они даже злорадствовали по адресу Паулюса.

Сам же Гитлер слал в окружённую группировку приказ за приказом – «не отступать», «стоять до конца», «держаться». Паулюсу, как раз во время окружения, видимо, для поддержки его духа, он присвоил звание генерал-фельдмаршал и обещал всяческую помощь.

Фюрер заверял генералов, оказавшихся в кольце, что быстро пришлёт подкрепление. И они ждали, надеялись на помощь, на всесилие фюрера. Но найти подкрепление оказалось сложно – военная машина Германии уже задыхалась от напряжения.

Фюрер пытался сдержать обещание. В начале декабря специальные соединения, переброшенные из самой

Германии и с её фронтов на Западе, сделали вторую попытку разорвать блокаду Сталинграда.

Но и она не привела к успеху.

Разведывательная группа «Север» узнала об этой операции фашистов и заранее передала шифровку в Москву. Поэтому командование Красной армии смогло подготовиться к внезапной атаке, упредить её. Попытка прорыва блокады сухопутной и танковой армиями фашистов сорвалась. А их соединения были отброшены, понесли большие потери.

В январе 1943 года над Германией нависла тень зловещего траура. Немецкие дивизии под Сталинградом, по приказу Гитлера не желавшие сдаваться в плен (в их числе итальянские и румынские), Красная армия перемалывала одну за другой, как в мясорубке. Были уничтожены сотни тысяч солдат и офицеров, ходили слухи, что Германия и её союзники потеряли около миллиона.

Такого крупного поражения Гитлер ещё не знал за весь период пребывания у руля государства.

Наша армия всё сильнее сжимала кольцо вокруг фашистских войск под Сталинградом. Из Москвы был отдан приказ о полном уничтожении врага. Чтобы хоть как-то, хотя бы частично, спасти от неминуемой смерти вверенных ему солдат и офицеров, Фридрих Паулюс поднял белый флаг. За три дня, с 31 января по 2 февраля, в плен сдались 90 тысяч – всё, что осталось от 6-й полевой армии, вместе с её фельдмаршалом.

Нервный шок от поражения под Сталинградом достиг и Берлина.

В «СД» закрутили «гайки», рабочий день продлили до десяти часов. Всюду присутствовал страх, иногда – истерия. Спецслужбы активизировали поиск «предателей и врагов нации». Эта кампания задела и меня.

Как-то вечером мне позвонила Ядвига и сказала, что она очень скучает из-за моего отсутствия в особняке. «Как

же, ногти тебе покрасить на ногах!» – злорадно подумал я, но не стал её укалывать. Я знал, что просто так Ядвига не будет тратить время на звонки. И, действительно, поболтав минуту-другую, она призналась, что дядя Вальтер очень желает видеть меня, и назвала время, когда надо приехать в особняк.

Банкир встретил меня, как обычно, дружески, даже ласково. Он выглядел усталым и озабоченным, заказал ужин в свой кабинет, и мы остались вдвоём.

– Ты стал настоящим немцем: и выправка, и хватка, и разговор – всё наше! – сдержанно похвалил «дядя». – Я слышал, на службе начальство тобой довольно, репутацию Штоффов не уронил.

– Давай, выпьем за это! – предложил он тост.

Я поблагодарил Вальтера за добрые слова, мы выпили.

– Разве вы сомневались, что будет именно так? – удивился я, возвращаясь к разговору, начатому Вальтером.

Но он ничего не ответил.

После долгой паузы, глядя куда-то в сторону мимо меня, Вальтер Штофф с тревогой проговорил:

– Времена наступили тяжёлые. Наши неудачи пройдут, я верю в победу фюрера. Мне хотелось бы, Вильгельм, чтобы после войны ты пришёл на работу в мой банк и продолжил семейное дело.

– С удовольствием! – я охотно согласился.

– Но доживёшь ли ты до победы? – вдруг вырвалось у Штофа.

И он тут же ответил на свой вопрос:

– Неизвестно!

Вальтер встал из-за стола, подошёл к сейфу, открыл его и вынул оттуда папку.

– Твоя жизнь – вот здесь! – банкир потряс ею в воздухе.

– Что всё это значит, дядя Вальтер? – вскипел я.

Штофф бросил папку опять в сейф, набрал «секрет» на кодовом замке.

Сел за стол и, потягивая вино, продолжал:

– Не забывай, что ты сбежал из России. На тебя собирают досье. Ты до конца войны, пока мы не победим, так и будешь оставаться «русским шпионом»…

Он засмеялся.

Мне стало не по себе, я едва сдержался.

– Это клеймо смоют с тебя только после войны, – продолжал Вальтер. – И хотя ты имеешь боевые немецкие награды, тебе уже сейчас «чёрные рубашки» готовы свернуть шею.

– В чём моя вина? – спросил я Вальтера, не выдержав, наконец, его безаппеляционного тона.

Вальтер промолчал, грузно перевалился в кресле, закурил сигарету.

– Разве имеет значение, виноват ты или нет? – сказал он. – Но я выкупил тебя у них! Выкупил, понимаешь?! Потому что после войны ты мне будешь нужен.

– Мерзавцы! – не выдержал я. – Сколько же они потребовали за свою гадкую фальшивку? И сколько теперь я должен вам, дядя Вальтер?

Банкир в упор посмотрел на меня, едва сдерживая злобу.

Злобу, может, на меня, а, может, на гестаповцев.

– Помню, ты мне целовал ноги! – хрипло выдавил Вальтер.

– Я и сейчас готов, – я хотел упасть на колени.

Но банкир остановил меня.

– Довольно, – отрезал он. – Я сказал тебе всё.

Поговорив ещё несколько минут о каких-то малозначащих вещах, мы расстались.

Приехав к себе, я не мог уснуть до утра.

Что же собрано в досье на меня? Все ли люди в группе «Север» надёжны? Нет ли «подставы» среди тех, кто осуществлял связь? Голова начинала пухнуть от этих мыслей. Больше всего я опасался за фрау Келлер, она, как я знал, оставалась на Франкфурте-на-Майне.

Тем временем в Германии продолжали нагнетать истерию.

После поражения под Сталинградом нужны были какие-то неординарные действия против Советского Союза, чтобы, с одной стороны, успокоить немецкое общество, а, с другой стороны, поднять моральный дух солдат. В ход пошло секретное устрашающее оружие.

Под личным контролем Гитлера военный генералитет готовил операцию «Скорпион», она имела дублирующее название «Возмездие». В ответ на сталинградский разгром было решено применить сверхсекретное оружие – сбросить атомную бомбу на Ленинград.

Насколько удалось выяснить нашим разведчикам, долгое приготовление к операции вступило в завершающую стадию. Во Франкфурте-на-Майне наработали «заряд», его поместили в специальный контейнер и доставили в лабораторию под Кёнигсбергом. Изготовленная сверхбомба хранилась в футляре из специального стекла. В наличие уже была ракета, с помощью её можно было доставить бомбу, ракету дублировал самолёт-носитель. Единственное, что пока удерживало фашистов от бомбёжки новым оружием Ленинграда – оно ещё не было испытано.

Оставался риск, что радиоактивное облако может, хотя бы частично, накрыть и немецкие войска. Но жажда реванша была настолько велика, что данный риск уже не казался для военного руководства Германии серьёзным.

Несколько раз группа «Север» передавала в наш «Центр» шифровки об операции «Скорпион».

Информация была столь необычная, что, похоже, нам не верили, особенно – Лаврентий Берия, который был близок к Сталину. Так, я предполагаю, нас проверяли.

Но время шло. И возможность атомного эксперимента над Ленинградом возрастала.

Наконец, эту угрозу почувствовали и на самом верху в Москве.

В тот день, когда я накануне провёл бессонную ночь после разговора с Вальтером, в группу «Север» из «Центра»

поступило задание – любой ценой добыть сведения и документы об операции «Скорпион» и переслать их в Москву. Мне отводилась роль «наводчика» – я должен был привести группу захвата на объект с секретными документам.

Группе наших разведчиков, переодетых в форму офицеров «СС», удалось без особых сложностей и без потерь проникнуть на секретный объект. Мы вскрыли сейфы, стали фотографировать документы, а некоторые документы мы изымали. Мы успешно уже заканчивали операцию, когда кто-то из нашей группы, кому отводилась роль охраны, прозевал предателя – связника-немца, моего коллегу из «СД». Он, когда сообразил, что происходит на объекте, открыл огонь из пистолета. Одного нашего разведчика убил сразу, направил пистолет на меня. Я успел отскочить от сейфа, пуля просвистела мимо, но другая пуля попала мне прямо в живот, и я потерял сознание.

Только позже, спустя много времени, я узнал, что наша группа завязала перестрелку с охраной. Ну, а того связника-немца, что открыл стрельбу, наши ребята тут же убрали, то есть убили. Потеряв больше половины людей, группа разведчиков всё-таки сумела уйти с объекта и скрыться, сохранив необходимые документы о секретной операции.

Меня же, смертельно раненого, без сознания , вместе с секретными документами доставили на партизанскую взлётную площадку, а оттуда – на самолёте в Москву. Когда очнулся, обнаружил, что я в больничной палате, но не мог понять: у своих или у немцев? Помню, надо мной склонились двое. Один, кажется, в форме генерала, спросил другого:

– Профессор, какие перспективы? Заговорит он или нет?

– Должен бы заговорить! – ответил профессор.

Когда они вышли из палаты, я закричал медицинской сестре:

– Верните их!

Я-то думал, что закричал, но мой крик был похож на шёпот – таким я был слабым. Но медсестра услышала меня.

– Ой, немец-то наш по-русски заговорил, – радостно замахала она руками. – А я уж хотела тебе укольчик!

Двое вернулись.

В генеральской форме был секретарь ЦК партии Андрей Андреев – я узнал его по портретам. Второй – не знаю, кто был, в белом медицинском халате.

– Принесите документы, – попросил я их. – Я как офицер связи немецкой армии дам вам необходимые пояснения.

Профессор в белом халате запротестовал:

– Нельзя ему сейчас, нагрузка очень большая, чуть попозже.

И они опять ушли.

Когда я почувствовал себя лучше и мог без особого напряжения говорить, со мной провели беседу сотрудники особого отдела. Не помню точно, сколько я пролежал в больнице. Кажется, три с половиной месяца. Мне удачно сделали операцию, и я скоро пошёл на поправку.

Но, странное дело, никто никуда меня не приглашал. Никто не вёл со мной разговоров и том, что мне делать дальше: возвращаться в Германию или оставаться на Родине? Обо мне как бы забыли. Возможно, это было связано с потерей людей из разведывательной группы «Север», когда мы брали документы, и кто-то, вероятно, усмотрел мою вину?

Не знаю!

Но вот однажды в госпитале меня пригласил к себе «особист».

– Вы что-ннибудь помните о работе в Германии? – спросил он.

– Помню всё! – ответил я. – Конечно, помню!

– Нет, вы ничего не помните, ничего не знаете, и никогда там не были, – строго пояснил он. – Вы – Иван

Малинин, есть старшина пулемётной роты. Понятно! Вы воевали под Москвой, на Калининском фронте, были ранены под Ржевом. После госпиталя поступили в распоряжение Н-ской части. На Украинский фронт. Понятно?

– Так точно! – ответил.

– Вот и хорошо! – закончил он беседу.

Только намного позже я узнал, что похищение секретных документов нашей группой сорвало проведение операции «Скорпион».

Но судьбе было угодно вновь сделать меня причастным к «атомным событиям».

ШТУРМ ЛАБОРАТОРИИ

Всё дальше на Запад уходила война.

Я иногда представлял «своего дядю» Вальтера Штоффа и улыбался – всё-таки он был наивный немец, его мечта о победе фюрера на моих глазах превращалась в прах. По-человечески было жаль – он искренне помогал мне.

Та прошлая, теперь уже очень далёкая, жизнь и работа в Германии мне самому иногда представлялась чем-то придуманным, как будто это был не я, а кто-то другой.

Год, проведённый в боях на действующем фронте, совершенно изменил меня. Я уже изрядно растерял навыки разведчика. А после двух контузий утратил остроту обоняния и повредил слух, без этих двух чувств разведчик - ноль. Я ушёл в пулемётный взвод, а потом выучился на артиллериста.

Я получил много боевых орденов и других наград, был удостоен звания Героя Советского Союза. Ребята из батальона иногда удивлялись очередной награде, но я молчал, сам-то я догадывался, что эти награды дают мне не только за уничтоженных из пулемёта фашистов, за подбитые

моим артиллерийским расчётом немецкие танки, но и за прежнюю работу за границей.

В конце 1944 года в штабе дивизии меня ждал гость из Москвы.

– Мы хотели бы вернуть Вас на работу в Берлин, – без лишних предисловий предложил он. – Согласны?

– Нет, категорически против! – воскликнул я. – Не согласен!

– Какие причины? – уточнил гость.

– Во-первых, велик риск моего возвращения в Германию, – продолжал я, – трудно объяснить моё долгое отсутствие, если вдруг я там встречу тех, кто меня знает. Во-вторых, я за время, пока воевал в артиллерии, растерял навыки разведчика. Ну, и наконец, самое главное. Насколько я знаю, «СД» уже не существует, оно влилось в управление имперской безопасности под началом Гиммлера. А это уже совершенно другое. Если возвращаться, то нужна «новая легенда», прежняя, думаю, уже не сработает. Нет, нет!

Гость, выслушав меня, не стал настаивать на своей просьбе, сухо попрощался со мной, а я попросил разрешения выйти из штаба дивизии.

В начале весны 1945 года наша войсковая группировка вошла на территорию Восточной Пруссии. Немецкие части ожесточённо отстаивали каждое село, каждую дорогу, каждый перелесок. Шли тяжёлые затяжные бои без видимого продвижения с нашей стороны. Но мы и не спешили, чтобы не увеличивать собственные потери. К тому же, наступлению мешала весенняя распутица.

В один из дней, это было уже позже, на подступах к Кёнигсбергу, столице Восточной Пруссии, меня пригласил командир разведки дивизии полковник Владимир Капустин.

Несколько мгновений он рассматривал меня, будто фотокарточку, будто пробовал на вес – сколько я потяну.

– Старшина Малинин, – наконец, обратился он ко мне, – вы владеете немецким языком?

– Владею, товарищ полковник, – ответил я. – Только давно не практиковал.

– Это ничего, что не практиковали, – ответил он. – Практику мы вам предоставим. По карте хорошо ориентируетесь?

– Ориентировался когда-то, – уклончиво ответил я.

Далее, он спросил меня уже в лоб:

– Старшина Малинин, вы знаете, где расположена секретная атомная лаборатория вермахта под Кёнигсбергом?

Я не сразу ответил.

Прошло порядочно времени, когда я из документов знал о секретной лаборатории. Но ведь это место могли и поменять.

– Вряд ли, скажу, где она находится, но где находилась когда-то, могу назвать приблизительно.

Капустин подвёл меня к большой карте, показал место, обведённое красным кружком.

– По данным разведки, – сказал полковник, – вот здесь, в гористой местности, в районе двух озёр, и действует лаборатория по изготовлению атомного оружия. Подходы к ней сильно укреплены. Дивизия получила приказ взять лабораторию штурмом. При штурме потери с нашей стороны свести до минимума, а из сотрудников лаборатории никто не должен погибнуть. Они нужны нам живыми. Вы будете главным наводчиком – поведёте десант к лаборатории. Понятно задание?

– Так точно, товарищ полковник! – ответил я.

– Приступайте к выполнению.

В десант отбирали добровольцев, принудительно никого не брали. Взяли самых лучших из дивизии – семьсот офицеров и солдат.

И я повёл десант, ориентируясь по данным высланных вперёд разведчиков.

Подступы к горной долине, где стояла лаборатория, были обнесены спиралью Бруно, к тому же по заборам фашисты развесили оголённые провода с током высокого напряжения. В некоторых местах проводы были искусно замаскированы, так что наши бойцы не заметили, погибло больше трехсот десантников.

Головной группе, которую я вёл, удалось разорвать хитросплетения обороны немцев, мы ворвались в здание, из него вёл вход в подземные укрепления.

Они представляла собой несколько корпусов, усиленно охраняемых, но всю охрану мы сняли, то есть перебили. Овладели лабораторией почти без потерь, сохранили жизнь её сотрудникам.

От них мы узнали, что за несколько часов до нашего прихода главного конструктора вызвали в Кёнигсберг. Там его перехватила английская разведка, он был на самолёте доставлен в Лондон, а оттуда – в США. Зато вся остальная обслуга в количестве тридцати с лишним сотрудников, а также часть документации попали в наши руки.

Уже после захвата лаборатории я случайно столкнулся со своим коллегой-разведчиком, который тоже когда-то работал в германском тылу. Он рассказал, что наша диверсионная группа взорвала завод во Франкфурте-на-Майне, но, увы, все погибли.

Меня сразу пронзила горячая боль – я подумал об Ирине. Неужели и она канула в вечность?

За штурм лаборатории я получил отпуск. Меня и ещё несколько отличившихся в штурме отправили отдыхать на чью-то роскошную дачу под Данцигом. Там были и отдыхающие из других дивизий. Вечером, прогуливаясь по набережной, а дача стояла на берегу реки, я обратил внимание на компанию женщин в военной форме.

Они о чём-то оживлённо говорили и весело смеялись.

И – о, ужас! – мне показался знакомым один из женских голосов.

Я подошёл ближе к ним.

И увидел Ирину Тюленеву!

Её плечи красиво облегал китель с погонами капитана Красной армии. Я окликнул её.

Она обернулась, но, похоже, не узнала меня.

Вдруг улыбка слетела с её губ, Ирина медленно пошла ко мне.

– Ванечка, ты ли это? – тихо спросила она. – Мне сказали, что тебя убили ещё в 43-м, в Берлине. Ты это или не ты?

– Я, я, я… Я живой, Ирочка! Это – я!

И она, как давно когда-то в Подмосковье, обвила меня горячими руками.

Эти десять дней были лучше, чем сказка. Это были самые счастливые дни в моей долгой жизни, потому что каждая минута была заполнена моей любимой. Мы с ней переговорили обо всём на свете.

Я узнал, что Ирина, ещё до взрыва завода, была переведена из Франкфурта под Кёнигсберг, где «наблюдала» за лабораторией. Теперь, после её взятия, она должна была быть здесь ещё какое-то время в составе охраны. Мне оставалось только ждать, когда она освободится.

Мы поклялись друг другу, что после полного окончания войны больше не расстанемся.

Ах, если бы я знал, какая беда ждала нас!

Победу над фашистской Германией я встретил в Венгрии.

По стечению обстоятельств я находился в том самом городке, где когда-то, ещё до войны, меня свели с Вальтером Штоффом. Я подумал: где он теперь – жив или нет? Почему-то захотелось разыскать его и пообщаться с ним, но это было невозможно.

В конце июня 1945 года меня пригласили на первый Парад Победы в Москву.

И там я узнал страшную новость, от которой, как вспомню о ней, и сейчас холодеет сердце.

В самый день Парада кто-то отдал приказ в Кёнигсберг – вывезти всех сотрудников лаборатории в Москву. Их посадили в самолёт, в числе сопровождающих была и моя Ирина. Самолёт подлетел к столице, но Москва не дала разрешения на посадку – в городе проходил праздник. Самолёт покружил-покружил, развернулся и полетел на Курск. Но и Курск почему-то не посадил его.

Кто и с какой целью отдавал приказы – я не знаю. Предполагаю, что не только наши разведчики работали против Германии, но и немецкие разведчики на нашей территории – против Советского Союза. Самолёт полетел назад – в Кёнигсберг. Топлива не хватило, он упал и разбился. Погибли все сотрудники лаборатории, и все, кто их сопровождал. Этих учёных-спецов мне не жалко.

Я горько плакал об Ирине. Я не мог представить её не существующей.

Все эти годы я периодически давал подписки. Мне было приказано: «Молчать!».

2005-2019 гг.

МАРЬИНСКИЕ КЛЕЩИ

Октябрь 1941 года

***

Мы, люди иной эпохи, умом и сердцем обязаны помнить и хранить большие и малые события Великой Отечественной войны. Понять и прочувствовать, какая цена заплачена за наше существование.

Цена – неимоверно большая!

О Великой Отечественной войне написано много, очень много. Иногда возникает впечатление, что вся её история уже представлена, в ней нет «белых пятен».

Впечатление обманчивое!

На самом деле, ещё большое количество эпизодов сражений и самих событий, особенно в её начальный период, которые малоизвестны даже учёным историкам.

К ним, вне сомнения, относятся события октября 1941 года, которые происходили вокруг Вязьмы, Торжка, Ржева и Калинина. Наши войска во второй половине октября окружили и ликвидировали 1-ю танковую дивизию и бригаду «СС» из группы фашистских армий «Центр» под командованием генерала фон Бока, ныне восхваляемого некоторыми «патриотами» в России.

Невероятная победа, от которой пришёл в бешенство Гитлер!

События, описываемые в повести, – малоизвестная, но по-настоящему героическая страница Великой Отечественной войны.

Разгром немцев под тверскими сёлами Марьино и Медное – первая «точка отсчёта» в великой Московской битве, первые успешные усилия Красной армии по изгнанию фашистских варваров с родной земли.

Я не ставил целью показать батальные сцены. Стремился понять характеры замечательных полководцев – Ивана Конева, Николая Ватутина, Павла Ротмистрова, Василия Швецова, а также младших офицеров и рядовых солдат.

Меня тревожит забвение великого подвига русского солдата, всего советского народа, которые спасли Европу от «коричневой чумы», наглое осквернение памяти наших погибших воинов.

И происходит такое ни где-нибудь, а именно в Европе!

Здесь ведётся русофобская пропаганда, обеляющая фашизм, выставляющая на посмешище подвиг Красной армии, а советских солдат всё чаще называют «оккупантами», сносят памятники в их честь.

Так получилось и с памятником Маршалу, дважды Герою Советского Союза И.С.Коневу в г. Кракове в Польше, памятник снесли. И это в городе, который советские войска под его командованием освободили от фашистов, сберегли архитектурные ансамбли от разрушения – гитлеровцы намеревались взорвать их.

Чудовищная цена забвения Истории!

Чудовищно само по себе и возрождение на Украине фашизма «гитлеровского образца».

Масштабы войны настолько огромны, что, думаю, каждое новое поколение русских людей будет делать попытку осмыслить их, понять истоки поражений и побед.

Такую попытку предпринял и я.

АВТОР.

ГЛАВА 1
СТРАШНЫЙ СОН

1

Над полевой кухней солдаты устроили добротный навес, забрали боковины необтёсанной доской. И получилось что-то похожее на деревенский сарай. В непогоду кашевары укрывались здесь от ледяного ветра. В печке-времянке гудел и плясал огонь, потрескивали хворост и поленья, булькало варево в котлах. Иногда кто-нибудь из солдат мог заглянуть под навес, погреть руки, расслабиться…

Вот и рядовой Миронов, держа два котелка – свой и товарища, юркнул под навес в надежде чуток передохнуть, пока не начали раскладывать вечернюю кашу. Присел на низкий чурбак, откинулся на поленницу дров, почувствовал тепло, идущее от печки, смежил веки…

На него нахлынула дремота.

… В паре с сержантом Прохоровым рядовой Миронов восходил узкой каменистой тропой по горной местности на сиявшую далеко вершину. Её надо было занять раньше фашистов. Александр прежде никогда не бывал тут, да и вообще ни разу не видел настоящие горы, которые создала природа на Кавказе или на Урале. Но, казалось, будто знал и тропинку, ведущую с камня на камень, заросшие лесом склоны, будто горный перевал ему близок, как родное псковское поле.

Сержант Прохоров не проронил ни слова, но до Миронова чётко доходили приказы: «Опасность слева», «Пригнуться», «Не отставать», которые он понимал и исполнял. «А, вон что, – догадался про себя рядовой, – мы понимаем

друг друга уже без слов! Он только подумает, и я ловлю его мысль, и отвечаю ему мыслью. Очень здорово!».

Прохоров, шедший поперед Миронова на расстоянии шагов десять, вдруг охнул, камни полетели из-под его ног.

– Сашок, выручай! – со страхом закричал Иван.

С мыслей он опять перешёл на слова.

Миронов подбежал к товарищу и побледнел от того, что увидел.

Тот повис над обрывом.

Иван наверняка скатился бы, но, падая, чудом успел ухватиться одной рукой за крепкий ствол кустарника, росшего у самой тропы, а другой искал опору…

Миронов сбросил вещмешок, положил оружие, подполз к товарищу, хотел было схватить его свободную руку, но Прохоров грозно прокричал:

– Не надо! Оба грохнемся туда! Растяни ремень, завяжи узел, дай мне!

Рядовой так и сделал.

Он упёрся ногами в камни, медленно подвигал узел ремня к свободной руке сержанта. Наконец, тот ухватился за узел – Миронов изо всех сил тащил его к себе. Вот уже сержант подтянулся, одной ногой встал на камень.

Но рядовой не выдержал нагрузки, упоры вылетели из-под ноги. Он быстро стал скользить навстречу товарищу.

Оба полетели в пропасть…

– Ты чего разоспался! – толкнул Миронова повар. – И храпишь на всю ивановскую, да ещё и кричишь во сне! Забирай кашу и топай к себе.

– Я ничего, я так, – начал оправдываться рядовой, – задремал я, приснилась какая-то чепуха, страшно было!

Подставил котелки, повар наложил каши.

И рядовой поспешил в траншею.

2

На Западном фронте выпало краткое затишье, вызванное сильной непогодой. Солдаты могли передохнуть от пуль и снарядов, оторвать глаза от прицелов…

В свежую глубокую траншею, выкопанную нашими бойцами, падали полусгнившие бурые листья, кругляши перекати-поля, сухие ветки с ближнего ольшаника, мягкие комочки глины.

– Громче! Не слышу! – кричал сержант Иван Прохоров рядовому Александру Миронову.

Тот подошёл к нему по утоптанному дну траншеи.

– А-ай…ку, – выдавливал солдат.

Ветер и в самом деле комкал слова, не разобрать.

Солдат объяснил на пальцах.

- Огоньку! А, сейчас! – сержант полез в карман.

Достал трофейную зажигалку, щёлкнул, возжёг огонёк, зажал в ладонях.

Дал прикурить.

Миронов жадно затянулся.

– Расшумелась непогода, – бросил сержант. – Фрицы и те, гады, все притихли, будто нет…

– Ненадолго! – дымил «козьей ножкой» Миронов. – Утром, если распогодится, полезут, как голодные псы.

Чуть помолчав, добавил:

– Попрут фашисты. Чую нутром, навалятся. Так что передых у нас с утра закончится…

– Попрут, ещё как попрут! – кивнул Иван. – Война – она кровь любит!

Такой ветрище редко, но случался в летнюю духоту, приносил с собой мощный гром и грозный ливень. Теперь же грозой и не пахло – в полях и низинах багрянела промозглая осень. Она брела по усеянным почерневшей хвоёй лесным тропкам, чахлым болотцам, похожая на бабу-ягу, охала, причитала.

Не хотелось, как прежде, приласкать её: «Милая, жёл-

то-серебристая, золотая отрада сердца!». Хотя красы своей она не растеряла. И всё же было в той осени что-то едва уловимое иное, не такое, как обычно.

Шла, наступала повсюду уже не мирная, а угрюмая фронтовая осень.

Она несла смятение в грады и веси великого Советского Союза.

Она возжигала в душах ярость, рождала святую злобу. Ведь тот, кто ещё вчера давал клятву на весь мир искренне дружить, внезапно стал коварным врагом, сатаной, обрушил на родную землю смерть, обильно сеял горе и разрушение.

Народ доподлинно знал, что накануне из СССР потоком уходили по железным дорогам в Германию эшелоны, гружённые зерном, мясом, салом, медом, консервами и прочим продовольствием. Будто кто-то невидимый, но могущественный, очень возжелал, чтобы наевшись до отвала русской еды и взяв её впрок, солдаты вермахта двинулись в поход на тех, кто им эту еду прислал.

И они, подогревая себя скорой и неизбежной победой, пошли на Русь!

... В древности ветробой, что бушевал над фронтом, прозывали «духом», говорили: «Ветр велик найде из пустыни..».

Древние считали дух-ветер настоящим волшебником.

Он мог, верили они, сотворить и доброе, и злое; остановить беду, принести радость, осчастливить несчастных. Почему же теперь, сумрачной осенью, дух не делал того, что позволяла сила волшебства?

А, может, и делал? Может, и старался?

Только вряд ли кто-то был способен понять язык стихии.

«Одумайтесь, безумцы!» – призывал великий ветер наступающих.

Он обрушивал стихийную мощь на головы преданных вермахту солдат, офицеров и генералов, будто кричал: «В

полушечном свинце – человечья смерть! Вы – герои нации, известные и безвестные, остановитесь! Прекратите убивать – ещё не поздно!».

В старину на Руси полушкой называли мелкую медную монету, достоинством в четверть копейки. Поговоркой про «полушечный свинец» в народе хотели напомнить – для убийства надо совсем-совсем немного свинца, всего четверть копейки, имея в виду вес.

Включённые в «нашествие двунадесяти языков», немцы, а с ними ещё солдаты из разных стран мира, будто оглохли – не слышали зова природы. Злобно, ожесточённо, как бы доказывая кому-то неведомому своё «я», они рифлёными каблуками утаптывали собственную совесть, пускали по ветру остатки чувств, которые отличали разумного двуногого от бессмысленного дикого скота.

Это отличие в них всё больше и больше стиралось, граница, разделяющая свет и тьму, уже не существовала.

Зверями, завидевшими добычу и приготовившимися в азарте схватить её, ползли орды фашистов по охваченной огнём и дымом древнерусской смоленской земле.

Они хрипло сипели, орали: «Крови! Крови! Крови!».

Где-то там, в далёком от них Берлине, в отдельных роскошных зальчиках столичных ресторанов, фюрер и его окружение поднимали бокалы за свершения собственных подчинённых, достигнутые в походе под общим названием «Drang nach Osten» (натиск на Восток).

В бокалах до краёв темнела густая русская кровь!

Фюрер и его окружение с наслаждением пили её, кровь русских солдат и офицеров.

Завтра, а такое нельзя было исключать, они, может быть, нальют в «победные чаши» кровь сержанта Ивана Прохорова и кровь рядового Александра Миронова, выпьют её, закусят ароматной сосиской.

А, может, и не нальют!

Как Бог ссудит!

3

Сержант Иван Прохоров, костлявый, плечистый, со скуластым лицом, выражавшим усталость; рядом с ним рядовой Саша Миронов, всегда чем-то слегка возбужденный; оба, присев на полусогнутых ногах, устроились в полукруглом расширении траншеи.

Они раздобыли у кашевара крепкий чай, попахивающий дымком, блаженствовали, отпивали по глотку, перемешивали во рту горячий чай с табачным дымом.

Иван, будь его воля, давно вернулся бы в деревню, тоска по ней уже изъела душу. Деревня называлась Вороново, там он родился, жил и никуда не собирался уезжать. Она взбежала на взгорье, подступали к ней широкие поля, добротные дома стояли по сторонам дороги, ведущей на Старую Руссу.

Прошлой осенью командир уговорил Ивана, и он подписал договор – ещё на два года, сверх срока. Если бы он знал, что случится война!

Нет, он ни за какие коврижки не подписал бы договор.

Что теперь вздыхать? Близок локоток, да не укусишь!

У Миронова положение тоже незавидное. Вот-вот в ноябре, который маячил уже не за горами, выходил срок службы. Если бы всё шло, как положено, Александр закинул бы за плечо вещмешок – и в путь-дорогу. В родную деревню на псковской земле. Вспоминая о ней, будто слышал звон наковальни, чувствовал дымок кузни, где трудился до призыва.

Домой!

Это желание обжигало Сашу радостью, и тут же гасло, будто зажжённая на ветру спичка.

Кто отпустит его домой, когда не стихали бои?

Разговор о том Миронов даже не заводил с командиром роты. За три месяца боёв, наступлений и отступлений Александр повидал и испытал столько, что иногда казалось пробыл в армии не три года, а лет десять – не меньше.

Так в нём и само время расширялось до какой-то неведомой прежде черты, где не было предела.

Александр, слушая вой, опять ощущал беспредельность. Это новое для себя чувство Миронов приобрёл именно на войне.

– Знаешь, Сашок, в непогодь на гражданке что нужно делать? Вот, случись, оказался бы ты далеко-далеко от нашей траншеи? – улыбнулся сержант, глядя на осунувшиеся лицо Миронова, у того голубели большие, усталые, удивлённые глаза.

– Знаю, Иван Силантич! – выпалил Александр, величая сержанта по отчеству, что говорило об его уважительности. – На горячей печке лежать, потолок подпирать. В такой ветрище кто ж какие-то дела делает?!

– Всё бы тебе потолок подпирать! – рассмеялся Прохоров. – Вы, псковские, такие! Знаю я вас! Мне бабка, помню, в детстве любила говорить про вас всякие байки. Говорила, что один раз нагнало тучу на деревню под Псковом. Мужики собрали сход, стали думать, что делать? Три дня решали, ничего не решили. На четвёртый день надумали – взяли большие колья и пошли тучу подпирать, чтоб она не упала на деревню.

Сержант захохотал.

Саша тепло улыбнулся тому, как сержант подтрунивал над псковичами, да и сам развеселился.

Миронов родился в деревне под Псковом. Он был выше среднего роста, широкоплечий, быстрый в движениях и словах, всё схватывал на лету. В нём сидел истинно псковский характер – ничто не могло сломить Миронова. Когда лезли фашисты, а в поддержку им летели снаряды, сбрасывали бомбы самолёты, Александр, хоть всё было не впервой, ощущал в груди страх. Едва ли не всякий раз перед атакой пробегал по сердцу холодок, будто приложили к груди свежий лёд. Наверное, думал Александр, смерть давала о себе знать.

Когда он разворачивал пулемёт в сторону фрицев и

выпускал очередь за очередью, страх исчезал мгновенно, будто и не бывало.

И он уже ничего не боялся.

Так повторялось из боя в бой.

Три дня назад фашисты, идя в атаку и не считая потерь, всё валили и валили – нахлынули в наши окопы. У Миронова кончились патроны, пулемёт замолк. Он схватился за штык, но немец ногой выбил штык. Другой кто-либо на его месте, может, и получил бы в этой схватке смерть. Миронов не впал в истерику. Изловчившись, пулемётчик сорвал каску с фашиста и ударил в лоб тяжёлым кулаком, оглушил. Обернувшись, он успел ухватить за горло другого фрица, спешившего на помощь тому, оглушённому, и придушил второго. Откуда взялась дикая сила? Александр и сам не мог понять, как не мог объяснить после и то, что вышел живым из рукопашной схватки…

Наши бойцы атаку фашистов отбили.

Рядовой прятал в карманы тяжелые ладони – до войны Александр махал молотом в колхозной кузнице. На правой скуле у него рдела полоска от сорванной кожи – дурная пуля чиркнула в том бою, а если бы прямо полетела – голова пулемётчика была бы дырявой.

Всё же одна ощутимая потеря для Миронова случилась в том бою. Пока он бился врукопашную с фашистами, в пулемёт, оставленный на бруствере, угодили осколки снаряда, пулемёт надо было ремонтировать или заменять.

– Не переживай, Сашок, – успокоил Прохоров. – Побудешь у меня, мой второй номер ранен. Когда получишь новый пулемёт, встанешь на своё место.

На смех Прохорова рядовой отреагировал без обиды, но с шутливым упрёком.

– Вы-то тоже хороши – ильменские ушкуйники! – начал он. – Мы хоть бы и тучи подпирали – ну, и ладно. Кому от того плохо? А вы-то людей обирали, притесняли по Селигеру да по Волге, да по Северу до самого Урала. Дед мне, тоже в детстве, про вас говорил: «Такали да такали и рус-

скую свободу всю протакали – ищи ветра в поле». Вот так, Иван Силантич!

– Глубоко ты пашешь, Сашок, ой, глубоко! – изумленно поглядел на него Прохоров.

За это он и любил Миронова, и подружились-то они потому, что были по родовым землям соседями – сержант до войны недолго работал бригадиром в колхозе под Старой Руссой.

– Ладно, чего старину ворошить, а то до самой ночи найдём, что в костёр бросать, баек хватит, – примирился сержант. – Открою тебе, Сашок, один секрет. Самоё лучшее в непогодь – в баньку пойти! Вот, представь, ветрище гудит на улице, как вон этот у нас наверху, дождь холодный хлещет, с кепки и с плаща течёт, настроение – сумрак. А ты идёшь по тропке через сад к баньке, заходишь, значит, в предбанник, одежду долой, и голый открываешь дверь в саму баню.

Прохоров замолчал, представляя, как заходит в баню, и довольная улыбка появилась на губах.

– Под ноги – пар клубами, в нос – аромат от веников березовых, запаренных в тазу, – продолжал сержант. – Из ковша плеснёшь на горку камней красных – оттуда столбом пар. Сидишь да веничком хлещешь бока! Вот так, вот так!

Иван даже показал, как он хлещет себя веником.

– После придёшь в избу, само собой, чистого самогона примешь стаканчик. Чистого, ядрёного! Чтоб, значит, банька пошла на пользу. После, само собой, в кровать к желанной бабе подкатишь, да чтоб у неё поуже была! Эх, красота!

Он вдруг примолк.

Сержант тревожно взглянул на Миронова, приподнялся, запрокинул голову, оглядывая темнеющее с проклюнувшимися звездами небо, прислушался

Никакого ветра на улице не было!

Повисла тишина, застыло безмолвие.

Воцарилась полная неподвижность в природе.

На западе на какой-то миг засияло небо, тусклые лучи пронзили облачную накипь и тут же потонули в густеющих сумерках.

Чувствовалось, как воздух всё больше становился холодным.

Из него на траву падал едва заметный, похожий на мелкий бисер, иней. Наступал осенний вечер. Звучали команды на вечернюю поверку.

Прохоров и Миронов поспешили в землянку.

Личный состав подразделений 19-й армии, занявшей рубежи на подступах к Вязьме, отходил к краткому фронтовому сну.

4

На огромных просторах Советского Союза – от южных степей Причерноморья и до берегов Финского залива под Ленинградом – война не затихала и ночью. Оперативные группы красноармейцев шли в тыл к немцам, совершали диверсии. Наши разведчики пересекали фронт, чтобы взять «языков», в небо поднимались «ночные тихоходы».

Не дремали и фашисты, тоже использовали тёмное время для операций.

Для шести армий и резервных подразделений Западного фронта, державших оборону протяжённостью в триста сорок километров – от селигерского Осташкова до лесной Ельни, уходящие сутки выдались «спокойными» в отличие от соседей на Брянском фронте. Там фашисты прорвали укрепления, проутюжили танками шестьдесят километров и заняли город Севск.

По радио из Москвы передавали сводку Совинформбюро: «В течение первого октября наши войска вели бои с противником на всём фронте».

В те же сутки в Москве, казавшейся из-под Вязьмы очень-очень далёкой, закончилась конференция, где Англия и Америка дали обязательство поставлять в СССР (до июня 1942 года) ежемесячно – 400 самолётов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, тысячи тонн алюминия, свинца, олова, молибдена, броневых листов для танков, зенитные пушки, противотанковые орудия.

Англосаксы и американцы, похоже, остались довольны, что у них открылась «халява» – хапнуть большие деньги на бойне, которую они же и устроили, подтолкнув Германию на войну против Советского Союза.

Это был излюбленный политический приём «цивилизованного Запада», который сработал и летом 1941 года.

Советское правительство в ответ на помощь намеревалось предоставить США и Англии сырьё для выпуска вооружений, а также оплачивать их поставки золотом из казны.

А пока здесь, далеко от Москвы, в долинах и перелесках вяземской земли, ощущался осенний заморозок.

Наступал 103-й день Великой Отечественной войны.

На календаре значилось 2 октября 1941 года.

5

... Разбрызгивая редкие лужи на сельской дороге, в сумерках, не включая на всю мощность фары, катили две легковые машины подчинённые Западному фронту, в одной из них ехал командующий. Ещё и месяца не прошло, как Иван Конев, получив очередное звание генерал-полковника, вступил в новую должность. Пока он не успел освободиться от привычек, приобретённых, когда командовал армией. Иван Степанович любил лично вникать в подробности обширного хозяйства 19-й армии. Бывало,

что он не доверял отдельным офицерам, перепроверял их, выезжал на позиции.

И теперь, похоже, кто-то из штабистов мог получить на орехи, судя по суровому выражению на лице командующего.

Он возвращался после осмотра расположений действующих армий под Вязьмой, а также позиций, куда прибывали, где окапывались дивизии народного ополчения, наскоро сформированные в Москве.

В душе у него гнездились противоречивые чувства. Нет, он не усомнился в боевом духе солдат, генералов, младших офицеров, горящих желанием громить врага ополченцев. Дух соответствовал тому, чем обычно заканчивал он приказы, будучи командармом: «Славные воины! Вы уже нанесли фашистским собакам сокрушительный удар! Вперед, к новым подвигам! За Родину, за Великого Сталина!».

Так призывал он в кровавых, жестоких боях под Витебском. Туда срочно перебросили 19-ю армию, и Конев прибыл раньше своих частей. Он с небольшим отрядом охраны отыскивал штаб Западного фронта. На шоссе генерал столкнулся с потоком отступающих – солдаты и офицеры шли в беспорядке, связь со штабами у них была потеряна, они не знали обстановки, не могли точно определить, где свои, где неприятель.

Конев вышел из машины. Снял плащ, чтобы все видели знаки различия в петлицах, чтобы все поняли, кто к ним будет обращаться. Выбирая взглядом в толпе кадровых бойцов и офицеров, генерал спокойно, но сурово потребовал:

– Приказываю прекратить отступление! Построиться в колонну!

Уверенный тон генерала, воля, которая сквозила в словах, его решимость подействовали на тех, кто отступал. Они стали останавливаться, собираться вокруг Конева, постепенно образовалась целая колонна военных.

В Витебск, вослед за вездеходом командарма, пришли

несколько подразделений пехоты, батарея пушек и три тяжелых танка «КВ».

Это было неплохое подспорье для частей, оборонявших Витебск.

Конев приказал артиллеристам отойти в укрытие, но комбат не успел выполнить его приказ – осколок от снаряда сразил его насмерть.

Тогда генерал принял на себя командование батареей.

Конев называл цели наводчикам, отрывисто бросал: «Огонь!».

В то же время он успевал следить за тем, что происходило на поле сражения в целом, на всех участках.

Это был первый бой Ивана Степановича Конева с фашистами.

... Теперь под Вязьмой Конев готов был повторить пламенный призыв, звучавший под Витебском.

Чутьё профессионала, а служил генерал с 1916 года, с далёких царских времён, рождало в нём тревогу. Он скорее угадывал, а иногда и находил подтверждение тому, что оборона Брянского, Западного и Резервного фронтов не была связана в мощный кулак, способный громить противника наверняка. Это ослабляло Красную армию, лишало её быстрого, рассчитанного заранее маневра.

Разрозненные атаки против немцев на разных участках Западного, да и Брянского фронтов, по существу ничего не меняли. Они отнимали драгоценные силы и время, позарез необходимые для устройства укреплений.

Три дня назад из Ставки Верховного Главнокомандующего поступила директива войскам Западного фронта – перейти к «жесткой обороне». Но её плана не было. В чём и как устроить «жесткость»? Толком никто не мог это объяснить. Похоже, руководство в Москве, включая Генштаб, рассчитывало на войсковых командиров, их инициативу и ответственность. Какой-то смысл в таком расчете, наверное, был.

В условиях фронта, в условиях боёв командирам ча-

сто было не до инициативы: отбить бы атаки фашистов с меньшими потерями, да успеть передохнуть до следующей атаки, а также подготовить собственные атаки.

Пока машину трясло по просёлку, такие размышления будоражили командующего фронтом. Он поворачивал их туда-сюда, пытался найти какие-то зацепки, вычленить главное, обрести в нём опору, равновесие.

Ивану Коневу шёл 44-й год.

Он олицетворял прирожденного воина.

Был высокий ростом, жилистый, широкий в кости, со строевой выправкой.

Конев всегда выглядел подтянутым, бодрым, являл собой центр внимания, когда оказывался на боевых позициях среди армейских офицеров или в гуще наступавшей пехоты.

В тот день, находясь в одной из дивизий, генерал увидел, как вдоль Минского шоссе в сторону Вязьмы солдаты рыли окопы-ячейки, готовились к наступлению немцев.

Командующий удивился работе солдат, приказал доставить к нему командира батальона.

Вскоре тот уже подходил к генералу.

– Товарищ генерал-полковник, по вашему приказанию полковник Бородин прибыл! – доложил комбат, часто дыша от быстрой ходьбы.

Перед ним стоял молодой офицер. Лицо его хранило летний загар, сквозь загар проступала усталость, а также страх перед командующим фронтом.

Тот холодно смерил взглядом полковника с головы до ног.

– Приказ был делать траншеи с ходами сообщений, а не одиночные окопы, – сдерживаясь, заметил генерал.

– Так точно, товарищ командующий, – подтвердил комбат, – был такой приказ.

Несколько секунд Конев молчал.

– Почему не выполняете приказ, комбат? – резко бросил он. – Что роют ваши подчинённые?

Конев указал рукой туда, где копали солдаты.

Комбат замялся, не зная, что ответить.

– Товарищ командующий, так сподручнее копать, окоп получается быстрее, а то бойцы устали, – нашёлся, наконец, комбат.

– Устали? А кто не устал? Вот когда война кончится, тогда и отдохнём, а пока она не кончилась! Вам замечание, товарищ комбат. Всякому рядовому яснее ясного преимущества траншеи перед окопом, – отчеканил Конев. – Вы же старший офицер! Разве не понимаете, что траншея сохранит ваших же бойцов лучше, чем самый удобный окоп? Немедленно сделать так, как требует приказ!

– Есть, сделать, как требует приказ, – комбат взял правой ладонью к виску. – Разрешите идти?

Генерал быстро, прямо взглянул в глаза Бородину, тот не выдержал секущего взгляда, опустил голову.

– Идите, – разрешил командующий.

Он мог наказать полковника. Да и следовало бы, пожалуй, наказать в назидание другим. Но что-то произошло в душе командующего. Из сотен эпизодов, отложившихся в сознании за три месяца боёв, Конев вдруг вспомнил, как батальон Николая Бородина геройски дрался с фашистами на подступах к Смоленску, и «собаки» Гитлера наяву ощутили, что такое «русский дух» и « русский кулак».

Генерал неожиданно смягчился – осуждающего взгляда, посчитал он, уже хватит. «Люди не железные, железо – и то не выдерживает, а тут – живые мужики», – подумал Конев.

6

В сумерках, за лобовым стеклом то возникало, то пропадало испуганное лицо Вородина, а в ушах звучало «сподручнее», генерал вспомнил комбата и улыбнулся. В словечке слышалось родное, далёкое, незабываемое.

– Сподручник, Ванёк! – гремел бригадир. – Перекур кончили – шабаш! Вставай в пару.

Иван бежал из будки, где доедал деревенский хлеб, запивая чаем, хватал тяжелый, длинный багор, вставал на брёвна, приноравливался к напарнику.

Закипала сбивка плотов. Сбивка – тяжелое мужицкое дело. Иван был слишком молод для неё, но он не подавал виду, что ему трудно, тянулся за напарником, хотел быть настоящим помощником.

С самой юности он подрабатывал на сплаве. Старший участка звал Ивана ласково «сподручник». И это осталось в памяти. Вечером он шагал к дому тётки Клавдии, которая заменила мальчику мать после её смерти во время родов.

Тётка неизменно встречала племянника на крыльце.

– Наш сподручник пришёл, кормилец! – всплёскивала она руками. – Ох, опять весь промок! Держи валенки – тёплые, прямо с печки. Давай, садись скорее за стол!

– А самовар, тётя Клава, готов? – спрашивал Иван.

Он очень любил, когда на столе гудел самовар, от гудения чувствовал большую радость.

– Готов, готов, – торопила тётка Клавдия, – наверное, проголодался.

Как давно всё это происходило в деревне Лодейно в Вологодской губернии, где родился Иван. Так давно, будто было всё в сказке, теперь забытой. Нет, не забытой. Эта сказка жила в душе Конева.

...На обочинах просёлка темнели высокие берёзы, липы и лиственницы. Их посадили ещё крепостные крестьяне, которые отошли в иной мир, но сотворённая ими красота осталась и радовала проезжающих. В изумитель-

ном живописном уголке, рядом со станцией Касня, в самом начале прошлого века приобрёл земли князь Григорий Волконский, деревня называлась Сковородино.

После революции 1917 года, чтобы уберечь усадьбу от разора, в ней власти организовали дом отдыха им. Шмидта. Когда фашисты напали на Советский Союз, в здравнице на скорую руку устроили госпиталь для раненых солдат и офицеров Красной армии, сюда их везли с передовой. А в большом барском особняке, добротном, двухэтажном с флигелями – зимним и летним, в конце июля 1941 года срочно был размещён штаб Западного фронта во главе с маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко.

– Вернулся к истоку, – шутил маршал по поводу места, куда въехал штаб.

Да, редкое совпадение! Именно на Западном фронте в 1914 году рядовым пулемётчиком Тимошенко впервые дрался с немцами.

Семёна Константиновича в СССР знали и взрослые, и дети как героя. Была у маршала и особая заслуга перед Родиной.

В ранге заместителя командующего Киевским округом он блестяще провёл поход в Западную Украину, Западную Белоруссию и Северную Буковину в сентябре 1939 года. Славянские земли, насильственно отторгнутые от России в пору Гражданской войны, благодаря той операции, были возвращены.

Такой манёвр значительно отсрочил наступление Гитлера на русский Восток.

...Фары выхватили из темноты фигуру часового, он быстро поднял шлагбаум. Машины въехали в усадьбу, остановились у входа в штаб фронта. Окна особняка светились, хоть было поздно, штабисты ещё работали.

На днях генерал Конев приказал передвинуть штаб по «запасному варианту» – в деревню Столбы под Гжатском. Дальше от передовых линий, да и на случай нашего отступления маневр был оправдан. Часть штабно-

го хозяйства уже перевезли на новое место, а другую – ещё собирали.

Дежурный офицер доложил командующему обстановку.

– Пришёл ответ из Ставки? – спросил Конев.

– Не было, товарищ командующий, – ответил дежурный, подал другие донесения.

Иван Степанович тяжело опустился на стул.

Достал пачку папирос, размял одну, закурил, вдыхая тяжелый кисловатый дым.

На правом виске у генерала выступила тонкая жилка, словно он держал на плечах невероятно тяжелый груз.

Пять дней назад за подписями Конева, Соколовского и Лестева в Ставку ушла докладная от руководства Западного фронта.

По данным разведки, а также по показаниям взятого в плен фашистского лётчика-истребителя противник наращивал силы в районе Духовщины. На отдельных направлениях Западного фронта превосходство в танках у немцев достигало в тридцать раз. Фашисты подтягивали свежие дивизии в район Вязьмы. Наш фронт, отмечали руководители, по-прежнему «очень жидкий», поэтому командующий просил Ставку ускорить «присылку пополнения», «восполнить недостаток пулемётного и артиллерийского вооружений».

Ответ из Москвы в штаб фронта не поступил.

Чуть позже руководство фронта запросило разрешения на отвод армий на запасные позиции в случае, если оборона будет прорвана и не удастся сдержать натиск фашистов.

Ставка в ответ опять молчала!

Наскоро поужинав, командующий рассматривал карту фронта, которую и без того знал наизусть. Так, как начальник штаба знал наизусть пушкинского «Евгения Онегина». Когда обсудили положение армий, варианты обороны, атак, отступлений, Конев неожиданно сказал:

– Василий Данилович, почитай что-нибудь для души, а то голова уже не соображает.

– Почитать? Исключительно для вас, Иван Степанович, – встрепенулся Соколовский. – Для лирики момент, сами понимаете, подходящий.

Генерал Соколовский просветлел лицом, по-доброму улыбнулся. Минуту-другую молчал, напрягая память, и вот заговорил:

Но день протёк, и нет ответа,
Другой настал: всё нет, как нет.
Бледна, как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
«Скажите, где же ваш приятель? –
Ему вопрос хозяйки был. –
Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
– Сегодня быть он обещал, –
Старушке Ленский отвечал, –
Да, видно, почта задержала.
Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

– Точно про нас, – вздохнул Соколовский. – Мы оказались в роли Татьяны по отношению к Ставке.

– Да, оказались! – кивнул Конев. – А сам-то, часом, не сочиняешь?

– Некогда, Иван Степанович, – махнул рукой Соколовский. – Я в детстве любил сказки, а когда в семинарии был, всё стихи учил наизусть, Пушкина любил. Тогда-то я и выучил всего «Евгения Онегина» на память, молодой был, память была свежая, с той поры так и храню в памяти целый роман. В 18-м я пошёл добровольцем в Красную армию. С тех пор и тяну армейскую лямку. А что делать? У меня принцип: «Моё место там, где я нужнее». А нужнее всего я здесь, в армии!

– Это правильно! – оценил Конев. – Принцип хороший!

– Так, с лирикой закончили, – обронил Конев и подошёл карте. – Вернёмся к фрицам!

– Не думаю, что они пойдут сразу по пяти направлениям, – сказал генерал. – Скорее, немцы будут искать слабое место у нас, чтобы прорвать оборону, а, может, и взять наши армии в кольцо. Может, Рокоссовский был и прав, когда предлагал командованию фронта учесть вариант отвода 16-й армии в глубину обороны, при необходимости, конечно. А я ему приказал всякую подвижную оборону исключить. Как полагаешь, Василий Данилович, правильно или нет?

– Опасения ваши, Иван Степанович, разделяю, хотя и не полностью. Обхват наших частей со стороны фашистов не исключен, у немцев обхват – излюбленный приём. Оборону нашу надо бы изменить, усилить стыки армий, – высказал мнение генерал-лейтенант. – Командующего 16-й армией, пожалуй, и следовало бы поддержать, вариант его разумный, я так считаю. Но вы сами знаете, Иван Степанович, что руки у нас связаны. Без согласования со Ставкой принимать такие решения мы не можем.

– Знаю, – резко бросил Конев. Замолчал, размышлял о чём-то.

– Нам нужна не только оборона, – сказал Иван Степанович. – За собой я оставляю и план наступления.

Конев, придя к себе, заснул сразу, будто провалился в глубокую яму.

7

… Иван Степанович услышал тяжелый гул, оглянулся, вздрогнул, ощутив опасность.

С пригородного перелеска в сторону шоссе, выпуская клубы дыма, ползли танки. На башнях жирно чернела фашистская свастика.

Танки шли прямо на командующего 19-й армией.

– Чернышёв, ко мне! – закричал Конев адъютанту.

Адъютант подбежал к генералу.

Оба они лихорадочно искали выход из ситуации, надо было что-то предпринять.

Рядом, на обочине, сиротливо приткнулась противотанковая 45-миллиметровая пушка.

– Быстро к пушке! – скомандовал Конев адъютанту.

Командира расчёта не было, но сержант и заряжающий стояли у орудия. Генерал Иван Конев расставил расчет, сам прильнул к прицелу, поймал в панораму приближающийся танк, дал команду: «Огонь!».

Снаряд пробил броню, фашистский танк загорелся.

Другие танки развернулись, поползли в обход, намереваясь окружить артиллерийский расчёт.

По дороге к тому месту, где стояла пушка, которую развернул против фашистов командарм, подъехала генеральская машина.

Конев, его адъютант, ещё несколько штабистов, бойцы расчёта впрыгнули в неё.

Машина быстро поехала в сторону деревни, не занятой немцами.

И тут Иван Степанович увидел наяву, как идёт на них, прямо в лоб, фашистский танк.

Чем его остановить?

Ничего подходящего под рукой не было!

« Нет, нас так просто не раздавишь! – закричал генерал.

И вдруг, что было сил, схватил танк за пушку, и начал крутить им туда-сюда. Танк почему-то оказался лёгким, и Конев швырнул его в кювет, как сломанную детскую игрушку.

Выползший сбоку другой немецкий танк прямой наводкой выпустил снаряд прямо в грудь генералу, он вскрикнул, но не ощутил боли, только страх сдавил сердце.

...Конев проснулся, несколько минут приходил в себя от страшного сна.

«Тьфу, и приснится же чепуха, что не знаешь, чего и подумать!» – проронил вслух и встал с койки.

Взглянул на часы – четыре часа ночи.

Он тут же вспомнил, что нечто похожее на то, что ему приснилось, уже происходило в реальности. С офицерами штаба он выезжал из Рудни для проверки расположения частей. Случайно, за окраиной города, вездеход командующего наткнулся на наступающих фашистов. Только чудом удалось тогда избежать плена или смерти.

Накинув китель, командующий вышел на воздух.

Подмораживало. Слабо долетал никогда не смолкавший, а теперь приглушённый гул с передовых позиций фронта. В тёмном небе искрились, мерцали звёзды, а Полярная звезда светила так низко, что, казалось, её можно потрогать руками.

За углом, на повороте в барский парк, с ним поравнялся часовой, назвал себя сержантом Басовым, начал докладывать.

– Вольно, – остановил часового генерал. – Как по имени?

– Николай, – назвался сержант.

Коневу захотелось поговорить с бойцом, закваска с Гражданской войны осталась, когда служил комиссаром. Иногда такой разговор благотворно влиял на настроение и теперь мог бы развеять остатки дурных чувств от страшного сна.

– Откуда родом? – поинтересовался Иван Степанович.

– Из Торжка я, товарищ командующий, – робко ответил сержант.

Он был явно смущён близостью самого генерала Конева, о котором среди солдат ходили легенды.

– Слышал, но не бывал в том городе, – признался генерал. – Славный град? Должно быть, как и мой Никольск, небольшой?

– Самой Москвы, товарищ командующий, Торжок старше на сто лет. А в нём красот – не обсказать сколько, – пре-

одолев неловкость, оживился Басов. – Народ у нас добрый, приветливый. Для меня – так город большой, а кому-то, может, и не велик будет.

– Товарищ командующий, когда кончится война, я Вас приглашаю в гости, – осмелел сержант Басов. – Мой дом на улице Болотной. Мы за Русь стояли испокон веков, всяких врагов били…

8

Хрупкий иней тонкими узорами разукрасил луговины, опушки, взгорки, будто осыпал предрассветную землю крупной солью. С уходом темноты на обширных смоленских просторах открывалась чудовищная картина сосредоточения фашистских войск – серое людское море, трудно чем-либо измеряемое. Железная армада, подобно гигантской пантере, была готова к решительному прыжку, намеченному операцией «Тайфун».

Группа армий «Центр» к 1 октября 1941 года насчитывала 1 миллион 800 тысяч солдат и офицеров, 1700 танков, 1390 самолётов, огромное количество миномётов, пушек, другой техники. Фашистскому командованию всё казалось, что этого мало.

В сторону Смоленска продолжали идти дополнительные танковые и моторизованные дивизии из резерва, из групп армий «Юг» и «Север». Из-под Ленинграда перебросили 4-ю танковую группу под командованием генерал-полковника Э. Гёпнера.

Природный тайфун зарождался и свирепствовал в восточной половине огромного Тихого океана. Ураган, набрав силу на безоглядных водных просторах, вздымал массы воды, нёс их к побережью, и если доносил до берега, то крушил и сметал всё на своем пути.

«Тайфун» из коричневых шинелей фашистов мыслил-

ся стратегами Вермахта по ожидаемым последствиям похожим на тот, что бывал в Тихом океане.

В считанные дни – не более двух недель – он должен был смять, разнести в пух и прах, уничтожить Красную армию, открыть прямую дорогу на Москву.

Взятие столицы СССР для Гитлера было делом решённым, без всяких сомнений. Уже в сторону Восточного фронта шли вагоны, груженные отборным гранитом, из него на месте поверженной Москвы намечали возвести памятник в «честь гения Гитлера и славы оружия 3-го Рейха».

... Поодаль немецких танков стояли строем боевые экипажи, вдохновлять их перед боем приехал генерал Эрих Гёпнер, по прозвищу «старый кавалерист». Когда-то он начинал службу в драгунском полку. На днях бронетехника под командованием генерала была выведена из группы «Север» под Ленинградом и передислоцирована под Вязьму для усиления войск генерал-фельдмаршала фон Бока.

Высокий, чуть сутуловатый, одетый в серый плащ, перехваченный ремнём, генерал Гёпнер шёл перед строем и, плотно поджав губы, вглядывался в солдат и офицеров. Фуражка у генерала была надвинута на лоб, на лице застыла маска хищника. Казалось, он вот-вот набросится на кого-нибудь из своих танкистов, чтобы разорвать на куски. Подчинённые боялись генерала, поэтому старались изобразить на своих лицах подобострастие.

За 4-й танковой группой и приданными ей штурмовыми соединениями и дивизионами числились разоренные города, сёла и деревни в Прибалтике, Псковской, Новгородской и Ленинградской областях, взятые в плен бойцы Красной армии; многочисленные факты жестокости и зверства.

За войну против Советского Союза Гёпнер ещё не имел наград. Он считал себя несправедливо обойдённым, надеялся, что Гитлер исправит оплошность.

За захват и оккупацию Польши, что было больше похоже на весёлую прогулку, чем на серьёзную войну, ему

вручили от Гитлера орден «Рыцарский крест». За разгром Франции присвоили звание генерал-полковника. А на Восточном фронте – тишина. Но то, что группу выдернули с Северо-Запада и включили в операцию «Тайфун», Гепнёр расценил как заботу Гитлера о нём. Думал, фюрер определённо сделал на него ставку.

И генерал-хищник готов был оправдать высшее доверие.

Он с наигранным пафосом поздравил танкистов с началом великой операции «Тайфун», а затем сообщил, что личному составу прочтут «Обращение» любимого Гитлера к солдатам Восточного фронта, полученное из Берлина.

9

Вперёд вышел штабной офицер.

В одной руке усилитель звука, а в другой – листы бумаги, он стал громко читать послание фюрера. Отрывисто, тяжело, будто пулемётная очередь, звучали слова на немецком языке:

«Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я ещё 22 июня решился обратиться к вам с требованием предотвратить в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1. Наш противник вооружался к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьезные опасения.

2. Лишь Господь Бог уберег наш народ, да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы, мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой «рай для рабочих и крестьян». В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам, непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своем смысле не что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы в том и другом случае – одни и те же: евреи и только евреи».

Голос офицера звенел в ранней утренней тишине.

Генерал иногда кивал головой, будто подтверждал истинность слов фюрера.

На самом деле, обращение к солдатам действовавшего канцлера Германии Адольфа Гитлера являло собой великую фальшивку, сфабрикованную в Берлине ближайшим сподвижником Йозефом Геббельсом, рейхсминистром народного просвещения и пропаганды.

Когда в 1926 году малоизвестный Геббельс принял сторону Гитлера, а позже и близко сошёлся с ним, Гитлер был изумлён и потрясён способностями доктора Йозефа врать и выдавать такое враньё за истину. Никому подобное не удавалось столь искусно, как доктору. Взяв в свои руки избирательную кампанию Гитлера, Геббельс фактически привёл его на вершину власти, используя цинизм, искажение информации, провокации, драки, убийства – всё, что на современном языке обозначают термином «грязные технологии».

«Ложь, сказанная сто раз, – любил изрекать доктор Йозеф, – становится правдой».

Теперь для солдат Восточного фронта Геббельс увеличил «свою правду» многократно!

Он перевернул 22 июня 1941 года задом наперёд!

Он сочинил небылицу о том, что Советский Союз готов

был напасть на Германию, и Гитлер повторял «утку» своего рейхсминистра на всех перекрёстках Европы.

А что было в реальности?

Ещё в апреле 1941 года по распоряжению начальника военной разведки «Абвер» адмирала Канариса в приграничные районы СССР забросили 200 диверсионных групп и террористов-одиночек. Эти фашистские «специалисты», переодетые в гражданскую одежду советских жителей, втихаря творили тёмные дела. В Литве они поджигали леса, наносили на карты советские военные объекты. Они совершили семь диверсий на Октябрьской железной дороге. Они перерезали телефонные и электрические линии, собирали информацию о расположении частей Красной армии. Тогда, то есть на три месяца раньше, Гитлер реально начал войну против Советского Союза.

Используя одурманивающий туман убаюкивающих дипломатических разговоров, руководство Германии упорно продвигало войска группы армий «Центр» на Восток, ближе к советским границам, к позициям, исходным для нападения.

Уже 15 мая 1941 года в эти дивизии фашистов, которые составляли большую часть войск Германии, поступили оперативные подробные карты европейской части Советского Союза.

Ну, не для развлечения же? Ну, не для игры же в «подкидного дурака»?

Исходя из ситуации, 3 июня 1941 года И.В.Сталин направил канцлеру личное письмо, где отметил: «создаётся впечатление о намерении Германии воевать против Советского Союза». В ответном послании от 9 июня 1941 года Адольф Гитлер заверил Сталина, что он будет «строго соблюдать Пакт о ненападении от 23 августа 1939 года».

Канцлер ручался «честью главы государства», что никакой войны не будет!

Что же касалось передвижения войск вермахта по территории Польши и дальше в сторону СССР, на которое

указывал в своём письме Сталин, то канцлер объяснил их тем, что центральная часть Германии хорошо «просматривается с воздуха» и подвергается жестоким бомбардировкам со стороны Англии.

Ничего себе довод для движения войск на Восток!

Сталин разгадал лукавство Гитлера и назвал его «хитрецом».

На другой день, после того, как из Берлина отослали ответ Сталину, Гитлер провёл секретное совещание с командованием всех родов войск вермахта, где и объявил о дне начала операции «Барбаросса» – 22 июня.

Притворно и лицемерно уповал Гитлер: «лишь Господь Бог уберег наш народ» от «варварского врага». Гитлер, как и преданная ему верхушка 3-го Рейха, не был ни католиком, ни православным, ни даже, что подходило бы духу того времени – атеистом. Канцлер верил в оккультизм, где преобладало поклонение демонам, чёрной энергии, то есть он являлся замшелым сатанистом.

Оккультизм, лично поощряемый Гитлером, был возведён в Германии чуть ли не в ранг государственной политики. В стране действовало множество сект, трудились научно-исследовательские институты на ниве пропаганды оккультизма.

Зачем же в «Обращении» Гитлеру понадобился «Господь Бог»?

Или он считал себя настолько великим, что мог «взять в подчинение» и самого Господа Бога?!

Похоже, так! «Сверхчеловек» Гитлер возомнил себя и «Сверхбогом».

«Через считанные недели, – продолжал громко читать офицер, – все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках! Ваши имена, солдаты вермахта, как и имена наших доблестных союзников, названия ваших дивизий, полков, кораблей и авиаэскадрилей войдут в мировую историю, связанные с величайшими победами за весь её обозримый период.

Вот они, ваши деяния: более 2 400 000 пленных, свыше 17 500 танков и 21 600 орудий уничтожено или захвачено, 14 200 самолётов сбиты или уничтожены на земле.

Мир ещё не видел ничего подобного!

Территория, которую на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышает территорию нашего рейха в границах 1933 года и в четыре раза – территорию английской метрополии».

Офицер повысил голос до высокой ноты:

«Эта борьба, вероятно, впервые станет борьбой всех наций Европы и будет рассматриваться как единая акция в целях спасения культурных ценностей всего континента», – почти кричал чтец.

«За три с половиной месяца, – продолжал он, – солдаты, наконец-то, создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара ещё до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно.

Сегодня начинается последнее и величайшее сражение этого года».

О потерях русских Гитлер врал, прибавляя в живой силе и технике вдвое больше, а про собственные потери – мимоходом упомянул: достигли «не более одной пятой потерь в Первой мировой войне». Уловка Геббельса, подкинутая Гитлеру, была рассчитана на то, что, вряд ли, кто из солдат и офицеров на Восточном фронте помнил потери Германии в 1914-1916 годах, а уж тем более стал бы вычислять «одну пятую».

«Лукавые цифры» на то и были рассчитаны.

Девиз доктора Йозефа: «Мы добиваемся не правды, а эффекта» сработал и теперь.

Сквозь ложь, напыщенность фраз, розовый туман обещаний, всё же у Гитлера промелькнула одна настоящая фраза: «враг состоит, в основном, не из солдат, а из бестий».

Отважные советские бойцы для фашистов были «бестиями».

Ну, понятно! Как иначе?

А для Родины они были тогда, накануне операции «Тайфун», и на все века остались Героями!

Либо известными, либо неизвестными.

Как волки в облаве натыкаются на красные флажки, так и фашисты натыкались на каждом километре своего пути на Восток на невиданное сопротивление советских войск, на их жёсткие, сокрушающие атаки. Ничего подобного не оказывали армиям 3-го Рейха англичане, французы, австрийцы, чехи, поляки, а уж о румынах, болгарах, норвежцах и итальянцах нет и речи.

Паразитируя на идее «высшей арийской расы», фашисты не понимали русской жертвенности, недоступной «сверхчеловекам».

Фюрер в обращении к солдатам умолчал о том, что, проводя совещание в своей Главной Ставке, ещё 17 сентября 1941 года он был вынужден признать: «Мы открыли дверь в Россию, не зная, что за ней находится. Абвер не справился со многими из своих задач…».

Кто же они были, кого канцлер Германии А. Гитлер на весь мир обозвал в своём обращении «бестиям».

10

– Мама, куда папка ушёл? – спросонья спросил Витёк.

Он не понимал, что происходило.

Прошлёпав босиком по полу, Витёк пытливо взглянул на мать.

– Что ты в такую рань поднялся? – удивилась Анна и погладила по головке любимого восьмилетнего сына. – Иди, давай, спи ещё. Отца вызвали на аэродром.

– Почему у тебя глаза красные, ты плакала? – не унимался Витёк.

– Когда вырастешь, всё узнаешь! – вздохнула мать, и чуть снова не заплакала.

Виктор вырос, стал военным, дослужился до звания полковника. И, действительно, всё узнал и поведал людям, написав замечательные воспоминания об отце-герое и товарищах, с которыми тот служил.

Тогда, в 4 часа утра 22 июня, полк, где одной из эскадрилий командовал отец Виктора – Николай Гастелло, подняли по тревоге. Лётчики думали, что их вызвали на очередное учение, но комиссар объявил: «Германия напала на СССР».

Прозвучал приказ на боевой вылет, экипажи заняли места в машинах.

В люки самолётов загрузили бомбы, заправили боевые ленты в пулемёты.

С аэродрома Боровское под Смоленском в тёмное небо улетали один за другим «ДБ-3 ф» – новые бомбардировщики, приписанные к дальней авиации. Теперь, в горячке первых часов войны, их использовали в качестве штурмовиков и выпускали в воздух без всякого прикрытия. Хотя это было очень рискованно, но другого выхода не нашли – сопровождающих самолётов, быстрых истребителей просто не было.

Тяжелые машины зависали над вражескими колоннами, которые устремились вглубь страны через приграничный посёлок Лептуны.

Наши самолёты сбрасывали бомбы на врагов, вели огонь из пулемётов. Советские лётчики видели, как внизу вспыхивала и загоралась бронированная техника, в панике и ужасе разбегалась пехота, экипажи танков и артиллерийские расчеты.

Враг, сделавший ставку на внезапность, пришёл в бешенство от советского удара.

Экипаж Гастелло, командира 4-й эскадрильи, сделал несколько вылетов в первые два дня войны. Летчики уничтожали фашистов, их технику, и неизменно приземлялись на аэродроме Боровском невредимыми, будто они были заговорёнными. Но всё же общие потери наших тяжело-

весов быстро росли. Что делать? И вот придумали! На них срочно ставили дополнительный крупнокалиберный пулемёт. Поэтому на третий день войны самолёты Николая и ещё некоторых экипажей находились на земле.

Монтаж второго пулемёта уже закончили, когда в небе загудел «Юнкерс-88». Снизившись над домами городка летчиков, он осыпал крыши пулемётными очередями. Улетев в сторону леса и там развернувшись, бомбардировщик прицельно пошёл в атаку на притихшие на земле «ДБ-3ф».

От налётчика те, кто был на аэродроме, бежали кто куда – под самолёты, в укрытия, в канавы. Николай, оценив ситуацию, открыл дверцу самолёта и вскочил в кабину стрелка-радиста. Там уже стояла новая, ещё ни разу не опробованная, турельная пулемётная установка с заряженной лентой.

Немец опять пикировал, и уже шёл прицельно на самолёт Гастелло.

Николай уловил противный свист, скрежет – пули с фашистского «Юнкерса» впивались в крылья и правую плоскость.

«Наглец, скотина!» – выругался капитан.

Схватился за пулемёт, но было поздно. Фашист уже набирал высоту. Вскоре он развернулся там же над лесом, где и первый раз, и пошёл на второй заход.

Капитан увидел, как с борта «Юнкерса» неслись красные жгуты – это были пули.

Это неслась смерть!

Гастелло нажал на спуск и выдал длинную очередь по летящему врагу. Самолёт потерял равновесие, качнул крыльями, а ближе к лесу зачадил из хвоста чёрным дымом – самолёт падал, приближаясь к земле.

Неожиданно в стороне от аэродрома раздался оглушительный взрыв – «Юнкерс-88» грохнулся о землю, взорвался не израсходованный боезапас.

Красноармейцы, вскочив на аэродромную полуторку,

покатили искать экипаж сбитого стервятника, и довольно быстро нашли.

Командиром оказался ас-подполковник, на груди у него болтались три «Железных креста». Важная птица – куда с добром! От страха подполковник тряс головой, ещё не веря, что его сбила русская пуля на третий день войны. То и дело озирался на майора, лейтенанта и фельдфебеля, будто они были причиной падения…

Весь экипаж попал в плен.

Фашиста-подполковника привели на допрос.

Наглость и самоуверенность ещё не выветрились из него, он высокомерно заявил переводчику:

– Я бомбил Англию, Францию! Я летал над Голландией, Бельгией, Норвегией, – переводил наш офицер слова германского аса. – И везде, где только появлялся немецкий самолёт, все разбегались в разные стороны. Нас всюду боятся! А ваши летчики даже с земли ведут по нам огонь. Непонятная страна, непонятная война!

– Мало сбивать, вас вообще нужно убивать! – вставил реплику один из наших офицеров.

Переводчик передал её смысл командиру экипажа, лицо у него сделалось багровым, и он опять затряс головой, находясь во взвинченном нервическом состоянии.

– Покажите, кто меня сбил? – попросил фашист.

– Много чести, – бросил командир полка. – Смотрин для фашиста не будет. Здесь не цирк!

Действительно, для фашистского офицера, да и миллионов других фашистов Советский Союз предстал с первых дней их нападения «непонятной страной». Они думали, что будет, как в Европе, от радости начнут кидать шляпы и кричать «ура» Гитлеру – так, по крайней мере, представлялся им поход на Восток.

Теперь сбитый экипаж увидел то, что было на самом деле.

Капитан Гастелло тоже был в комнате, где допрашивали фашиста, жадно поедал его глазами.

Дали бы волю, Николай в порошок стёр бы подполковника только за то, что он изрешетил одну плоскость его машины.

Но кто ж её даст?

Уже в конце допроса, к удивлению тех, кто присутствовал, фашист, нервно подёргивая головой, предложил нашим офицерам ... «сложить оружие и сдаться в плен».

Кто-то из наших лётчиков в ответ на «ультиматум» фашиста громко захохотал.

Засмеялись и другие офицеры.

Да, предложение немецкого аса-подполковника развеселило «небесную пехоту».

Утром пленный экипаж отправили в Москву.

Шёл пятый день вероломной необъявленной войны.

Ещё с вечера Николай, чтобы не забыть об этом в утренней суете, сказал Анне:

– Завтра семьи нашей эскадрильи пойдут на эвакуацию, и ты собирайся с Виктором. Да не плачь, ты, милая Аннушка, прошу тебя, не плач! Рыдать должны они, а не мы. Мы будем бить их, псов. Они ещё пожалеют, что пришли! Будут удирать, только пятки засверкают...

Анна прижалась головой к плечу мужа.

Рано утром Николай ушёл на аэродром.

Его экипаж стоял перед самолетом, ребята бравые, как на подбор.

Штурман – лейтенант Анатолий Бурденюк, стрелок-радист – старший сержант Алексей Калинин, и только что включенный в экипаж – люковый стрелок, лейтенант Григорий Скоробогатый, он впервые вылетал с командиром эскадрильи.

Рядом застыли экипажи капитана Александра Маслова и старшего лейтенанта Фёдора Воробьева.

Три экипажа получили задание командира полка – остановить продвижение колонн фашистов к столице Белоруссии городу Минску.

Самолёты один за другим поднялись в воздух, взяли курс к заданной цели.

Вскоре они уже летели над изгибом шоссе Молодечно-Радошковичи, в сорока километрах от Минска.

Бомбы падали на танки, бочки с горючим, на экипажи, ошалевшие от внезапности. По немцам с бортов самолетов строчили из пулемётов. Вспыхивали взрывы, кричали раненые. Черный дым поплыл над колонной. Лётчики, отбомбившись, разворачивались в небе и вновь шли в атаку.

Самоходные скорострельные зенитки фашистов, приданные танковым частям, молотили снарядами небо, пытались ухватить в прицел русских «бестий».

Самолёт Гастелло в третий раз пикировал, в третий раз точно в цель сбросил бомбы.

И уже «ДБ- 3ф» делал разворот, когда Николай увидел сквозь стекло, как машина капитана Александра Маслова, его давнего друга, вспыхнула, пошла вниз, быстро приближаясь к фашистской колонне на шоссе.

«Саша, Саша!» – прокричал по рации Гастелло, пытаясь связаться с другом.

В наушниках слышались шум, треск. Александра молчал. Гастелло уже не мог видеть, куда падал самолёт Маслова – на вражескую колонну или в сторону, где были поле и лес…

И тут же Николай услышал по рации голос своего штурмана:

«Командир, попадание в хвост, – докладывал Анатолий Бурденюк. – Горим! Мы горим!».

Николай лихорадочно соображал, что делать. Посадить подбитую машину на землю – означало верный плен; выброситься экипажу с парашютами – означало то же самое.

Выхода не было!

И тут же по рации до Гастелло донесся голос командира экипажа – старшего лейтенанта Федора Воробьёва:

«Товарищ командир эскадрильи, иду на помощь!».

Чем мог Воробьёв помочь горящему самолёту?

«Отставить помощь, – скомандовал капитан Гастелло

Воробьёву. – Приказываю, вашему экипажу, старший лейтенант, возвращаться на базу».

«Слушаюсь», – ответил Воробьев и приказал штурману Анатолию Рыбасу разворачиваться на домашний аэродром.

Прежде, чем повернуть в направлении на Боровское, Фёдор Воробьев и Анатолий Рыбас узрели страшную картину.

Горящий «ДБ-3ф», будто брошенный кем-то огромный факел, вонзился в скопление фашистской бронетехники, сжигая её испепеляющим огнём.

Несколько фашистских солдат и офицеров сошли с ума.

Позже Воробьёв и Рыбас составили рапорт командиру авиационного полка, изложили подробности последних земных минут Николая Гастелло.

… Сам же командир эскадрильи, переходя в иное состояние, ощутил необыкновенную лёгкость. Ангел, одетый во всё белое, мягко взял его за руку и повёл вверх. Но прежде, чем туда идти за ним, Николай увидел Анну, она улыбалась и протягивала руки, как ребёнок. И такая любовь, такое тепло исходило от неё, что Николай почувствовал её любовь, её тепло, но не мог их выразить.

Любящие души ощущают друг друга, независимо от расстояния и времени.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Прости нас, Ангел небесный!

В наши дни, Господи, до какого края люди дожили!

Разжиревший оратор в Москве кричал в микрофон на всю Россию, что Николай Гастелло… «был террористом».

С упоением смаковал оратор свою «утку» и требовал «общественного осуждения» капитана Гастелло: мол, надо его задним числом «припечатать».

Обязательно «припечатать», ведь в «демократической России» идёт борьба с терроризмом. А Гастелло и был самым «настоящим террористом».

Господи, да как же у него язык поворачивался говорить такое?

Но поворачивался, но говорил; говорил с упоением, даже взахлёб!

Думаю, сей оратор, которому Москва предоставила эфир, – единой крови с Геббельсом.

11

Главная цель операции «Тайфун» на утро 2 октября 1941 года состояла в ликвидации взаимодействия соединений Красной армии – приказано было вывести из строя все виды связи, которыми они располагали, а затем сильными ударами прорвать нашу оборону.

Фашисты начали со штаба Западного фронта.

Ещё до их наступления, на рассвете, генерал Иван Степанович Конев и большая часть штабных офицеров покинули усадьбу князя Волконского в Касне и продвигались к деревне Столбы, месту новой дислокации. Но и старый штаб продолжал действовать, люди остались для связи с воинскими частями.

Утром Иван Степанович принимал донесения о завязавшихся боях на передовых позициях, находясь уже в Столбах. А в эти часы небо над селом Касня потемнело от фашистских бомбардировщиков. Двадцать «Юнкерсов-88», издавая противный вой при пикировании, хищнически обрушились на барские постройки. Бомбы рвались на аллеях, выворачивая с корнями вековые липы, превращали в крошево кирпичные стены особняка, осколками они разлетались по округе.

От бомбёжки пострадали семьдесят с лишних наших

бойцов и офицеров, некоторые были ранены, а большинство – убиты.

Прежний штаб Западного фронта был уничтожен налётом фашистских стервятников.

Гитлеровцы наносили удары одновременно по штабам разных уровней, командным высотам, пунктам управления Западного, Брянского и Резервного фронтов. Если представить три фронта «живым организмом», то их штабы являли собой «нервные узлы», которые задавали, определяли деятельность всех родов войск.

Они были стёрты с лица земли.

Всё произошло стремительно, командование фронтами не успело принять какие-либо меры.

Прицельный разгром штабов Красной армии произошёл, благодаря разведке фашистов, предварительно засекшей их расположение. Не обошлось и без предательства некоторых советских офицеров из этих самых штабов, завербованных «Абвером», службой военной разведки 3-го Рейха.

Но не везде фашистам удался полный погром. Всё же в некоторых дивизиях Красной армии нашлись смышленые офицеры, они создали запасные командные пункты, и использовали их, когда войска отходили под напором врага.

Но таких, смышлённых, было, увы, немного.

Проводная связь, соединявшая подразделения внутри армий, а также армии с фронтами, а фронты со Ставкой Верховного Главнокомандующего, фактически бездействовала. В штабах на всякий случай имели переносные рации и радиостанции. Конечно, они были не столь надёжные, как проводной телефон, но под руками хоть какая-то связь. К сожалению, новыми аппаратами ещё не умели хорошо пользоваться, к тому же опасались радиоперехвата фашистов.

Управление войсками резко ухудшилось, роль «телефонов» выполняли посыльные офицеры, терялось драгоценное время.

Всё же генералу Ивану Степановичу Коневу удалось по аппарату «БОДО» передать в Москву докладную, где он скромно написал, что «через позиции Западного фронта просочились «мелкие группы противника», чем и ввёл в заблуждение Ставку. Возможно, такая информация командующего фронтом дала повод Сталину, спустя три дня, сказать, что он «*не может добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел*», не может «*принять никаких решений*».

А принимать их следовало немедленно!

Всякий час и любая минута промедления оборачивались убитыми и ранеными на фронтах, усугубляли ситуацию для всей страны. Спасение могло быть в отводе армий в глубину нашей обороны. Но такой операции – «отвод войск» не существовало в военной «доктрине» Красной армии. Эта «доктрина», порожденная сиюминутными обстоятельствами, когда наши войска, отступая, сдавали врагу города и села, была и для солдат, и для генералов одной только единственной: «Ни шагу назад!».

Но как же «ни шагу назад!», если отступали почти по всем направлениям!?

Даже сам генерал, командующий армией или фронтом, не мог, а точнее – не имел права отдать приказ, спасающий тысячи бойцов. И одной из причин было то, что у высокого по званию командира возникало опасение, будто его благоразумное распоряжение в реальности обернется трусливым бегством частей, даже дезертирством.

А, может, всё-таки имел право?

Вряд ли!

Офицеры были свидетелями множества случаев, которые подтверждали, что такого права у них, командиров разных уровней, нет.

Самый последний произошёл в начале операции «Тайфун». Командира гарнизона Смоленска полковника Малышева, приказавшего взорвать мост через реку Днепр, когда на него уже въезжали танки фашистов, тут же схва-

тили «особисты» и готовы были предать «военному суду». Умного, находчивого полковника обвинили в том, что он уничтожил мост… «без согласования с начальством».

Позже, слава Богу, разобрались в ситуации, всё обошлось, офицер избежал трибунала.

Десятки других объектов достались врагу без всякого боя, и враг, как на параде, грохотал по ним танками, занимая участок за участком.

12

Бойцы 19-й армии, ею теперь командовал генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, в числе первых встретили начальную волну «Тайфуна». Накануне армию усилили стрелковыми, танковыми, кавалерийскими дивизиями, тремя артиллерийскими дивизионами и двумя батареями «Катюш».

Было чем угостить фашистов, которые боялись реактивной артиллерии больше, чем огня.

А у наших солдат один вид «Катюш» сразу поднимал настроение.

***

В траншее готовились к отражению атаки немцев.

– Ну, что, Сашок? Поотдыхали вчерась от души, давай браться за дело, – повернулся сержант Прохоров к рядовому Миронову.

– Возьмёмся, Силантич, возьмёмся, нам не привыкать, – откликнулся боец. – Холодновато только, руки стынут. Дай, Иван, тёплые рукавицы.

– Подожди, согреешься, жарко будет, – сказал Прохоров.

И протянул ему утеплённые рукавицы.

Сам Иван ладил установку крупнокалиберного пулемёта, проверял обзор, устойчивость.

– Слышь, Сашок, у соседей, кажись, закрутилось дело, – бросил сержант. – Гул оттуда, взрывы…

Миронов прислушался.

– Похоже, ты прав, началось, – подтвердил рядовой.

С позиций соседнего батальона, которые находились вдалеке, доносились стрельба, разрывы мин и снарядов.

Фашисты действовали приёмами, доведёнными до совершенства на Восточном фронте. На каком-нибудь участке они обозначали наступление, показывали активность, а на самом деле вели игру, чтобы ввести в заблуждение советских командиров. Когда «приманка» срабатывала, немцы даже притворно отступали, затягивая красноармейцев в «ловушку». И пока шла «эта игра», фашисты наносили мощный удар в совершенно другом месте, где подразделения красноармейцев не ждали атаки.

Точно так получилось и в то холодное утро.

Устроив репетицию на позициях соседнего батальона, немецкие танки, поддерживаемые артиллерией, а с воздуха – «Юнкерсами-88», группами потекли на рубежи 50-й стрелковой дивизии, а вслед за ними рядами валила пехота.

Кое-где она даже опережала танки, быстро приближалась к нашим траншеям.

– Подноси, Сашок, запас, чтоб не отвлекаться, – приказал Прохоров. – Начнём!

Миронов побежал по траншее к месту, где хранили боезапас, и принёс дополнительно ящики с патронами.

Прохоров, прицеливая пулемёт, выждал какое-то время, а вскоре он услышал команду ротного, старшего лейтенанта Сергея Смирнова:

– Огонь!

Иван в последний раз навёл прицел, и очереди горячего свинца одна за другой полетели в сторону цепей наступающих, ряды пошатнулись, фашисты падали.

Тут же сзади траншеи, откуда строчил пулемёт, грохнул снаряд, вздымая землю – выстрелила пушка одного из немецких танков.

Прохоров отряхнул с лица земляную пыль, которой его обдало после взрыва, и посмотрел вперёд.

Два фашистских танка прямиком катили на них. Не было сомнения, что намеревались раздавить гусеницами пулёметное гнездо.

Неподалеку от траншеи, на опушку леса, подъехали странные машины. Вместо кузова у них были какие-то железные полосы. Старший лейтенант, молодой высокий парень, выскочил из кабины, быстро отдавал команды. «Полосы» на машинах подняли вверх, к ним подносили и вставляли снаряды.

Неожиданно из леса на кобыле выехал полковник, очевидно, командир кавалерийского подразделения.

– Чего это вы тут этажерок наставили? – грубо спросил он сержанта.

– Обратитесь, товарищ полковник, к старшему лейтенанту, – посоветовал тот.

Тут же, как из-под земли, появился и старший лейтенант.

– Вы бы приняли в сторону, товарищ полковник, – попросил он, – здесь нельзя.

По инструкции доступ к «секретному» оружию был разрешён только командующим армиями или фронтами.

– Как в сторону? – опять грубо оборвал полковник. – Ты ещё будешь учить, где мне стоять, молокосос?!

Младший офицер не успел ответить.

Он побежал к машинам, наступило время – «Ч».

Залп «Катюш» потряс воздух, кобыла с седоком шарахнулась в лесную просеку.

Реактивные снаряды испепеляющим вихрем вонзались в танки, артиллерию, пехоту немцев.

Атака захлебнулась, фашисты отступили. Командир полка, уже учёный собственным опытом, не отдал приказ

наступать, чтобы роты не попали в «ловушку». Два танка, которые шли на пулемётный расчёт, а Прохоров и Миронов приготовились встретить их связками гранат, развернулись после залпов «Катюш» и дали задний ход.

Но и наши «Катюши» не остались без внимания врагов. В небе загудели фашистские истребители, надеясь уничтожить новое оружие русских. Да не тут-то было. Батарея реактивной артиллерии, быстро собрав хозяйство, уже катила по извилистой лесной дороге, её трудно было различить с воздуха.

– Слава Богу, Сашок, мы живы! – прохрипел Прохоров.

Он обнял Миронова, чего прежде не делал.

– Я думал грешным делом, танки прикончат нас, – продолжал сержант. – Вот вам, выкусите!

Сержант сделал фигу и потряс ею в сторону немцев.

– Давай, Сашок, закурим, – предложил Иван.

– Давай, – согласился тот.

Александр достал табак.

– Слушай, Иван, а почему ты вспомнил про Бога? – испуганно поглядел на сержанта Миронов.

– Про кого же ещё сказать! – удивился Прохоров. – Мне бабка, когда я был мал, внушала: «Всё, Ванятка, в воле Божьей! Жизнь – в воле Божьей, смерть – в воле Божьей. Помни всегда!». Так она говорила. Потому я и вспомнил про Бога.

– А-а, вон что, – понимающе протянул Миронов. – А я думал, что ты.

Александр не договорил. Над их головами, шипя, со свистом , пролетела мина, упала рядом с траншеей, пулемётчиков обдало землей; потом – вторая мина, третья…

– Ложись, – скомандовал Прохоров.

Миронов распластался на дне траншеи.

Тяжелые снаряды резали воздух, раздавались оглушительные взрывы в пределах позиций батальона. Немцы вели артиллерийскую подготовку.

Командир роты старший лейтенант Сергей Смирнов,

добежав до пулемётного гнезда, приказал Прохорову: «Ни шагу назад!».

Понятно! Отступать было нельзя.

Немцы опять пошли в атаку, но, казалось, ещё большим числом, чем в первую.

Иван строчил из пулемёта по приближающимся цепям фашистов, Сашок подносил и менял ленты.

– Ой –о–ой! – громко прокричал сержант и опрокинулся на спину.

Из правой груди Прохорова, пробитой осколком мины, хлестала кровь.

Миронов стащил сержанта с бруствера, встал на колени и заплакал.

Плач длился два-три мгновения.

Рядовой быстро достал из подсумка широкий бинт, вату, перевязал рану сержанту, кровь остановилась.

Прохоров очнулся от болевого шока. Лицо его было белее мела. Он взглянул на Александра.

– Не хочу умирать, Сашок, ой, не хочу! – тихо проговорил Иван.

Миронов услышал даже тихие слова фронтового друга.

– Ты не умрёшь, – глотая слёзы, ответил Миронов. – Потерпи, Иван, потерпи. Я щас вытащу тебя, а там отправим в медсанбат, подлечат. Давай руку.

Сержант хотел подать руку Миронову, но не смог, только пошевелил пальцами.

Александр большими усилиями кое-как вытащил из траншеи товарища. Взял его левую ладонь, пытаясь волочить.

Что-то сильно грохнуло, Александр ощутил жаркую боль, больше – ничего.

Осколок мины рассёк Миронову висок, он умер мгновенно.

Иван и Сашок лежали на земле, оба бездыханные.

Ладони их были сцеплены в дружеском пожатии.

Теперь уже навек!

13

«Тайфун» набирал обороты. Против четырех дивизий Западного фронта, удерживавших линию обороны на стыке 30-й и 19-й армий, фашистское командование двинуло 12 дивизий, в том числе – три танковые. Превосходство врага в живой силе и технике было явное.

Одновременно командование операцией бросило 4-я танковую группу для нанесения прицельного удара в «стык» 43-й и 50-й армий, этот «стык» представлял собой около шестидесяти километров фронта.

Фашисты выбирали именно «слабые звенья» в позициях Красной армии, где и пытались получить успех.

4 октября генерал Конев доложил в Ставку о мерах, принимаемых для противодействия наступлению фашистов; он, в частности, сообщил, что «существует угроза выхода крупной группировки немцев в тыл нашим войскам».

Третьи сутки командующий практически не смыкал глаз.

Он не терял надежды изменить ход боёв, развернувшихся в районе Вязьмы, в нашу пользу. Приказал первому заместителю командующего Западным фронтом генералу Ивану Болдину быстро сформировать оперативную группу, куда вошли стрелковая и мотострелковая дивизии и две танковые бригады.

В окрестностях райцентра Холм-Жирковский соединения генерала Болдина атаковали фашистов, завязалось тяжёлое танковое сражение.

Двое суток - 4-5 октября – вздымалась и горела земля в окрестностях Холм-Жирковского, обильно лилась солдатская кровь. Лощины, перелески, поля и луга были усеяны трупами немцев и русских, повсюду виднелись разбитые повозки, обгорелые машины и танки, на пепелищах бродили брошенные лошади.

Опергруппа должна была соединиться с резервными войсками генерала К. К. Рокоссовского. Осуществить

замысел не удалось, силы были неравные – фашисты не дали опергруппе развить наступление.

Поэтому соединения под командованием генерала Ивана Болдина отступили.

В ночь с 5 на 6 октября было, наконец-то, получено разрешение Ставки на отступление и начался отвод наших войск от фронта на линию Осташков – Селижарово – Оленино – Булашево, далее по восточному берегу Днепра до Дорогобуша.

Манёвр, к сожалению, запоздал. Всё же и он имел положительное значение, позволял сохранить жизни тысячам солдат и офицеров.

Ещё накануне немецкие войска получили приказ № 1870/41 с грифом «совершенно секретно» за подписью командующего группой армий «Центр» генерала фон Бока. Документ детально предписывал действия по окружению частей Красной армии западнее Вязьмы.

Утром 7 октября фашисты замкнули кольцо, куда попали 16 дивизий Западного фронта из четырёх армий.

По поручению Ставки И.С. Конев отдал войскам приказ сражаться в окружении и вырваться из блокады, возложил это на генералов Федора Лукина и Ивана Болдина. Части, отрезанные от фронта, сковали значительные силы немцев – 13 дивизий. И это был зримый положительный результат «вяземского котла», поскольку упомянутые вражеские войска были выбиты из прямого наступления на Москву.

... 9 октября 1941 года министр пропаганды Геббельс заявил на всю Германию, что «исход войны решён, и с Россией покончено».

Вслед за его речью по радио в Берлине передали заявление Гитлера, где он утверждал, что «враг сокрушён и никогда не поднимется».

На следующий день газеты в Берлине вышли с кричащими заголовками: «Прорыв центра Восточного фронта!», «Результат марша на Восток решён!», «По-

следние боеспособные советские дивизии принесены в жертву!».

В срочном порядке в Германии изготовили медаль над названием «Виктория».

Верхушке 3-го рейха казалось, что она, как никогда, близка к заветной цели – низвержению русского народа, физическому уничтожению Русской Цивилизации, превращению русских людей в примитивных рабов «полуевропейского типа».

«Мировое сообщество» ликовало по поводу фашистов под Вязьмой. Но, как известно, и прежде, да и теперь, оно строило и продолжает строить ликование на чужой крови и собственной лжи.

В «котле» под Вязьмой открывалась мощь русского характера. Никто не сдавался добровольно в плен. Красноармеец Крутов перед гибелью писал потомкам на листе из школьной тетради: «Не забывайте нас, кто будет жить! Мы боролись, мы любили Родину, как мать. Мы были такими, какими были, дрались с фашистами, как умели, мы были такими, других не было. Мы – непобедимы!».

Наши армии, ведя жестокие бои, 11 октября у села Богородицкое разомкнули «кольцо» шириной около 30 километров. В свободный коридор устремились уцелевшие соединения Красной армии, но не все успели выйти. Немцы, спешно собрав силы, восстановили блокаду, начали сжимать её. В плен попало более шестисот тысяч наших солдат и офицеров. Теперь они в полной мере ощутили, что такое фашизм.

Под Вязьмой был организован концлагерь, где военнопленным не давали пищи и воды, каждые сутки умирало по 300 человек.

14

Генерал Конев услышал шум в коридоре, поднял голову от карты и увидел входящих членов комиссии Государственного Комитета Обороны. Они самостоятельно добрались в деревню Красновидово Можайского района Московской области, куда на днях переместился штаб Западного фронта.

Конев узнал среди гостей Молотова, Мехлиса, Ворошилова.

«Значит, – мелькнула в голове у генерала, – Ставка поставила на мне «точку».

Встретившись взглядом со Львом Мехлисом, Конев почувствовал, как по спине пробежал озноб, будто облили ледяной водой. Человек, глядевший на Ивана Степановича пристально и недружелюбно, отправил два месяца назад под расстрел предшественника Конева – генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова, командующего Западным особым военным округом. Он занимал должность ровно год, был известным военным и Героем Советского Союза

Его обвинили в том, что допустил в июне 1941 года отступление наших войск от западных границ до Минска.

Павлова отстранили от командования фронтом, а 4 июля арестовали. На вопрос генерала, в чём его подозревают, армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис с нескрываемой ненавистью бросил:

«В предательстве!».

При самом деятельном участии Мехлиса генералу Павлова выставили грозные обвинения – «был участником заговора ещё в 1935 году», «имел намерение в будущей войне изменить Родине», «открыл фронт противнику».

Даже Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, когда получил проект приговора, возмутился: «Пусть выбросят всякую чепуху вроде «заговорщической деятельности».

С самого начала Дмитрий Григорьевич отвергал лукавые формулировки в свой адрес, называл их «тяжёлыми, неправедными». Он не только командовал Западным фронтом, но и был удостоен звания Героя Советского Союза, а также являлся заместителем Председателя Совнаркома СССР.

«Я боевой генерал, – возразил Павлов Мехлису, когда услышал обвинения. – Поэтому я требую, чтобы суд надо мной был в присутствии начальника Генерального штаба Красной армии…».

Мехлис пропустил просьбу Павлова мимо ушей.

Он жаждал получить признательные показания. Генерала допрашивали батальонный комиссар Павловский и чекист, младший лейтенант Комаров.

Ещё до начала войны генерал Павлов посылал донесения Сталину, Молотову и Тимошенко, где утверждал, что немцы готовятся к нападению на СССР, стягивают войска к границам, ведут разведку, осуществляют диверсии. Генерала полуофициально прозвали паникёром.

«Смотри, Павлов, – предупредили из Москвы, – только из твоего округа поступает информация о сосредоточении немецких войск на границе, это неверная, паническая информация!».

В ночь на 22 июня, помимо внезапности вторжения, фашисты применили приёмы, которые позднее были включены в стратегию операции «Тайфун». Бомбами с воздуха, а также использую парашютистов-диверсантов, немцы вывели из строя и телефонную, и радиосвязь штаба Западного особого военного округа с армиями, уничтожили ведущие командные пункты, после чего осуществлять взаимодействие частей Красной армии стало невозможно.

В ту же роковую ночь в городе Бресте кто-то нарушил вообще всякую связь, не работали служебные и домашние телефоны, войсковая связь.

Очевидно, сработала немецкая штурмовая группа.

В 10-ю армию к генералу Константину Голубёву, ко-

торая отражала тяжелый удар фашистов, командующий фронтом Павлов послал для усиления руководства частями своего заместителя генерала Ивана Болдина.

По всей линии фронта, а она менялась с каждым часом, 22 июня шли ожесточённые бои. Село Жабинка семь раз на дню переходило из рук в руки. Наша танковая дивизия под Гродно громила танковые и пехотные колонны немцев. Но их тактика – врезаться в позиции Красной армии острым «клином», как поступали в древности крестоносцы, была непривычной для советских командиров, и часто брала верх.

... Суд над Коневым, который можно было назвать предварительным, начался.

– Объясните, как получилось, что четыре армии вашего фронта попали в окружение? – спросил председатель комиссии ГКО В.М. Молотов.

Генерал, сохраняя выдержку, давал пояснения, перечислял запросы в Ставку, признавал и просчеты штаба фронта.

– Говорите конкретно! – прервал Конева армейский комиссар Лев Мехлис. – Ваши доводы нам известны, незачем их повторять.

Иван Степанович едва сдержался, чтобы не бросить резкую реплику.

Лев Захарович Мехлис был доктором экономических наук.

Правда, закончил он всего шесть классов еврейского коммерческого училища. Родился Мехлес в Одессе в еврейской семье в 1889 году. По выходу из училища был конторщиком, домашним учителем, состоял в сионистской партии «Поалей Цион».

После революции примкнул к большевикам.

Чуть позже Мехлис познакомился со Сталиным, а в 30-е годы де-факто исполнял обязанности личного секретаря Иосифа Виссарионовича. В тот же период Мехлис окончил Институт красной профессуры.

Влияние Мехлиса в «верхнем эшелоне» управления СССР было огромным. Он заведовал отделом печати ЦК и одновременно был главным редактором центрального органа – газеты «Правда». Три года (1937-1940) Лев Захарович занимал должности заместителя Наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной армии.

В июне 1941 года его вновь назначили на высокие посты, присвоили звание армейского комиссара 1-го ранга, что было равнозначно званию генерала армии.

«Будет казнь!», – мысль обожгла генерала.

Но, сломив слабость, Конев начал выкладывать последние аргументы. Непродуманно, считал он, по приказу Ставки отвели 49-ю армию Резервного фронта на другой фронт за сутки до операции «Тайфун». И, наконец, Иван Степанович вспомнил товарища Сталина, его критику Красной армии, которую слышал собственными ушами, когда присутствовал на совещании в Кремле.

– Хватит! – оборвал Мехлис генерала. – Мы приехали не для того, чтобы слушать ваш бред, из него толком ничего поймёшь.

Генерал замолчал, но, спустя минуту, бросил всё же реплику в адрес армейского комиссара:

– Попросил бы Вас выбирать выражения!

Комиссия удалилась на совещание.

Пока комиссия ехала на фронт, Сталин вызвал из Ленинграда К.Г. Жукова, отправил его на Резервный фронт командующим вместо Семёна Будёного. Уже в пути он переназначил Жукова командующим Западным фронтом. Между Сталиным и Жуковым мог произойти разговор, и, не исключено, что генерал высказал мнение: «Такими кадрами, как Конев, всё же не следовало бы разбрасываться…».

Да и у солдат и офицеров была свежа память о Павлове. Повторение его участи следующим командующим фронтом могло принести армии только вред, сработать «на мельницу» фашистов.

Комиссия вернулась в комнату командующего.

– Оценив обстановку на Западном фронте за десять дней, – докладывал Молотов, – комиссия Государственного Комитета Обороны пришла к следующему выводу…

Он не успел закончить фразу.

Распахнулась дверь, в комнату тяжелой походкой вошёл генерал армии Константин Георгиевич Жуков. Он снял фуражку, скинул утеплённый плащ, поздоровался с членами комиссии ГКО.

Взглянув на Молотова, Жуков сказал:

– Товарищи, приказом Ставки я назначен командующим Западным фронтом. Ситуация, вы знаете, тяжелая. Моим заместителем будет генерал Конев, он знает обстановку…

Лев Мехлис поднял руку.

– Вопрос о назначении Конева моим заместителем согласован с Верховным Главнокомандующим, – упредил его Жуков.

Мехлис опустил руку.

Чтобы совсем развеять сомнения, Константин Георгиевич продолжал:

– Товарищ Конев поедет в Торжок. Там крайне обострилась обстановка. Фашисты рвутся к Торжку, им надо выйти в тылы Волховского и Северо-Западного фронтов, расчленить их, попытаться окружить Москву с севера…

Генерал помолчал.

– Для Ивана Степановича, – добавил Жуков, – есть возможность исправиться. Отправляйтесь в Торжок прямо теперь!

– Слушаюсь, товарищ командующий, – отчеканил повеселевший Конев.

Выходя из штаба, он вспомнил ночной эпизод в Касне, разговор с часовым из Торжка. И удивился про себя: «Как судьба повернула!».

ГЛАВА 2

В ОГНЕ ВОЙНЫ

1

Штабной вездеход катил по безлюдному просёлку Валдайской возвышенности. Кое-где на обочинах лежали огромные валуны, будто древнее предание. Люди забывали прочитать его по извечной привычке спешить.

О чём поведал бы замшелый гранит, если бы открыл тайну? Думаю, много о чём. Наверняка и о тех, кто с далёкого Запада шёл захватывать русские земли. И о тех, кто обращал пришельцев в позорное бегство – о доблестных защитниках. Бежали иноземцы, оставляя в русских просторах безумную славу, вожделенные мечты о господстве над миром, свои плоть и кости…

Их потомки, если таковые оставались, тоже забывали об участи отцов и устремлялись на Восток «подминать» русских. Больно уж сладок был «запретный плод» – поработить исконную Россию. И они, как когда-то их родичи, разбивали чугунные лбы о таинственный русский характер.

Так было из века в век…

Если бы невиданных размеров валуны обрёли голос!

***

– Не заблудимся? – генерал повернулся к водителю.

– Не беспокойтесь, товарищ генерал, – улыбнулся Николай Чуранов. – Я разведал, не собьёмся с пути…

День клонился к вечеру. Из тёмных облаков, что плы-

ли низко над землёй, падал крупный снег. Иногда там, где придорожный лес перемежали прогалины и поляны, тянул ветерок, подхватывал снежинки, крутил слабую позёмку. Тонкой белой змейкой она пересекала подмёрзший просёлок.

В небытиё отлетели, будто одно мгновение, погожие дни. Они явили столько страшных, тяжелых, умопомрачительных событий, что людское сознание не вмещало - ужас, страх, кровь, потери.

За три с небольшим месяца в Советском Союзе потускнел, рухнул и рассыпался миропорядок, где взрослым и детям жилось хорошо, уютно, радостно. Хотя жилось, конечно, в хлопотах и заботах, трудностях, в борьбе одной части общества с другой, желавшей искоренения русских основ.

Враг, ненасытный в алчности и злобе, завладел нашим небом, нашей землею, нашим очагом, нашими помыслами. Ему, циничному и наглому, всё было мало отнятого и награбленного! Он тянул перепачканные кровью лапы, желая взять у всякого – от младенца до старика – самое драгоценное, что они имели, – жизнь.

Кто же дал им право?

Никто не давал им этого права!

Их следовало остановить любой ценой, жертвуя даже собой.

А, может, именно жертвуя собой!

Защиты Отечества без самопожертвования не бывает.

Другого выбора нет. Генерал Иван Конев прекрасно это понимал. Чудным образом, Божьим Промыслом незнакомый древний Торжок стал не просто географической точкой на карте страны, а его, Конева, личной судьбой.

Если он с помощью вверенных войск отстоит город, не отдаст на поругание фашистам, то обезопасит тылы Северо-Западного фронта, что существенно.

Спасение Торжка для генерала означало и спасение себя как воина, полководца, наконец, как личности. Он

особо не задумывался об обстоятельствах, всё воспринимал как должное. Но в потаённой глубине души ощущал чьё-то водительство.

Торжок нельзя отдать фашистам.

Они же сюда рвались.

Командование группы армий «Центр», получив указание из Берлина, назначило дату захвата Торжка – 25 октября 1941 года.

Местоположение города открывало врагам стратегические преимущества в боевых операциях. Фашисты придавали не меньшее значение его оккупации, чем Смоленску и Вязьме.

***

Николай Чуранов, остроносый, быстроглазый, ловкий, скорый на всякую шутку-прибаутку, служил водителем. Генерал взял его из вологодского набора. Ивану Степановичу парень напоминал о Вологде, об уездном Никольске, о родном селе…

У того с языка слетала частушка:

Вологодские ребята
Захотели молока
И залезли под корову,
Оказалось - под быка!

– Под быка! – дивился генерал. – Не может быть! Вологодские всё же умеют отличить корову от быка…

– Это ж частушка, Иван Степанович, – вставлял шофёр. – В ней иногда должно быть всё наоборот…

– Наоборот – так наоборот, – неохотно согласился Конев.

Теперь, видя усталость генерала, шофёр угрюмо молчал. Вдруг он увидел на обочинах белые пятна.

– Товарищ генерал, какие-то бумаги валяются?

Иван Степанович очнулся от дремоты:

– Остановись.

Шофер затормозил. Вышел из кабины, поднял несколько листков и сплюнул:

– Тьфу, мать их за ногу, листовки фашистские.

И подал генералу.

Иван Степанович пробежал текст.

«От Торжка до Волочка не оставлю ни клочка!» – крупным шрифтом было набрано на листке, а внизу красовался призыв: «Солдаты и офицеры Красной армии! Переходите на сторону Германии». И две подписи: «Гитлер, Гудериан».

– На пару агитируют! – съязвил Конев. – Проклятые черти! Придёт час, от них самих не останется ни клочка…

– А такое будет, товарищ генерал? – вырвалось у Чуранова.

– Сомневаешься? – повысил голос Конев.

– Никак нет, товарищ генерал – поспешил водитель. – Я верю в победу!

– Так-то надёжней! – сказал Конев и выбросил листовку.

– Если не верить в победу, так и воевать незачем, - добавил генерал. – Так и будет, что от них не останется и клочка, ещё как будет!

Пока Конев спешил к месту нового назначения, с обязательным заездом в Москву, танковые батальоны Гудериана, командующего 2-й танковой армией вермахта, от чьего имени разбрасывали листовки, продолжали наступать на Москву.

Это были самые жестокие бронированные подразделения фашистов. Находясь в крайнем раздражении от того, что «блицкриг» в России срывался, Гудериан отдавал приказы, неслыханные прежде ни в одной мировой войне.

Только некоторые выдержки из приказов Гудериана:

1. Пленных не брать, всех расстреливать.

2. Все населенные пункты сжигать.

3. У военных и мирных жителей беспощадно отбирать тёплую одежду.

4. Разрушать и уничтожать памятники культуры.

Жуткий кровавый след тянулся за подразделениями 2-й танковой армии от западных границ Советского Союза до центральных областей России.

Крайнее варварство выступало «визитной карточкой» Гейнца Гудериана, одного из любимцев Гитлера, который знал, что его поклонник действовал исключительно «по принципам фюрера». Он сам установил позже «суд чести», куда в качестве «судьи» включил Гудериана. В том суде для изгнания негодяев из армии применяли изощрённые формы убийства своих же немцев – вешали на рояльных струнах или крюком под челюсть, как скот на бойне.

Именно Гейнц Гудериан заменил привычное отдание воинской чести среди солдат и офицеров, существовавшее в Германии сотни лет, на нацистское приветствие с выбрасыванием руки: «Хайль Гитлер!».

ОТСТУПЛЕНИЕ

Даже в самом страшном сне нашим солдатам, которые погибали, но не сдавались, не могло присниться, что через десятилетия на отчей земле появится писатель, который будет в романах до небес превозносить Гудериана, называя его не иначе, как «душа и гений блицкрига».

Но ведь «блицкрига» не получилось! Сорвался блицкриг!

Почему воображение сочинителя поразил «гений блицкрига»?

Ни один из планов Гитлера на Восточном фронте не был осуществлён полностью(!) в период с июня по декабрь 1941 года.

О каком же «блицкриге» ведёт речь автор романа, посвящённого Гудериану?

Понять невозможно!

Господи, до какого края дожили люди!

Сей сочинитель, воспевая «мудрого, гуманного, высоконравственного Гудериана», повесил большой замок на собственную совесть. Он обошёл молчанием истинное лицо фашиста, чем тот прославился в походе на Восток.

Когда «культурный» Гудериан занял село Ясная Поляна – родовое имение Льва Николаевича Толстого, изгадил усадьбу так, что в его гуманизме засомневались свои же германские нацисты, не отличавшиеся особой разборчивостью.

В зданиях усадьбы Льва Толстого по приказу Гудериана устроили конюшни для лошадей из обоза. Редчайшие рукописи гениального писателя, книги, картины были уничтожены солдатами полка «Великая Германия». Когда служители музея принесли дрова, чтобы фашисты не жгли мебель Толстого и книги из его личной библиотеки, услышали:

– Дрова нам не нужны, мы сожжём всё, что связано с именем вашего Толстого…

И сожгли!

Апофеозом вандализма генерала Гудериана стало устройство на могиле известного во всём мире русского писателя, солдатского… туалета.

Может, в тот момент Гудериан тронулся умом и не понимал, что творили его подчинённые?

Нет, он всё прекрасно понимал!

Ведь он был высокообразованным и высококультурным в фашистском духе, в немецком стиле. А тут, в усадьбе, возле его начищенных сапог лежала другая культура – русская, культура, по его мнению, недочеловеков, на которую не зазорно справить нужду, как делают бездомные злые собаки…

«Просвещённый патриот», певец Гудериана заразил «своими чувствами» многих и многих.

В музее областного центра, в военном зале, я обратил внимание на портрет Гитлера.

– Зачем он здесь? – спросил сотрудницу.

– А как же! – удивилась она. – Мы же патриоты! Мы обязаны понимать историю правильно. Если у нас в экспозиции есть потрет Сталина, то должен висеть и портрет Гитлера.

Такой нынче модный «патриотизм».

Но ведь Сталин не планировал уничтожить Москву и на её месте сделать… водохранилище, а всех русских мужчин кастрировать и превратить в рабов.

А Гитлер планировал всё это, и не только планировал, но и пытался осуществить в ходе операции «Барбаросса», когда двинул на Москву огромное количество войск.

Есть ли разница между Сталиным и Гитлером; между тем, кто напал и тем, кто вынужден был обороняться?

Несомненно, для всякого здравомыслящего она, конечно, есть.

Но для историков, вроде той, что встретилась мне в музее, её нет.

Увы, к великому сожалению!

«Модный патриотизм», как ни странно, таит серьезную опасность – он пытается стереть границу между добром и злом.

С уравнивания в «правах и обязанностях» Сталина и Гитлера, как в приведённом случае в музее, у нас мало – помалу стало происходить забвение истории Великой Отечественной войны и прививание детям и юношам лояльности к фашизму.

… И вот уж какая-нибудь девчушка с жаром принимается утверждать, что «немцы были хорошие».

2

Сержант Басов взлетел на седьмое небо – командир роты отпустил на целые сутки проведать родителей!

Такое счастье выпало Николаю, что и не поверил!

После Вязьмы батальон, где воевал Басов, изрядно поредевший, отвели в тыл, расформировали, а вскоре собрали заново и направили в окрестности озера Селигер.

Басов попал в миномётный взвод одного из подразделений 133-й стрелковой дивизии, ею командовал генерал-майор Василий Иванович Швецов. Дивизия получила приказ выступить на Калинин, проходила к новым позициям сравнительно недалеко от Торжка, поэтому сержант хотел использовать момент, в другой раз такого уже не будет.

На перекладных он добрался до родного города и, выйдя из машины, пошёл пешком через центральный район.

От скорой ходьбы Николай раскраснелся, стало жарко.

Расстегнул верх шинели, зашагал ещё быстрее, не терпелось увидеть родные лица. Накануне, вспоминая знакомые с детства улицы, он представлял уединенную лавочку на Красной горке.

Тогда стоял душистый июньский вечерок. Он сидел на лавочке со своей подругой Надюшкой, в тот вечер особенно милой и близкой, ласково обнимал её, и она отвечала застенчивой тёплой улыбкой.

Ему так захотелось, чтобы тот вечерок повторился когда-нибудь, чтобы он мог забыться в поцелуе и не выпускать любимую из своих рук.

Николай был уверен, что непременно увидит её, скажет какие-то заветные единственные слова, от которых на её губах засияет неповторимая улыбка. И, конечно, не утаит о том, что на фронте часто вспоминал о ней.

От ожидания встречи у сержанта вырастали за спиной крылья, он готов был, как птица, полететь с высокого городского холма.

Спускаясь с Красной горки к набережной реки Тверцы, Василий с трудом узнавал округу, сердце сжималось от боли. Не было прежней красоты, она пропала куда-то. Торжок поблёк, будто цветок после сильного мороза. Веяло какой-то мрачностью, отчуждённостью. Даже колокольня на Ильинке, когда-то нарядная и радостная, уныло тянула шпиль в хмурое небо.

На здании церкви темнели следы от пуль и от осколков бомб.

Прохожих на улицах было мало. И Николай, пока шёл, не встретил ни одного знакомого. Вступив на чугунный мост через реку Тверцу, Басов оглянулся, взглядом скользнул туда, где размещалась городская гостиница. Ему вдруг почудилось, будто на крыше мелькнула фигура Надюшки. Он провёл ладонью по глазам, отогнал видение.

«Очумел я, что ли!» – выругал себя Николай.

С замиранием сердца Николай постучал, дверь оказалась незакрытой. Пройдя в сени, вступил в горницу, и увидел осунувшееся лицо матери с тёмными кругами под глазами.

– Батюшки-светы! – всплеснула она руками. – Николка, родной мой сынок! Откуда ты взялся?

– Здравствуй, мама, – растерянно проронил он.

Улыбнулся, как бы извиняясь:

– Вот на побывку, без предупреждения, отпустили на сутки…

Марья Васильевна подбежала, обняла сына, припала к плечу и заплакала. На шум из комнаты выскочила младшая сестрёнка Лида, повисла на руке у Николая, тоже заплакала. Опираясь на клюку, из боковой комнатушки вышла вся седая баба Поля.

– Ладно, ладно, будет вам, слёзы лить, – чуть грубовато успокаивал Николай, а сам едва сдержался, чтобы не разреветься.

– Это мы от радости всплакнули, – нежно улыбнулась Марья Васильевна.

– Давай, Николка, проходи, садись за стол, – засуетилась она. – Лидочка, помогай. Сейчас мы тебя, дорогой ты наш солдатик, накормим, поди-ка проголодался в дороге. Полина Александровна, садись с нами гостевать.

– Спасибо, мама, и я вот вам гостинцы приберёг, – Николай развязал вещмешок и стал выкладывать содержимое.

– Слава Богу, за наказание, – вздохнула Марья Васильевна, когда сели за стол.

– Какое наказание? – не понял Николай.

– Вчера я поскользнулась, подвернула ногу, вон распухла, – она показала перевязанную тряпицей ступню. – На ров утром не пошла, отпросилась. А так бы ты меня и не застал, рано ухожу, Лидочку с собой беру или отправляю вместе с бабушкой к соседям, мало ли чего.

Николай с трудом понимал, о чём говорила мать.

– А что за ров? На какой ров надо ходить? – спросил он.

– Ах, да ты ж не знаешь, – спохватилась Марья Васильевна. – Против танков, почитай уже месяц, роем всем городом ров – женщины, старики, да дети. Я и Лидочку с собой брала, а как фашисты стали летать, испугалась, думаю, нет, как бы беды не вышло. Всё вручную – и копали, и землю выносили, кто вёдрами, кто на верёвках, кто на носилках. Глубокий такой ров получился, метров пять, да и широкий – метров шести будет. Вот так, сынок! Глина, жижа – мы все сырые в конце дня. Что поделаешь? У нас бригадир, старичок, всё нас подбадривал: «Бабоньки, детки, давайте, родненькие, ройте скорей, чтобы танки этих гадов не прошли. Этим фашистам – фиг большой, а не Торжок!».

– И я хотела пойти копать, – вставила баба Поля. – Да Маша заупрямилась, не пустила, не взяла с собой…

– Ты за свою жизнь накопалась и так с лихвой, хватит, – заметила Марья Васильевна.

– Где копали ров-то? – спросил Николай.

– А вот от улицы Старицкой-то, где скотобойня стоит, так округом чуть ли не до церкви Ивана Богослова –

ров большой! Километров с пять будет, – ответила мать. – Страху-то натерпелись, вдоль рва эти с крестами летали. Все мы падали на землю. А они с самих самолётов из пулемётов строчили, убили несколько человек и ранили, а сколько по городу убитых – не сосчитать, много. И поганые листовки бросали: мол, не ройте девушки и дамочки ваши ямочки, а придут наши танки – вас зароют в ваши ямки.

– Тьфу, противно и гадко! – сморщилась Марья Васильевна.

Николай, глядя на мать,и сам вдруг почувствовал физическое отвращение к листовкам, фашистским лётчикам

– Что ж я раскудахталась! – спохватилась родительница. – дурёха! Ты о себе-то, Николка, давай расскажи, что да как? Как там на фронте? Чего там?

Николай, когда ещё подходил к дому, о многом хотел поведать. Он думал рассказать, как было страшно в первом бою, как запомнил первый бой до мелочей. Но какие бы слова ни подбирал, не мог подлинно передать потрясающую циничную атмосферу людской бойни. Беспредельную наглость фашистов и ярость наших солдат, дравшихся за свою землю. Бой втягивал Николая в свою воронку, как вихрь, с каким-то непонятным азартом. Так, наверное, бывало в большой драке, когда остервенелые мужики шли стенка на стенку, и под горячую руку уж не попадайся, а то получишь. В большой драке, как не увёртывайся, затронут, заденут…

После были другие бои, жестокие, изматывающие.

Николай мог бы посетовать матери на то, что в последнем бою мины, которые взвод выпускал по фашистам, шлёпались, будто блины – не взрывались. Мины изначально были бракованные, миномётчики только спустя какое-то время сообразили, в чём дело.

Разбирались ли после боя с теми, кто отправил на фронт брак из какого-нибудь далёкого тыла?

Николай, разумеется, не знал.

Наконец, не без гордости он поведал бы о ночном разговоре с командующим фронтом, самим генералом Коневым. Как он нахваливал генералу свой родной Торжок, даже набрался храбрости и пригласил его в гости, когда закончится война. И ещё разные эпизоды, достойные, чтобы о них узнали родные, назойливо всплывали в памяти сержанта Басова.

Но в какой-то миг, всё фронтовое, что прошёл Николай, потускнело, показалось малозначительным по сравнению с тем, что он услышал от родных. Большой глиняный ров, который мать копала из последних сил, печаль сестрёнки Лиды – у них в школе отменили занятия из-за бомбёжек, воспалённые от слёз глаза бабы Поли – всё обретало особый смысл, казалось более важным, чем его фронтовая лямка.

Николай встал из-за стола, прошёл к окошку, взглянул на улицу. Оставалось не так много до конца отпуска, и надо было обязательно увидеть Надюшку

Глядя на сына, Марья Васильевна поняла его беспокойство.

– Я сейчас отойду ненадолго, – он взялся за шинель. – Пройду к Надежде.

Николай накинул шинель и взялся за ручку двери.

– Погоди, сынок, погоди! – остановила Марья Васильевна. – Давай присядем.

Они присели. Николай тревожно посмотрел на неё.

– Я не хотела тебе сразу говорить, да вижу, что ты весь в нетерпении, – начала она. – Коля, Надюшки больше нет.

– Как это нет? – глаза Николая расширились. – Почему нет? А где она?

– Фашисты убили.

– Не верю! – выдохнул Николай. – Не могли они её убить!

– Погоди, успокойся, послушай, – пришла в волнение и сама Марья Васильевна. – Надя окончила военные курсы, тут у нас. Ну, вот её да ещё несколько девчонок послали

на крышу гостиницы, ну там вон, знаешь, у Тверцы. На крыше, так в народе говорили, стояли пушка и пулемёты. Девчонок-то звали – Вера, Надежда, Любовь, как в церковном празднике.

– Они должны были сбивать фашистские самолёты, – продолжала мать. – Несколько дней назад были сильные налёты фашистов. Произошла беда утром, часов в одиннадцать или в двенадцать. Фашисты стали летать над городом, бомбили мост через Тверцу, дома, а девчонки-то стреляли с крыши по немецким самолётам. Какой самолёт пролетит мимо, какой развернётся, и опять летит. Ну, вот один прямо над девчонками гудел, они в него и стреляли. И что думаешь? Срезали его, молодцы наши девчонки! Смотрят, а он чего-то задымил, вдоль Тверцы за мост полетел, туда, в сторону Дальней Троицы, а потом из него густой дым повалил. Подбили, значит.

– «Попали, попали!» – кричали девчонки, обнимали друг друга на крыше, прыгали от радости, – уже сквозь слёзы говорила Марья Васильевна. – Вот глупенькие-то, нет, чтобы посмотреть туда-сюда. Да куда уж там, от радости бдительность потеряли. А тут со стороны бульварки, ну, где ещё школа с ёлочками, от Ильинки, значит, – другой летит фашист, заходит на девчонок со спины. И стал по зенитчицам палить из пулемёта: «Ты-ты-ты!». И девчонок – нет! А ведь радостные прыгали: попали, сбили.

– Откуда ты узнала? – осёкшимся, будто чужим, голосом спросил Николай. – Может, Нади среди них не было?

– Откуда узнала? Да весь город об этом говорил. И хоронили-то их вместе, я была, видела.

Николай заплакал, уронил голову на колени матери. Она гладила жесткие волосы сына, утешала тихими словами, и из её добрых глаз падали слезинки.

Ещё до рассвета Басов проснулся, наскоро попрощался с родными и вышел из дома. Он добрался до Московского шоссе и на первой попутной машине, которая взяла его, покатил в сторону Калинина.

3

Судьба Торжка решалась не только в боях, которые гремели на подступах к нему, но и в Москве, в Ставке Верховного Главнокомандующего. По инициативе Сталина приняли срочные меры, чтобы не допустить захвата древнего города. Начальник Генерального штаба маршал Борис Михайлович Шапошников докладывал Верховному Главнокомандующему: «Мною 13 октября уже даны командующему Северо-Западным фронтом указания о сосредоточении 8-й танковой бригады и мотоциклетного полка в район Торжок и стрелковой дивизии из числа резерва для атаки противника в направлении на Калинин».

Теперь он должен был проследить, как выполняло приказ Генштаба командование Северо-Западного фронта. А оно выполняло его оперативно, исходя из складывающейся обстановки.

Счёт, когда определялась участь Торжка, пошёл на дни и часы.

Фашисты с тупой яростью рвались в город. Их попытки отбивали наши солдаты. Тогда с невиданной злобой они принялись крушить город с воздуха – и днём, и ночью, практически без перерыва.

13 октября произошла одна из самых масштабных бомбёжек фашистами старинного Торжка.

Люди в спешке оставляли всё нажитое, брали с собой лишь узелки с едой, да вели за руки детей. За трое суток дома покинули почти двадцать тысяч жителей. Хорошо, что кто-то из них уходил от бомбёжек в безопасном направлении – по Карельскому тракту в сторону Калашникова и Лихославля. Но таких было немного. Не зная точно, где линия фронта, большинство держало путь именно в сторону фронта.

Мимо дома историка Усова, а жил он на улице Конной, проплывали печальные лица временных беженцев.

Александр Александрович встал из-за стола, за которым писал, взглянул в окошко.

– Куда народу спрятаться! – вздохнул он. – В лес забежать – только и осталось. Да и там не особо спрячешься, кругом всё голо, везде холодно. Эх, беда, беда!

На голос Усова вышла жена Фаина Фёдоровна. Плечи её укрывала тёплая шаль, в пальцах она держала папиросу, от которой вился дымок.

– Ты что-то сказал? – спросила.

Она посмотрела на листки, исписанные ровным почерком.

– Сказал я, сказал, – отозвался Александр Александрович. – Жалко земляков, вон, бегут, кто куда.

– Тебе, смотрю, и бомбёжки нипочём, – кивнула жена на рукопись. – Всё пишешь, да пишешь. Может, оно никому и не надо? Людей убивают, война идёт, кто будет читать твою далёкую-далёкую историю?

Фаина Фёдоровна затянулась, пустила кольцо дыма.

– Как же, Фая, не надо! – удивился Усов. – Нет, ты не права, что не будут читать, как ты говоришь, далёкую историю. Как раз её теперь и следует читать, учиться мужеству и смелости у предков наших, которые жили в древнем Торжке. Ну, ты сама подумай, только представь: огромное скопище татар – армия ордынского хана Батыя окружило Торжок в феврале 1238 года. Татары приставили к стенам крепости штурмовые лестницы, гикали, орали, осыпали русских бранью. Горожане не струсили, на угрозы татар, на их требования сдать город не отвечали. Наш Иванко, он был посадник Новоторжский, каков? Это ж герой самый настоящий! Не дождавшись помощи из Великого Новгорода, сам организовал оборону и бился против татар.

– Опять налёт, – прервал свой рассказ историк.

– Скорее в яму! – закричала Фаина Фёдоровна. – Бежим, Саша, бежим!

Она поспешила за дом - в конце огорода было ими устроено убежище.

Усов замешкался. Тщательно собрал рукопись и положил в ящик стола. Когда вышел на крыльцо, где-то рядом грохнул столь мощный взрыв, что Усова бросило наземь. Зазвенели разбитые в окнах стёкла, входную дверь сорвало с петель.

Слава Богу, Усов не покалечился.

Супруги просидели какое-то время в яме, где её малое пространство слабо освещал белый огарок толстой хозяйственной свечи. Было душно, говорить не хотелось. Да и о чём говорить?

Когда гул моторов смолк, выбрались из ямы.

На Народной улице всё было разрушено, одиноко маячили два дома, остальные горели. Усов дошёл до угла улиц Володарки и Загородней, и его взгляду предстала огромная глубокая воронка. Он сразу понял, почему его сбила на землю взрывная волна – отсюда она долетела до его дома. Раньше он таких больших воронок не видел – метров сорок в диаметре. Подумал, что фашисты применили какие-то тяжелые снаряды. И это было, на самом деле, так – разорвавшаяся авиационная бомба весила 500 килограммов.

Он прошёл чуть подальше и остановился.

У колодца, чудом не разрушенного, была прислонена высокая икона Спасителя. Откуда она взялась? Никто, наверное, не сказал бы. Александр Александрович подошёл ближе. Да, икона стояла большая, храмовая, в окладе из чеканки и фольги. Мерцал в сумерках золотым отливом образ Спасителя. Две старушки молились у иконы и клали поклоны. Усова так поразили их просветлённые исхудавшие лица, что он застыл в молчании.

Одна из старушек повернулась, заметила:

– Видишь, милый, чудо! – кивнула в сторону иконы. – Мы тоже не ведаем, как она объявилась, шли мимо и заметили. Бог нас не оставил, Бог нас любит, слава Богу.

Старушка перекрестилась.

– Да, да, – торопливо произнёс Усов и тоже, вслед за старушкой, неумело перекрестился, оглядываясь по сторонам, и приблизился к молившимся.

Хотел узнать у бабушки, с какой она улицы, но та тихим голосом продолжала:

– Второе это чудо, милый, второе. А первое было, почитай, больше году назад, у нас же, в Торжке.

– Какое первое? – удивился Усов. – Не помню.

Он, как ему казалось, знал обо всех событиях в городе и не мог пропустить что-то важное.

– На Троицу, на Ильинском храме было, – вспоминала старушка. – Али не слыхал?

– Не слыхал, – сознался Усов.

– На колокольне явился Господь, а на площади полно люду, и кланялся Господь с колокольни и крестом осенил, я сама была и видела. Вот, милый, не оставил нас Бог…

Старушка опять стала усердно креститься и класть земные поклоны.

К колодцу собирался народ. Какой-то мальчик, в старой ушанке и потрепанной фуфайке не по размеру, подошёл к иконе и дотронулся.

– Мама, она настоящая! – радостно воскликнул мальчик.

– Нельзя её трогать, – сделала мать замечание.

Александр Александрович отошёл в сторону, ещё какое-то время наблюдал, как у иконы собирались и толковали.

Усов, переживая то, что поведала старушка, побрёл домой, надо было заделать вылетевшее из окна стекло, а то ночью замёрзнешь.

То там, то тут он замечал следы налёта.

Богоявленская церковь пострадала. Часовню на развилке дорог снесло взрывом, а сама Богоявленская церковь была разбита. Лишь уцелело здание рядом, да бывшие конюшни.

4

Когда генерал Иван Конев приехал в Калинин, был вечер. Прошедшей ночью фашисты садистски бомбили город. Везде полыхали пожары. Зарево над Калининином видели за десятки километров. Ядовитая мгла поглотила всё живое и лишила людей разума. Мнилось: наступил конец света.

... И в тот вечер, когда прибыл генерал, враг продолжал крушить всё подряд, увы, без должного отпора. Противовоздушной обороны практически не было, её только в спешном порядке создавали.

Перепуганные горожане прятались в укрытиях. Ходили слухи, что Калинин сдадут без боя, мол, уже и десант фашистский высадился.

Слухи порождали хаос и панику.

Иван Степанович рассеивал их, как мог.

Из областного военкомата он поспешил в обком партии. Его встретил первый секретарь Иван Бойцов, в кабинет зашли несколько членов бюро обкома. Генерал доложил, что назначен заместителем командующего Западным фронтом.

– Надо остановить фашистов, рвущихся к Москве, не сдать Калинин, отстоять Торжок, – обозначил И.С. Конев.

Бойцов слушал генерала, чуть подавшись вперёд.

Пряди чёрных волос свисали на высокий лоб, губы плотно сжаты. Первый секретарь обкома пристально смотрел на Конева, будто изучал, взвешивал, на что тот способен. Сам Иван Павлович уже три года руководил Калининской областью. Он совершил немало добрых дел, но все достижения одним махом перечеркнула война.

– Тяжело на душе, Иван Степанович, – вздохнул Бойцов. – Нет, я не жалуюсь, не плачу в жилетку. Но посудите сами. Из 69 районов фашисты заняли уже 38. Зверствуют везде, издеваются над населением, всё уничтожают. Вчера захватили Зубцов и Погорелое Городище. Рвутся к Ржеву.

Утром доложили – заняли Старицу. Того и гляди – сюда придут…

– Я вас понимаю, товарищи, – сказал генерал. – Сейчас не о том речь. Нужно действовать срочно, безотлагательно. Во-первых, дать команду на эвакуацию населения, вывезти банки, ценности государственные, важные документы. Во-вторых, создать отряды ополчения, истребительные батальоны, готовить город к обороне.

– Это уже делаем, товарищ генерал, – ответил Бойцов. – С учётом обстановки ускорим мобилизацию, я и члены бюро примем меры.

– Хорошо, – генерал встал. – Держите меня в курсе. Я поеду на вокзал, на станцию должны прибыть воинские части, их надо передислоцировать.

Ему повезло. Как раз подошёл эшелон, в одном из вагонов находился штаб 5-й стрелковой дивизии 22-й армии. Ещё чуть раньше сам же генерал приказал ей следовать под Можайск, но положение на фронте быстро менялось, нужно было это учитывать. Переговорив с комдивом, Иван Степанович связался с генералом В.А. Хоменко, командующим 30-й армией, приказал ему включить прибывшую дивизию в состав своей армии.

Утром командира дивизии Петра Сергеевича Телкова и комиссара Павла Васильевича Севастьянова вызвали в обком партии, где их ждал Иван Степанович Конев, он выглядел усталым.

– Вашей дивизии командующий фронтом поручает оборонять Калинин, – отчеканивал генерал. – Хотели вас под Москву отправить, но немцы уже на подходе к Ржеву, обходным путём сюда движутся. Занимайте оборону, каждая минута дорога.

Взглядом окинул их и добавил:

– Хочу сразу предупредить: за сдачу города командир и комиссар дивизии будут строжайшим образом наказаны.

Телков промолчал.

Севастьянов, вскинув голову, бросил:

– Наказать нас двоих, товарищ генерал, даже расстрелять – дело нехитрое, а оборонять город с такими силами – куда сложнее. Не могли бы вы чем-нибудь помочь? У нас только два полка. Когда прибудут остальные – неизвестно. Сами знаете, что творится на железных дорогах. Подкрепление нам нужно, товарищ генерал.

– Обороняться будете составом, который налицо, – отрезал генерал. – Прибудут остальные части – хорошо, не прибудут – это не снимает с вас ответственности. Никаких резервов у меня под рукой нет.

Севастьянов нахмурился и замолчал.

Настроение комиссара не ускользнуло от Конева.

– Хотя, подождите, – он достал записную книжку. – Я отдам распоряжение, чтобы вас подкрепили маршевой ротой и отрядом слушателей Высшего военно-педагогического института. Да, и ещё: попрошу секретаря обкома направить отряды народного ополчения. Другого нет. Выполняйте приказ!

Командиры дивизии вышли от Конева расстроенными, но некогда было разбираться в чувствах, надо было занимать оборону.

Обрадовало уже то, что генерал сдержал слово.

Маршевая рота появилась у железнодорожного вокзала станции Калинин.

Севастьянов с изумлением оглядел курсантов.

– Что у вас за оружие? – подошёл он к одному.

– Винтовка, товарищ командир, – бойко ответил тот.

Комиссар взял её в руки. Учебная винтовка, к тому же казённик у неё не заводской, а самодельный, просверленный. Севастьянов поразился такому оружию.

– Стреляет? – спросил он.

– Не знаю, – признался курсант.

– А это плохо, что не знаете, – упрекнул комиссар.

Из винтовки не убьёшь фашиста, даже при ярой ненависти. Такое оружие применимо только в штыковой атаке, в рукопашном бою.

Как поступить с ротой? Отправить назад? Но обстановка тяжёлая, каждые руки на вес золота.

Роту подчинили батальону, он уже разворачивал оборону на подходе к вокзалу и дальше – в ближайшем пригороде, откуда наступал враг.

Чуть позже пришли отряды, присланные по распоряжению обкома партии. В сравнении с курсантами, в них были серьёзные люди. Часть ополченцев перевезли в Мигалово, где на аэродроме находились, в основном, гражданские самолёты. Аэродром выполнял и роль, так называемого, «подскока». Военные самолёты дозаправлялись здесь и брали курс дальше на Запад, выполняя приказы фронта.

Приехав сюда, Севастьянов попал на митинг.

– Мы не забыли голодных маршей по болотам, лесам, – батальонный комиссар держал речь. – Мы не забыли гибель однополчан во вражеском кольце. Мы всё помним! Но и в тяжелейшие минуты мы и не думали покоряться врагу. Враг от нас этого не добился. Теперь, на великой Волге, отомстим оккупантам за всё и сполна.

С митинга бойцы шли на линию обороны, занимали позиции.

Численное превосходство врага было существенным.

На одного нашего бойца приходилось примерно по десять фашистов!

Накануне генерал Г.К. Жуков, командующий Западным фронтом, отослал в войска приказ № 0345.

«Командование фашистских войск, обещавшее в одну неделю взять Ленинград, провалилось с этим наступлением, погубив десятки тысяч своих солдат, – отмечал генерал в приказе. – Наши войска заставили фашистов прекратить наступление.

Теперь, чтобы оправдать этот провал, фашисты предприняли новую авантюру – наступление на Москву. В это наступление фашисты бросили все свои резервы, в том числе малообученный и всякий случайный сброд, пьяниц и дегенератов.

Наступил момент, когда мы должны не только дать решительный отпор фашистской авантюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы.

В этот момент все как один от красноармейца до высшего командира должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникёров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЁД ЗА РОДИНУ!».

5

Генерал И.С. Конев не видел того, как разворачивались бои в районе железнодорожного вокзала и на подступах к аэродрому Мигалово.

Шофёр Чуранов на большой скорости мчал в сторону Селижарова, где в окрестностях располагался штаб 22-й армия под командованием генерала В.А. Юшкевича.

– Прибавь газу! – торопил генерал.

– Куда ж, Иван Степанович, прибавлять, – возразил Чуранов. – И так не едем, а летим. Дорога-то, видите какая! Первый ледок – самый опасный, да ёще под снежком, не дай Бог крутанёт…

– Засветло надо доехать в Селижарово, – приказал генерал.

– Так точно, будем, – ответил водитель.

Конев просчитывал варианты обороны областного центра. Нельзя допустить прорыва фашистов на Торжок и Бежецк. Через Бежецк открывался путь на Углич, Ярославль и Рыбинск, в глубокий тыл. Генерал чувствовал, что он, будто нитка-иголка, обязан сшить, связать в узел силы правого фланга Западного фронта для сдерживающего удара, направить удар в цель.

Во фронтовой полосе в районе Селижарова стояло относительное затишье.

Генерал Василий Александрович Юшкевич пребывал в хорошем духе, выглядел бодрым, подтянутым.

Встретил Конева дружески.

– Давно не виделись, Иван Степанович, – крепко пожал руку.

– И двух месяцев не прошло, а, кажется, прожили вечность, – улыбнулся Конев. – Столько событий случилось! У тебя тут, Василий Александрович, похоже, не шумно?

– Пока, да, Иван Степанович. Пока! – ответил Юшкевич.

Генерал Конев перешёл к делу.

– Обстановка на подходе к Калинину накаляется, – объяснял. – Считаю, без ущерба для армии и ослабления обороны следует срочно послать в Калинин две дивизии.

Иван Степанович принялся подробно излагать задачу, раскрывал замысел Военного Совета Западного фронта, возможные действия фашистских армий.

Василий Александрович напряжённо слушал генерала, с которым связывали фронтовые события.

Их судьбы были похожи.

Как и Иван Конев, Василий Юшкевич начал военную карьеру ещё при царе – Императоре Николае II. Закончил Виленское военное училище и в чине прапорщика попал на Первую мировую войну. Юшкевич командовал сперва взводом, потом ротой на Юго-Западном фронте. В русской императорской армии получил звание подпоручика.

У зама командующего фронтом была за плечами Вязьма, а у командарма – Торопец.

Отбивая атаки фашистов, 22-я армия попала в окружение на торопецком направлении. Генерал, однако, не пал духом, уберёг солдат и офицеров от разгрома. Армия прорвала окружение и вышла в окрестности города Андреаполя.

Юшкевич сохранил людей, боеспособность армии.

– Задание ясно! – ответил Василий Александрович. – Лучшие соединения отдаю. Приказ подготовим сегодня же, оперативно перебросим части под Калинин.

– Не сомневаюсь в бойцах и командирах, их опыт как раз и пригодится, – сказал Конев.

Утром Конев выехал из Селижарова в сторону Ржева.

Величавый хвойный лес, побелённый понизу робким снежком, окаймлял трассу. Сладким покоем, уже давно оставленным в горячке войны, веяло от древних сосен, на их верхушках играли заревые лучи…

В душу возвращалось мирное ощущение прекрасного!

***

В расположение частей адъютант Конева быстро нашёл штаб 29-й армии, командующий оказался на месте.

Генерал-лейтенант Масленников, широкоплечий, подстриженный под нуль, с хмурым лицом, сдержанно принял Конева, на что имел какие-то соображения. Как и некоторые командующие армиями, он разделял мнение отдельных высоких лиц в Москве, мол, Конев виноват в «трагедии под Вязьмой».

Командарм доложил о ситуации под Ржевом. Его армия не предпринимала решительных действий против фашистов. Это вызвало раздражение у Конева. Усилием воли Иван Степанович погасил гнев.

– Три дня назад командующий фронтом передал приказ восстановить положение на Ржевском направ-

лении, – напомнил он. – Вы получили приказ генерала Жукова?

– Так точно, – подтвердил Масленников.

– Почему медлите? – спросил Конев.

Масленников принялся перечислять обстоятельства. Исподволь пытался переложить ответственность на 31-ю армию, на её командующего генерал-майора Долматова.

Конев с недоумением, раздражением и какой-то долей удивления разглядывал известного командарма, будто видел впервые, хотя они не раз встречались.

«Что же ты спасовал? – подмывало спросить у Масленникова. – Ты же смелый, бил басмачей! Испугался фрицев? Или надеешься на покровителя?».

Конев отогнал худые мысли, избегал осуждения коллег без веских оснований.

– Извини, Иван Иванович, – прервал генерал рассуждения командарма. – Времени в обрез. Мой приказ для соединений 29-й армии такой.

Конев склонился над картой Ржева.

– Силы вашей армии перегруппировать и нанести удар с запада в тыл немцам, они наступают на Калинин, – пояснял он. – Вот этим маршрутом.

Конев показал на карте.

– Далее, перейдёте на южный берег Волги, вдоль берега на восток – необходимо ударить опять же в тыл группировки фашистов.

– А вы не допускаете, товарищ заместитель командующего фронтом, что немцы могут нас окружить? – неожиданно вставил Масленников.

Конев выпрямился, бросил гневный взгляд на командарма.

– Не допускаю! – отрезал он. – В район Торжка и Вышнего Волочка выдвигается оперативная группа генерала Ватутина с Северо-Западного фронта, будете с ней взаимодействовать. Окружение исключено. Хватит, товарищ

Масленников, окружений, пора уже нам самим окружать фашистов.

– Задача вам понятна? – спросил Конев.

– Так точно, – ответил Масленников.

Возвратившись в село Змеево под Калинином, где был штаб фронта, Иван Степанович Конев послал донесение в Ставку Верховного Главнокомандующего: «Масленников начал наступление с рубежа Старица».

О результатах наступления генерал не сообщил.

6

Когда Конев уехал из Ржева, штаб 29-й армии издал приказ дивизиям наступать в район Старицы. Войска должны были занять оборону на левом берегу Волги. Распоряжением штаба создали «Ржевский боевой участок» из двух дивизий.

В тот день происходило и что-то непонятное. Горожане видели скопление войск – по мосту через Волгу в Ржеве отходили соединения 29-й и 31-й армий. Продовольствие, имущество, хранившиеся на городских складах, частично вывезли, частично уничтожили на месте, частично бросили…

Никаких особых причин оставлять город не было.

Однако его оставили!

Перед нашествием фашистов Ржев оказался беззащитным.

14 октября 1941 года фашисты одновременно вошли в два крупных центра Калининской области – в Ржев и Калинин.

Эта дата, наверное, стала самой трагической, самым «чёрной» в многовековой истории тверской земли.

В предместьях Ржева, в захваченных деревнях, немцы убивали из автоматов собак, чтобы не мешали грабить –

отбирали продукты, вещи, фураж. Заставляли крестьян открывать ямы, подвалы, где хранили картошку и овощи, и всё оттуда выгребали.

Оккупанты жестко наводили порядок. Всех, кто мог что-то делать, жандармы и полицейские, размахивая плётками и пистолетами, выгоняли на работу. Если кто отказывался – избивали, уничтожали. Истощенные муж и жена Петровы, им было по 70 лет, не смогли выйти, их расстреляли.

Целыми семьями расстреливали без всякого расследования.

Фашистам мало было безвинных жертв, они ввели публичные казни.

Обещанный фашистами рай на занятых территориях наяву превращался в в зловонный ад.

Фашисты убивали мирных людей ради забавы, от нечего делать. Был случай, когда женщины пошли за водой на колонку, и не успели дойти – автоматная очередь скосила их. Это произошло на глазах у десятилетнего мальчика, который, увидев упавшую мать, подбежал к ней, заплакал. Но и его настигла пуля, бездыханный подросток упал на мёртвую мать.

Ржев фашисты взяли налегке. Они полагали, что похожим парадом войдут и в Калинин. Но вышла осечка. На подступах к областному центру фашистов встретил мощный огонь, атаки наших бойцов. Немецкое командование недоумевало: откуда силы у Красной армии? Ведь она же, по их мнению, фактически вся была окружена и уничтожена под Вязьмой!

Откуда у русских ожесточённое сопротивление?

Превосходя советских бойцов в живой силе примерно в десять раз, используя быстрые танковые и моторизованные группы, фашисты потеснили батальоны 5-й дивизии и полки народного ополчения.

Но с ходу так и не смогли взять Калинин ни с запада, ни с севера, ни с юга.

Находясь в эйфории, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок поспешил уведомить Берлин, что Калинин аккупирован полностью, что группа «Центр» развивает наступление на Москву.

В тот же день фон Бок, заботясь о перспективе, издал директиву для 9-й, 16-й армий и 3-й танковой группы. Говоря о «дальнейшем уничтожении противника», генерал приказал: «как можно быстрее гурппировка достигает района Торжок и наступает отсюда без задержек на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мста на восток.

Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашин-Бежецк-Пестово».

До намеченного фашистами взятия Торжка оставалось ровно десять дней.

ГЛАВА 3

МАРЬИНСКИЕ КЛЕЩИ

1

Тяжелый гул со стороны Ржева нарастал, усиливался, приближался.

Гул зловещий, наводивший страх.

И всё-таки самолёты фашистов с чёрными крестами на крыльях возникли над кромкой ближнего леса неожиданно. К их налётам невозможно было привыкнуть.

Дети сразу всполошились.

– Опять летять, опять бомбять! – закричала Маша, самая проворная из девчонок, игравших у колхозной конюшни. – Скорей бяжим на Логовежь, под вятлу, до дому не успеем…

– Бяжим, бяжим! – громко кричала Маша.

Подружки опрометью кинулись от конюшни. Только мелькали их подшитые валенки, да на ветру развивались платья из-под телогреек.

Прибежав на берег, они, будто птенцы, упавшие из гнезда, забились под коренья раскидистой ветлы, где была вырыта яма – из неё брали песок. Дети почувствовали себя в безопасности.

– Сюда они не полетять, – шепотом уверила подружек Маша Сидорова. – Мы посидим, посидим и пойдём назад, когда они улетять…

Подружки слушались её. Только Нина Соколова сквозь слёзы сказала:

– Меня мамка искать начнёт, она подумает, что меня убили, мамка меня будет ругать.

– Не убьють! – возразила Маша. – Здесь тихо!

В укрытие, где спрятались подружки, долетал гул моторов, вой падающих бомб, эхо взрывов со стороны села. Но им, сидевшим здесь, казалось, что всё это происходило не рядом, в родном селе, а где-то далеко-далеко, в какой-то чужой стороне.

Война врывалась повсюду в прифронтовой полосе в быт деревенских мальчишек и девчонок, ломала, коверкала их жизни.

В Марьине – тоже!

Село располагалось в двадцати километрах от Торжка, на юго-западном направлении, на знаменитом когда-то почтовом тракте Петербург-Москва. Тракт давно стал широкой автострадой, по ней тянулись наши армейские машины, техника, гужевые повозки…

За ними фашисты охотились с воздуха.

Летом немцы не трогали населённые пункты вдоль дороги. А осенью и по ним наносили авиационные удары, будто деревни являлись военными объектами.

Жить в Марьине стало страшно!

Самолёты с крестами появлялись внезапно в холодном октябрьском небе со стороны Ржева. Не щадили никого и ничего. Сильнее взрослых этих налётов боялись дети. Страх нагоняли и местные трагедии. Рядом с Марьиным, в деревне Тетерлево, бомба попала в дом колхозной семьи Волковых. Девочку Катю убило, а её старшую сестру Валентину ранило осколками в спину и ногу. Хорошо успели отвезти Валю в медсанбат нашей воинской части, она стояла ближе к Торжку.

Девчонку спасли.

Учителя отменили занятия в школе.

Поэтому подружки Маша, Нина и Вера пошли поиграть в «свои секреты» у конюшни.

***

... Путешествуя по Руси неоглядной, въедешь в иное село, где, будто в зеркале, отражена душа народа. Таково и Марьино! Оно вольно раскинулось вдоль большой дороги, привлекая резьбой на избах, церковью в честь иконы «Божья Матерь Казанская». В старину в нём проживало шестьсот душ. Действовали молочная лавка, трактир, питейное заведение, на горе стоял кожевенный завод. Умельцы из Марьина славились тем, что выделывали овчины, коровьи и козьи шкуры, шили тулупы и обувь, красили шерсть, валяли валенки, ковали в кузнях.

И, не оставляя ремёсел, превосходно крестьянствовали. Лён царствовал на полях. Волокно получалось лучше заморского или азиатского.

Не пустовали фермы и конюшни, скота имели вдоволь.

До войны в Марьине работал славный колхоз «Борьба». Да и в округе, в четырнадцати крупных деревнях, были свои колхозы. Много ферм, четыре конюшни, помещения для телят, навесы для техники, риги, склады – не перечислить всего, что имели. Чтобы добро не попало к фашистам, скот угоняли, технику увозили. Но не заберёшь с собой поля! Вокруг Марьина осталось несколько плантаций картофеля – не успели убрать. Картошка-то и спасла от гибели многих в голодную осень 41-го.

Сюда, рискуя погибнуть, приходили из деревень, копали картошку. А из неё делали люски – так называли в Марьине картофельные оладьи.

– Эх, напекла бы мамка люсков, – мечтала, сидя в яме, Маша Сидорова, – есть охота.

– И я есть хочу, – не утерпела худенькая Вера Ткачёва. – Сильно хочу. Маша, пойдём, темнеет, скоро ночь, а мы всё сидим да сидим.

– Давай пойдём, – согласилась Маша.

Девчонки выбрались из-под ветлы, пошли в сторону села. Оттуда навстречу плыл дым пожарищ. В центре Ма-

рьина горели четыре дома, столбы пламени вздымались в небо. Полыхало и одно из деревянных зданий начальной школы. В переулках между домами зияли воронки, в одной из них лежала убитая старушка.

– Мне страшно, – всхлипнула Нина Соколова, – побегли быстрее по домам.

– Побегли быстрее, – подхватила Маша.

Подружки устремились – каждая к себе.

Изба Сидоровых стоял в центре Марьина. Около неё прямо на дороге Маша увидела мертвого солдата. Рядом застыла бурая лужица крови, рука приложена к виску, будто красноармеец отдавал честь офицеру. Чуть подальше лежал ещё один убитый. По тому, что одет он был в незнакомую одежду, девочка поняла – фашист.

Ей стало ещё страшнее, чем тогда, когда увидела старушку в воронке.

Пока подружки хоронились в яме, немцы не только бомбили село, но и сбросили с самолётов десант, завязался бой. Наши отступили, фашисты вошли в село.

– Где ж ты шляешься? – накинулась на Машу мать. – Кричала тебе, искала тебя, а ты, как сквозь землю, провалилась. Где ты была?

– Под вятлой прятались, – пролепетала Маша. – Я с подружками от самолётов хоронилась.

– Под вятлой! – мать не поняла дочку. – Под какой ещё вятлой? Ох, задала бы я тебе порку, да не ровен час, в Свищево уходим…

– Зачем, мама, уходить? – спросила Маша.

– Зачем, зачем! Не видишь разве? – мать всё ещё не могла скрыть недовольства. – Немцы в Марьине, поэтому и уходим… А то, неровен час, и прибьют. Помогай собираться…

У Сидоровых было восемь детей. Старшему сыну дали «бронь», он трудился на заводе имени Лихачева в Москве, а остальные все тут. Хозяина забрали на оборонные работы под Торжок, и он оттуда пока не вернулся. Когда

стемнело, Сидоровы, держа друг друга за руки, чтобы в темноте не потеряться, побрели в Свищево, в километре от Марьино, к родственникам.

Многие тогда уходили из родных изб, опасаясь варварства фашистов.

Они заняли лучшие дома. Резали скот. Жарко топили печи, жарили свежатину, отогревались от наступивших холодов.

Пировать пришлось недолго.

На третьи сутки сильным ударом наши войска выбили их из Марьина. Вражеский десант большей частью уничтожили, а частично рассеяли.

Трупы фашистов увозили и спихивали в заброшенный колодец на горе, где когда-то стоял кожевенный завод.

Началась тщательно продуманная, умело спланированная операция по разгрому врага на подступах к Торжку.

2

События той осени развивались не так, как намечал немецкий генерал-фельдмаршал фон Бок, чьи войска 14 октября заняли часть западной окраины Калинина.

Одурманенный победой, он приказал соединениям не допустить перехода Красной армии через реки Тверца и Мста в районах, прилегающих к областному центру. Цель у стратега была одна – упредить возможные маневры Красной армии, не дать ей выйти в направлении на Торжок, постараться быстрее оккупировать древний город.

Фон Бок спешил, до выполнения этой задачи времени оставалось в обрез.

Командующий группой фашистских армий «Центр» даже не мог предположить, что его «стратегию» советские полководцы разгадали и действовали на опережение.

... Глубокой ночью соединения 133-й стрелковой дивизии (ею командовал генерал-майор Василий Иванович Швецов) подошли к реке Тверце со стороны города Лихославля.

Ночь была тёмной, на шаг не видно ничего.

Подмораживало, дороги прихватила ледовая корка.

На чёрном небе мерцали мириады мелких звёздочек, ярко светили крупные звёзды Большой Медведицы. Ночной небосклон был живым!

Полки и батальоны за двое суток проехали и прошли нелёгкий путь – больше трехсот километров, от окрестностей города Андреаполя, где вели тяжелые бои. А из-под Лихославля сделали марш-бросок в пятьдесят километров. Погода не баловала – то дождь, то снег. Шли по лесным тропам, закрайкам болот, на проезжие дороги не выходили, опасаясь немецкой разведки.

Солдаты и офицеры ждали привала. Все устали, а некоторые простудились. Да и хотелось хотя бы помыться. Иннокентий Щеглов, начальник штаба 2-го батальона, по-отцовски радел о подчинённых. В мирное время геолог, а теперь опытный воин, он выслал на разведку квартирьеров. И те доложили: в деревне Рылово можно остановиться.

– Эх, банька – мечта моя, - вздохнул офицер. – Попаримся, отмоем окопную грязь...

... Бойцы, шедшие впереди, чуть не стукнулись лбами о крайний дом в деревне – стояла несусветная темень.

Сзади услышали гул мотора, увидели слабый свет подфарников.

Батальон догнал дивизионный вездеход.

Из машины вышел адъютант генерала Швецова. Он попросил начальника штаба Иннокентия Щеглова и командира 2-го батальона Александра Чайковского следовать за ним.

Вместе вступили в избу, где находилось правление колхоза.

В просторной комнате горела керосиновая лампа. У

стола стоял командир дивизии, а рядом генерал, незнакомый Щеглову.

Это был И.С. Конев.

Статный, высокий, широкий в плечах, Швецов окинул вошедших взглядом выразительных карих глаз. Кивком пригласил к столу, где лежала большая карта. Он носил черные густые усы. Бойцы уважали генерала за смелость, отвагу и находчивость, проявленные в боях под Смоленском и Андреаполем.

– Мы находимся в данной точке, – обозначил на карте начальник штаба. – Вот деревня Старо-Каликино, а подальше – Ново-Каликино. Надо выбить противника оттуда, перерезать шоссе Москва-Ленинград, по нему идёт интенсивная переброска техники и живой силы фашистов в сторону Медного и на Торжок.

– Ваш батальон без промедления первым вступит в бой! – заключил начальник штаба.

Младший лейтенант Щеглов едва сдерживал себя, хотел выпалить комдиву: «Как же отдых, Василий Иванович? Где ночлег в тёплой избе? Где банька? Где, наконец, котелок горячих щей? Люди, сами знаете, как устали!».

Но только посмотрел на генерала – взгляды их встретились – и промолчал.

Швецов и Конев, пожелав удачи командованию батальона, покинули комнату и пошли к вездеходу.

Комбат Чайковский приказал приступить к переправе через реку Тверцу.

По деревне батальон спускался к берегу. Шёл второй час ночи. Солдатам запретили зажигать даже спички из-за опасения случайно быть замеченными.

В миномётной роте шагал и сержант Николай Басов. Он едва не падал, ноги были, как ватные, иногда перед глазами возникали и тут же исчезали оранжевые круги.

- До рассвета хоть подождали бы, чего уж гнать! - пожаловался Николай соседу в строю.

– Нам, сибирякам, всё по плечу, – отозвался тот. – Мы,

сибиряки, народ привычный. Командир лучше нас знает обстановку, знает, куда и зачем надо идти…

– А я не сибиряк, я из Торжка, – вставил Васов. – Я не против командира, я за то, чтобы о людях думали, отдых дали...

– Ну и что, что из Торжка, – не унимался сосед. – Если попал к нам, считай себя сибиряком. У нас чужаков нет, все свои, сибирские.

– Свои, так свои, – не возражал Николай.

– Эй, разговоры прекратить! – прикрикнул командир роты.

Бойцы замолчали.

В Рылове мост через Тверцу был взорван фашистами.

Саперы отыскали брод в самом узком месте русла. Ширина реки составляла больше тридцати метров. Вода ледяная, хорошо, что ещё не тронута льдом. Первыми на лошадях переправили на другой берег разведчиков и боевое охранение. Они сразу двинулись в сторону станции Брянцево, разобраться, где фашисты, какие их силы на шоссе Москва-Ленинград.

На берегу кипела переправа. Резиновых понтонов, надувных лодок, даже обычных плоскодонок – ничего под рукой не оказалось. Уповали на одно: сибирякам всё по плечу. Разбирали старые сараи, делали из бревен плоты, связывали вместе конные повозки …

Сибиряки мастерили переправу дружно, не хотели подводить генерала, которого уважали.

3

Василий Иванович Швецов лично формировал 133-ю дивизию в Новосибирске. Был назначен её первым командиром. И выехал на фронт на четвёртый день войны

В подразделение вошли земляки из районов Алтая и Сибири.

Некоторые командиры и комиссары воевали на озерах Хасан и Халкин -Гол в Монголии, а также в Испании в Гражданскую. Генерал знал в лицо едва ли не всех солдат и офицеров, их характеры, способности, помнил привычки и наклонности, что потом помогло в боевых ситуациях.

В августе сибиряки сражались на Западном фронте. А в сентябре их перебросили в окрестности Андреаполя прикрывать «стык» Западного и Северо-Западного фронтов.

Швецов был прирождённым полководцем. Ещё в детстве в деревне Лыковская на земле вологодской, неподалеку от большого села Андога, юный Вася часто попадал в центр ребячьих войнушек, был заводилой. Игры проходили с разведкой, засадами, ударами с флангов…

Взрослые, наблюдая подростков, подшучивали: «Ну, этот паренёк будет генералом, видно – натура военная!». Уже повзрослев, Василий, приезжая в Лыковскую на отдых, не мог удержаться от соблазна поиграть в войнушку с ребятнёй.

Плотнику Ивану Егоровичу жена Марфа Никаноровна родила 13 детей, выжили только трое, Вася самый младший. В зимнюю пору отец уходил на заработки. Владел плотницким ремеслом, был отменным портным, брал заказы в сёлах. На что-то надо было поднимать детей. К тому же родители мечтали выучить их грамоте, дать образование. Мечта их сбылась! Старшие брат и сестра окончили школу, учились дальше, не отставал от них и Вася.

Просторная изба Швецовых с надворными постройками стояла в центре Лыковской, на берегу быстрой, глубокой речки Шулма. Сойдёшь с крыльца – рядом песчаный берег, хоть купайся, хоть лови рыбку. Вася же на зорьке брал сумку с книгами и шёл в Вахонькинское Министерское училище. После обеда возвращался. В день отмерял по двенадцать километров. Иногда в половодье перепрыгивал с льдины на льдину, чтоб попасть с берега на берег, а иногда попадал в ледяную воду Шулмы. Тяга к знаниям была столь велика, что без ропота переносил дорогу и приключения.

Некий символ, знак Промысла проглядывал и в том, что Вася по окончании училища получил Похвальную грамоту. В ней красиво изображались эпизоды великой битвы на Бородинском поле в 1812 году. Тогда Россия отмечала 100-летие Отечественной войны с Наполеоном. Василий не раз тайком доставал грамоту, рассматривал русских солдат и офицеров, пушки, кавалерию. В юном сердце грезились честолюбивые мечты о служении Отечеству.

По обычаю деревни, младший сын – опора стареющих родителей. Доля эта выпала Василию. Уже подростком подрабатывал, приносил в дом деньги. Очень любил природу, землю, всё живое. Поехал в Орёл в школу садоводства. Агронома-садовода, однако, из него не вышло. Школу оставил. Подался на стройку Мурманской железной дороги.

В 1919 году добровольцем вступил в Красную армию. Воевал заместителем командира роты против Врангеля. В одном из боёв получил тяжелую контузию. Казалось бы, это должно было отвратить от армии. Василий, обладая изрядной волей, поступил наоборот – связал себя с воинской службой.

И не пожалел!

***

... Штабной вездеход всё ещё объезжал подразделения. Оба генерала уточняли задачи батальонам.

– Так мы останемся и без чая, и без сна, – вздохнул Швецов. – Давайте заедем в штаб, перекусим, да, может, и соснём часок-другой...

– Не возражаю, – ответил Конев.

Адъютант собрал на стол всё в той же просторной комнате правления колхоза.

Мешая ложкой чай, Конев заметил:

– Оказывается, мы земляки, Василий Иванович! Я и не знал.

– Да, я вологодский, – тепло отозвался Швецов. – В Череповецком уезде родился, в Лыковской. Проезжаешь большие села – Кадуй, Андога; места чудные, красивые, грибов, ягод летом не обобрать...

– А я из Никольского уезда, это на другом краю губернии, – поддержал беседу Конев. – И у нас места дивные. А какие рыбники пекут в Никольске! Это, я скажу, праздник. Люблю вологодский рыбник! Я начинал на сплаве, плотогоном.

– Вот как! – рассмеялся Швецов.

– А что смешного? – насторожился Иван Степанович.

– Так и я начинал на сплаве леса по рекам Шулма, Андога, Суда, начало у нас, получается, одинаковое!

– Да! – вздохнул Конев. – Пожалуй, и здесь, под Торжком, наши пути сошлись не случайно.

– Думаю, так, – согласился Швецов, – не случайно.

– А как обстоят дела в семье? – спросил Конев.

– Так-то всё в порядке, – сказал Швецов. – Только беспокоюсь за брата с сестрой, они остались в Ленинграде, а что такое блокада – сами знаете. И вестей от них давно нет, переживаю.

– Будем надеяться, что всё обойдется, – сказал Конев.

– Так и я надеюсь, – кивнул Василий Иванович.

***

Ночной переход через реку Тверцу батальон Александра Чайковского уже завершал, когда случилось «ЧП». Один из плотов с орудием и миномётом стал тонуть.

– Держи, поехала, – вскрикнул артиллерист, – держи!

– Ну, едрёна мать, хватай за край, – закричал старший сержант, командир орудия. – Хватай!

– Тише вы, – зашикали соседи.

Схватить тяжелое орудие и не успели – верёвка, которая связывала его с плотом, лопнула.

45-миллиметровая противотанковая пушка соскользнула по накренившемуся плоту в ледяную воду.

– Утонула, – выдохнул наводчик. – Говорил же, держи.

Артиллерийский расчет недолго горевал.

Комбат приказал достать орудие из реки.

Солдаты большими крюками, привязанными к верёвкам, пушку всё-таки вытащили из Тверцы и выкатили на берег.

К рассвету все роты были уже на правом берегу Тверцы. Бойцы развели костры погреться, обсушиться. Дымили полевые кухни, мясной запах возбуждал аппетит. Уставшие солдаты повеселели, фронтовой быт налаживался.

Ещё до завтрака приехали оба генерала.

Командир дивизии уточнил задание. Батальону для усиления передавали миномётную роту, противотанковую батарею, мотоциклетный полк. Главное, что требовал Швецов, – подойти скрытно к гарнизону фашистов, как можно ближе, удачно выбрать позиции для атаки.

– Задача для вашего батальона и всей дивизии, – объяснял Иван Степанович Конев личному составу, – не только выбить противника из деревень, но и перерезать Ленинградское шоссе, занять круговую оборону, а затем врага «взять в клещи»…

Иннокентий Щеглов, начальник штаба батальона, пригласил генералов позавтракать.

Пока генералов не было, разведчики батальона перенесли с их карт на свои некоторые данные для уточнения местности предстоящего боя.

Прорезая холодный низкий туман, вездеход генерала И.С. Конева с небольшой охраной взял курс на Калинин, где на восточной окраине, по дороге на Бежецк, в деревне Змеево, стоял штаб заместителя командующего Западным фронтом.

4

Леденящее дыхание событий, которые происходили на фронтах, докатилось и до самой столицы.

Появились слухи, что Сталин впал в прострацию, сбежал из Москвы, находится неизвестно где, а город вот-вот сдадут фашистам. Слухи нарастали, отравляли мысли: надеяться не на кого…

В столице началась паника. Люди разбивали витрины магазинов, крали продукты, взламывали кассы предприятий, изымали деньги. Некоторых директоров, спешивших укрыться от хаоса, настигала толпа и устраивала самосуд. На стихийных сходках, возникавших то в одном месте, то в другом, раздавались призывы: «Бей жидов! Продали Россию! Кровопийцы!».

Якобы самоизоляция Сталина не имели под собой никаких поводов.

На второй день паники, утром, Иосиф Виссарионович потребовал от первого секретаря Московского горкома партии Александра Щербакова навести порядок.

– Разберитесь, Александр Николаевич, с зачинщиками, – дал ему указание по телефону. – Виновных, если подтвердится их вина, накажите. И как можно быстрее организуйте людей на усиленную оборону. Через два дня доложите о принятых мерах.

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – отчеканил Щербаков.

17 октября он выступил по радио Москвы. Призвал горожан остепениться, прекратить хаос, быть готовыми к отражению захватчиков.

– За Москву будем драться упорно, – вещал в эфире первый секретарь, – ожесточённо, до последней капли крови. Планы гитлеровцев мы должны сорвать во что бы то ни стало!

К тому же, со свойственной ему решимостью, исключил из партии ряд руководителей за паникерство. Директоров, которые с добром, награбленным на фабриках и заводах, собирались сбежать из Москвы, отдали под суд.

Паника в Москве затихла.

Слухи о прострации, якобы, в ней пребывал Сталин, оставались всего-навсего лишь слухами, но слухами для кого-то весьма выгодными.

Никакой прострации не было.

Сталин работал как обычно – с утра до глубокой ночи.

Он искренне переживал поражение под Вязьмой, испытал настоящий стресс, чего с ним давно не было. Сталин ни на час не выпускал из поля зрения положение на фронтах. Всё, что происходило вокруг Ржева, Калинина и Торжка, вызывало беспокойство. Сталин искал точный и верный ход, чтобы не позволить Гитлеру обрушить Северо-Западный фронт, как произошло в начале октября с Западным и Резервным фронтами.

И, как ему казалось, ход нашёл.

10 октября из Ставки ушло указание о создании в районе Калинина боевой оперативной группы под началом генерала Н.Ф. Ватутина. Сам Сталин хорошо знал Николая Фёдоровича, ценил за профессионализм и личные качества. Он помнил, что поздно вечером 21 июня в Кремль по их просьбе приехали маршал Жуков, генерал Ватутин и нарком Тимошенко. Хотели получить от Сталина решение о приведении войск в боевую готовность. Директиву заранее подготовил Ватутин, первый заместитель началь-

ника Генштаба и руководитель Оперативного управления.

Сталин выслушал Жукова. Тот доложил о задержании в Киевском военном округе перебежчика. Немецкий фельдфебель дал показания – Гитлер начнёт наступление на Советский Союз утром 22 июня.

– А не подбросили ли немецкие генералы перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил Сталин.

– Нет, товарищ Сталин, – ответил Тимошенко, – не подбросили. Перебежчик говорил правду, сомнений нет.

Сталин, а также вошедшие в кабинет члены Политбюро, не приняли вариант директивы, составленной Ватутиным, но и не отвергли полностью, попросили подкорректировать. Жуков и Ватутин вышли в соседнюю комнату, быстро составили новый вариант, он был коротким, гласил: «Нападение может начаться с провокационных действий немецких частей».

По приказу генерала Ватутина в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года Генштаб разослал директиву в пограничные войска и военные округа.

До мощного огня с немецкой стороны по нашим частям на границе СССР оставалось три с половиной часа.

Всего-то три с половиной часа!

А уже днём люди услышали по радио выступление министра иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, – сообщал он, – без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек.

Налёт вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством…

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигентами, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. Тоже будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны…»

5

Николай Ватутин был «человеком поля», то есть любил солдатский дух, тяготился кабинетной деятельностью. Но тогда именно в Генеральном штабе требовались его умение анализировать, быстро схватывать ситуацию, планировать боевые действия, просчитывать последствия.

Наконец, выдержка, хладнокровие.

Ситуация на западе Советского Союза менялась стремительно. Через неделю после нападения Гитлера генерал Ватутин выехал в Псков, где с 1 июля возглавил штаб Северо-Западного фронта, после переместился со штабом в Новгород.

Командовал фронтом генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин. Выше среднего роста, коренастый, спокойный. Казалось, он взвешивал слова, будто на весах, прежде, чем что-то сказать. Природная неторопливость, обстоятельность во всём отличали командующего. Он

продумывал операции до мелочей, чтобы бить врага наверняка. Его хорошо знали в Красной армии. До войны возглавлял Забайкальский военный округ, а в самые первые дни нашествия фашистов встретил натиск их армий «Север» в Прибалтике.

В тот вечер Курочкин вызвал несколько офицеров, среди приглашённых был и полковник П.А. Ротмистров. Разгладив широкие черные усы, он вступил в кабинет генерала. По озабоченному его взгляду командир танкистов догадался, что случились неприятности. Командующий, обычно приветливый, молча пожал руку Ротмистрову, жестом пригласил пройти к лежавшей на столе карте.

Подошёл и сам, постоял неподвижно, собираясь с мыслями, тяжело вздохнул.

– Немцы рвутся к Москве, – заговорил. – Пали Брянск и Орёл, тяжелые бои идут под Вязьмой.

Генерала прервал скрип двери.

Вошли начальник штаба Ватутин и начальник автомобильных и бронетанковых соединений Полубояров.

– Что у нас нового? – спросил командующий.

Круглолицый, кряжистый, Ватутин никогда не терял присутствия духа и чувства легкой иронии.

– Новости пренеприятные, хуже некуда, – ответил начальник штаба – Но мы ещё способны сопротивляться. И будем не только сопротивляться, но и нападать.

Курочкин усмехнулся.

Склонившись над картой, генерал объяснял офицерам: правое крыло Западного фронта, ослабленное в боях, отошло к рубежу Осташков-Ржев, а в нашей обороне возникла «дыра» шириной до восьмидесяти километров.

– В прорыв, – продолжал Ватутин, – противник бросил 3-ю танковую группу, три моторизированные дивизии, усиленные армейским корпусом из двух дивизий. Силы большие! Ясно, что немцы рвутся к Калинину, возможно, нанесут удар на Ярославль и Рыбинск.

– Или пойдут на Москву по Ленинградскому шоссе и вдоль Октябрьской железной дороги, – добавил командующий.

– Ставка приказала срочно создать оперативную группу, – продолжал Курочкин. – Ею командовать поручено вам, Николай Федорович.

Он замолчал на несколько секунд, раздумывая о чём-то.

– А ваша бригада, Павел Алексеевич, – командующий взглянул на полковника Ротмистрова, – будет «железным кулаком» в группе.

Н.Ф. Ватутин, не отрываясь от карты, уже как командир оперативной группы, поставил полковнику боевую задачу:

– Не позже утра 15 октября выйти в район Вышнего Волочка и следовать далее, не допустить прорыва танков противника в Торжок.

– Чем мы можем помочь товарищу Ротмистрову? – спросил Курочкин у Полубоярова.

– Танков у нас, к сожалению, нет, – развёл руками Павел Павлович. – Но в Валдай мы уже направили ремонтные средства. Вот всё, что могу дать.

Полковник сидел, будто окаменевший. На карте кружком был обведён райцентр Селижарово, а от него стрелка шла на родную деревню Сковорово. «Неужели, – с горечью подумал он, – и в мой родительский дом придут фашисты? И ничего невозможно сделать!».

Курочкин, похоже, уловил состояние полковника, подошёл к нему.

– Вы, Павел Алексеевич, кажется, уроженец этих мест? – Курочкин положил руку ему на плечо.

– Так точно, товарищ командующий фронтом, вот моя деревня! – он показал на чёрную точку.

Курочкин понимающе кивнул.

– Мы надеемся, что это как-то облегчит выполнение поставленной задачи, – добавил он.

И посмотрел на начальника штаба фронта.

– Надо торопиться, – вставил Ватутин, – промедление приведёт к непоправимым последствиям.

– Понятно, товарищ генерал, – ответил Ротмистров.

Полковник вышел от генерала.

Оставшиеся офицеры ещё уточняли детали предстоящей операции.

– Вам, Николай Федорович, необходимо самому выехать в район Торжка, на месте принимать решения. Так лучше. Докладывайте обстановку. Времени в обрез, приступайте к выполнению, – сказал Курочкин.

– Есть, товарищ командующий! – отдал честь Ватутин.

– Да, попрошу, – добавил Курочкин, – внимательным будьте, берегите себя, вы нам нужны здесь.

– Не беспокойтесь, Павел Алексеевич, – заверил Ватутин.

Большие ясные глаза Ватутина излучали тепло.

Он быстро собрал вещи, захватил любимую тетрадь, куда заносил заметки о военном искусстве, а также читанный-перечитанный томик Михаила Фрунзе, и выехал на южную окраину озера Ильмень.

6

В деревню Яжелбицы полковник Ротмистров прибыл в густых сумерках. Сиротливо темнели избы без хозяев, ни в одном окне не горел свет. Пустынная улица среди домов лежала как бы никому не нужная. Лишь около помещения, где квартировал штаб, отмечалось оживление, слышались голоса. Он пригласил начальника штаба Михаила Любецкого, командира танкового полка Александра Егорова, ещё несколько офицеров; быстро разработали приказ на марш для подразделений бригады и приданных ей частей.

На отдых осталось краткое время.

Полковник прилёг на походную кровать. Напомина-

ние Курочкина об отчей деревне растревожило душу. «Вот, Сковорово не так уж и далеко отсюда. Ох, как хочется побывать там, – размышлял он. – Махнул бы на вездеходе, да никак не заехать, не получается, не с руки, а жаль, жаль…».

Одним бы глазком взглянуть на родительский дом, пройти по отчей деревне. Открыть дверь в горницу, где витал крестьянский дух, хранимый в сердце…

Будто узрел богатырскую фигуруАлексея Матвеевича, своего отца, лучшего кузнеца в Сковорове. Вот отец прошёл в красный угол, где стояли иконы, а чуть пониже висели два Георгиевских креста и две медали «За храбрость». Это были награды деда Матвея, который погиб в бою под Плевной в Болгарии в 1877 году.

– Батяня мой сложил голову за Царя и Отечество, – промолвил отец. – А наш Вася какому царю и Отечеству поклонялся? Неведомо сиё!

– Его величеству Трудовому Народу и нашей Советской Республике, – выпалил Павел, желая просветить отца.

Курсант Самарских военно-инженерных курсов, он приехал к родителям на побывку из-за болезни – подхватил малярию в степях под Мелекесом, когда участвовал в подавлении кулацкого мятежа.

Весной 1919 года на Южном фронте убили красноармейца Василия Ротмистрова, старшего брата Павла. Мать Мария Андреевна сильно переживала. Спустя несколько дней после похоронки, слегла и умерла.

Мария была второй женой у Алексея Матвеевича. Заботилась о четверых детях, оставшихся от первой жены, рано умершей, и о пятерых, нажитых с Алексеем. Любви Марьи Андреевны хватало на всех, и дети отвечали взаимной любовью, лаской, добрым послушанием...

Без любимой хозяйки дом осиротел. А сам дородный кузнец от неожиданного двойного горя сразу сник, осунулся, постарел…

Павел улетел из родного гнезда в семнадцать лет в по-

исках лучшей доли. Где только ни побывал, кем только ни поработал, пока не впрягся в армейскую лямку. Судьба выносила в центр самых значимых военных событий в Советской России: от мятежа в Кронштадте и до сражения с белофиннами, боями на линии Маннергейма. Это закаляло, укрепляло в нём воина.

В тверском говоре живёт словечко, которое точно подходит для выражения характера Павла Алексеевича Ротмистрова - настырный.

Уж если что задумал, а задуманное считал правильным, никогда не отступал. Даже если перед ним было грозное начальство.

Почти два месяца был в окружении. Но вырвался из «кольца», сохранив танковые экипажи. После этого полковник попал к генералу Я.Н. Федоренко, начальнику Главного управления бронетанковых войск в Москве. С ним был знаком. Тот сходу предложил П.А. Ротмистрову должность начальника штаба бронетанковых войск Красной армии, предварительно согласовав кандидатуру с Генштабом.

– Благодарю за доверие, – вскочил с места взволнованный полковник, – только лучше пошлите на фронт, я должен воевать, а не бумаги писать.

Поведение П.А. Ротмистрова возмутило начальника.

Яков Николаевич пришёл в ярость:

– Герой нашёлся! – бросил он. – А я, по-твоему, что здесь бумагу мараю? А я что не хочу на фронт?

– Не знаю, – выдавил перепуганный полковник.

Выйдя от генерала, он, не особо раздумывая, накатал письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину, через знакомых передал в Кремль.

Через день полковника снова вызвал к себе Я.Н. Федоренко.

– А, явился челобитчик! – грозно встретил генерал. – Кто тебя надоумил обращаться лично к Сталину? Кто научил? Послание целое накатал!

– Я сам додумался, товарищ генерал, – признался Ротмистров. – Никто меня не подталкивал.

Яков Николаевич усмехнулся.

– Ну, и настырный же ты, Павел Алексеевич! Добился своего! Не мытьём, так катаньем, но добился.

Федоренко встал, вышел из-за стола.

– Тогда вот что, – продолжал генерал. – Под Москвой формируется 8-я танковая бригада, поезжай в Костырево, принимай, будешь командовать ею…

Полковник Ротмистров чуть не кинулся обнимать генерала.

– Да ладно уж, – махнул рукой Яков Николаевич, – давай без нежностей!

***

…Комбриг всё-таки забылся сном, но ненадолго. Ординарец уже разбудил в назначенный час.

Едва забрезжил рассвет, из Валдая вышли друг за другом три танковые колонны.

Было прохладно, но без снега и дождя. Небо закрывала низкая облачность.

На шоссе Ленинград-Москва первым вступил мотоциклетный полк майора В. Федорченко, усиленный быстроходными танками – головной отряд бригады.

За ним шли средние танки, уже закалённые в боях «Т-34». А вслед, последними, катили тяжелые танки «КВ» - гроза фашистов. 49 боевых машин грохотали гусеницами по трассе. За колоннами закрепили ремонтные службы, автоцистерны с горючим. Устраняли поломки, если возникали, тут же, на дороге, а на коротких остановках добавляли топливо в баки.

Бригада ехала быстро, двигатели гудели на максимальных оборотах.

Иногда майор Александр Васильевич Егоров останавливал колонны, звучал его голос в наушниках у мотористов:

– Экипажи, подтянись!

Пока одни танки заправлялись, а другие подтягивались, командиры передних экипажей осматривали машины.

Фашисты, похоже, заметили передвижение техники по шоссе в сторону Москвы, пытались бомбить колонны с самолётов. Всякий раз они получали отпор артиллерийских расчётов, которые сопровождали бронетехнику, мешала налётам фашистов низкая облачность. Танки совершали стремительный бросок вопреки ухищрениям противника.

Ни одна машина не пострадала за время похода.

Комбриг выслал вперёд разведчиков со старшим лейтенантом Сергеем Золотовым.

В полночь на большой скорости танки и вошли в Вышний Волочек. Командование решило не останавливаться и продолжать марш. Хотя и так отмотали уже сто с лишним километров, и короткий привал не помешал бы, но нельзя было терять время. В Вышнем Волочке комбригу Ротмистрову доложили, что фашисты подошли к Калинину, завязали бои на окраинах.

Это его очень обеспокоило.

– Боюсь, опасения мои могут оправдаться, – сказал он начальнику штаба Любецкому, – гитлеровцы прорвутся к Торжку...

– Их надо упредить, товарищ полковник, – предложил Михаил Антонович. – Атаковать, если потребуется. Другого выхода нет.

Комбриг согласился. Приказал командиру танкового полка А.В. Егорову подготовиться к встречному бою. Танковые экипажи получили приказ.

До Торжка ходу оставалось пятьдесят километров.

Неожиданно разведка Золотова доложила: немцев в Торжке нет.

– Слава Богу, – радовался Ротмистров. – К счастью!

На рассвете подразделения бригады въехали на улицы

Торжка. Жители, проснувшиеся от шума, увидев танки, выбегали из домов, радостно приветствовали солдат, спрашивали, нужна ли помощь. Остановившийся на несколько минут головной танк окружили, Егорова засыпали вопросами.

– Не сдадите нас немцам

– Бейте гадов!

Тянули руки – всякий хотел прикоснуться к живому танкисту.

Проехав ещё километров пятнадцать на юго-запад, основные силы бригады встали лагерем у деревни Думаново под Торжком. Передовые же её части продолжали движение на Калинин.

Этот танковый переход в первой половине октября 1941 года был уникальным.

Ничего подобного за три месяца войны Красной армии с фашистами не было.

За сутки батальоны преодолели 250 километров от Валдая до Думанова. Пройти такое расстояние, соблюдая технические нормы, нужно не менее четырёх суток, а тут уложились в одни.

Доложили генералу И.С. Коневу о марше 8-й танковой бригады.

Заместитель командующего Западным фронтом не сдержался:

– Орлы, танкисты! Молодцы! Поддержали традицию!

Иван Степанович имел в виду отчасти и свой личный опыт.

Осенью 1937 года он получил назначение командующим особой группой советских войск в Народной республике Монголии. На её границе Япония сосредоточила крупные силы, готовилась к захвату. Конев сделал то, что, казалось, невозможно было. По гористой безводной пустыне Гоби, где ни травинки, ни деревца, ни колодца, а уж тем более - людского жилья, повёл соединения. Двое суток бойцы отмеряли шагами зыбучие пески, прошли

сотни километров, а под утро появились под носом у японцев.

Те не ожидали советских солдат.

На Монголию японцы не пошли.

7

Подобной неожиданностью для фашистов стало появление бронетехники Красной армии на окраине Калинина рано утром 15 октября.

Командир разведки старший лейтенант Золотов на броневике остановился у Горбатого моста – путепровода над железной дорогой. Через Горбатый мост шоссе вело в Торжок.

Ещё два броневика, закреплённые за группой, остались поодаль для подстраховки.

Сергей вылез из люка, достал карту, карандашом принялся наносить пометки.

Неожиданно раздался грохот, снаряд из пушки угодил в броневик, выбил задний мост, броневик просел. Карандаш вылетел у Золотова, а сам он мигом вскочил в люк.

Водитель был легко ранен в руку. Будто из-под земли - из кюветов возникали фашисты, окружали броневик.

Золотов развернул башню и длинными очередями из пулемёта встретил врагов. Они залегли. Следующий снаряд - пушка немцев била прицельно – попал в борт, броневик загорелся.

Старший лейтенант и водитель всё-таки успели выбраться из него.

– Беги! – приказал Золотов водителю, понимая, что от его нагана мало толку, и тот побежал.

В руках Сергея бился автомат, строчил очередями. В горячке Золотов успел увидеть, как немцы взмахивали руками и падали в кюветы.

Выбрав момент, он нырнул в кусты. Пробежал вдоль дороги, за вторым поворотом стояли два броневика.

– Где машина? – первое, о чём ротный спросил Золотова.

Старший лейтенант посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Там вон! – показал Золотов в сторону Горбатого моста. – Видишь?

Оттуда тянул черный дым.

Разведка покатила в окрестности деревни Старо-Калинкино.

Эта деревня находилась в десяти километрах от Калинина, в стороне от Ленинградского шоссе. В её окрестности из Думанова успели подтянуться основные силы 8-й танковой бригады, штаб разместили в соседней деревеньке. Бойцы готовились отдохнуть после марша.

Но, как часто случалось на войне, желание солдат не всегда совпадало с планами командования.

Почти сразу после того, как Золотов напоролся на фашистов, с разницей, может, в полчаса, передовой отряд 46-го полка на подходе к Горбатому мосту тоже наткнулся на вражеские части.

Майор Федорченко доложил полковнику Ротмистрову, что обнаружил немцев.

Быстро обсудив ситуацию с комиссаром и начальником штаба, командир танковой бригады приказал ворваться в город.

Он связался с Ватутиным, прибывшим в Вышний Волочек. Выслушав комбрига, Николай Федорович дал «добро».

– В ваше подчинение переходит 934-й полк, – добавил генерал. – Он рядом с вами, так что действуйте.

Редко бывает так, как мы хотим-задумываем. Чаще что-то – видимое или невидимое путает намерения, изменяя их или вообще отменяя.

На войне тем более...

Командующий бригадой ещё уточнял задания, а немцы уже действовали. При поддержке танков и авиации, напали на передовые батальоны 934-го полка, который Ватутин подчинил Ротмистрову.

Закипел тяжелый для пехотинцев бой на подходе к областному центру. Бойцы не отступали, громили фашистов, но трудно было выстоять против вражеской бронетехники. Надо было выручать свою пехоту. Танковые роты подошли к их позициям.

«Вперёд! – скомандовал Егоров. – Огонь по врагу!»

Вздымая снежную пыль, танки рванулись в ряды пехоты. На ходу, фактически в лоб, расстреливали бронетехнику фашистов. Гул до боли в ушах повис в воздухе. Один за другим задымили восемь машин врага и столько же бронетранспортеров.

Оглушённые внезапностью, оставив около сотни убитых и раненых, гитлеровцы побежали ...

Наш танковый полк не потерял ни одной боевой машины.

8

– Успех надо развить, Александр Васильевич, – связался полковник Ротмистров с майором Егоровым. – Организуйте разведку, уточните, где противник, будьте готовы к новой атаке.

– Вас понял! – отчеканил командир полка.

Комбриг знал, что командир полка – надежный, проверенный в боях, на него рассчитывал без всяких сомнений.

Егоров имел мужицкую хватку, всё делал основательно, обладал завидной смелостью и отвагой. Владел даром танкиста, что называется, от природы. У него был ярко выраженный русский облик: славянские черты лица, открытый взгляд; а сам – крепкий, кряжистый, уверенный в себе.

Родился Александр Васильевич в небольшой деревеньке Владимирской губернии. В мае 1931 года по рекомендации райкома партии в райцентре Собинка Александра направили в Орловское танковое училище, только что созданное.

22 июня 1941 года А.В. Егоров встретил на западной границе, под Львовом в должности начальника штаба полка. Уже в первых сражениях проявил себя способным командиром.

Три месяца боёв закалили майора Егорова. Смерть охотилась за ним, но всякий раз уходил от гибели. Последний случай был под станцией Лычково под Новгородом. Наши соединения наносили контрудар по Демянской группировке фашистов, не давали продвигаться в сторону Ленинграда. В бою танк командира наскочил на мину, лопнула гусеница. Фашисты открыли мощный огонь.

Майор не паниковал, экипаж танка продолжал сражаться. Спас Егорова старший лейтенант С.Доценко, командир роты. Он, маневрируя на поле боя могучим танком «КВ», не подпустил близко немцев к подбитой машине командира полка, а ночью её увёз наш тягач.

... Больше часа ушло у разведки на обнаружение бронетехники врага. Егоров доложил обстановку полковнику Ротмистрову и свой план – расставить батальоны вдоль дорог, в том числе – и Ленинградского шоссе; ликвидировать противника, а затем войти в Калинин.

Ротмистров одобрил, но предупредил, что пушек не будет, противотанковые артиллерийские дивизионы опаздывали.

– Рассчитывайте пока на свои силы, – сказал комбриг. – Выделите несколько танков для стрельбы прямой наводкой по огневым точкам противника. Другого выхода нет.

– Слушаюсь, – чётко ответил Егоров.

– Я выезжаю к вам на наблюдательный пункт, – закончил комбриг. – Сигнал к атаке – три ракеты...

Полковнику не сразу удалось выехать.

Машина вышла из деревни, где располагался штаб, и тут же попала под вражеский налёт – пикировали самолёты, грохотали мощные взрывы, в ближнем лесу деревья выворачивало с корнями…

Ни одна бомба, слава Богу, не угодила в машину, все штабисты уцелели.

После – короткий артиллерийский обстрел, а вскоре зарокотали моторы, танки с крестами на башнях ринулись на позиции нашего пехотного полка. Фашисты без особого труда могли бы рассеять всю пехоту своей бронетехникой.

Но в небе вспыхнули три красных ракеты – сигнал к атаке.

Майор Егоров отдавал короткие команды танковым ротам.

В бой двинулись тяжелые танки «КВ». Делая короткие остановки, они с близкого расстояния расстреливали технику фашистов, два немецких танка сразу задымили. Немцы попытались дать отпор «КВ», окружить их. Но не успели – неожиданно для них с ближних перелесков катили наши «тридцатьчетвёрки».

Полковник Ротмистров как раз прибыл на наблюдательный пункт, увидел, как с флангов разыгравшегося сражения роты «Т-34» окружали врага, полностью владели инициативой. Бронебойные снаряды, выпущенные из пушек «Т-34», легко прожигали броню немецких машин; горели уже более десяти танков, остальные спешно отступали в сторону Калинина.

– Молодцы, ребята, – похвалил полковник. – Дали прикурить немчуре проклятой!

Повиснуть на хвосте у отступающей бронетехники врага не удалось – налетела немецкая авиация, осыпая красноармейцев бомбами, но наши танки успели отойти в перелески, в заранее приготовленные укрытия.

Фашисты упорно рвались по шоссе и лесным дорогам в сторону Торжка.

После налёта авиации тридцать фашистских танков, построенные в форме «ромба», ринулись к деревне Старо-Каликино.

У полковника Ротмистров сразу возник план относительно «грозного ромба».

– Отвлеките их ложным манёвром, – приказал он Егорову, – а главные силы сосредоточьте в засаде. В удобный момент берите фашистов в клещи.

– Есть! – ответил Егоров.

Ещё оставалось некоторое время, чтобы разместить танковые роты в засаде. На этот раз танкистам помогали артиллеристы, успевшие подойти, они замаскировали орудия на опушке ближнего леса.

«Ромб» фашистов вышел на широкую лощину, подступавшую к деревне. Вражеские танкисты не подозревали о ловушке, шли ровно, соблюдая конфигурацию. Подпустив их близко, артиллеристы из укрытий открыли огонь.

С первого же выстрела из противотанкового орудия старшина В. Астахов поджёг головной танк немцев. Его стали обходить другие машины, но тоже попадали под точный огонь орудий, «ромб» прямо на глазах развалился.

Вскоре, выйдя из засады, с обоих флангов ударили пять наших танковых рот.

Закипел страшный танковый бой.

Фашисты метались по лощине, искали путь для отступления, но выхода из огненного мешка не было. Танки горели, взрывались, наезжали друг на друга. Немногим вражеским бронемашинам удалось уйти целыми.

В штабе «оперативной группы» Северо-Западного фронта и в штабе заместителя командующего Западным фронтом понимали – нельзя выпускать инициативу! Соединениям приказали не останавливать наступление.

Ударный кулак «оперативной группы» – 8-я танковая бригада – продолжала преследовать фашистов. Заняли больше село Медное, деревни Поддубки, Черкассы и Но-

вое Брянцево, а через Горбатый мост вышли на западную окраину Калинина.

15 октября бои на разных участках продолжались более шести часов.

На следующий день противостояние с обеих сторон усилилось.

Фашисты подтянули моторизированную дивизию и танковую из 150 машин и штурмовых орудий. Свежие силы заменили 1-танковую дивизию и 900-ю механизированную бригаду СС. При поддержке авиации и десантных частей они двинулись целенаправленно на Торжок, намереваясь быстро овладеть городом.

Прорваться к нему фашистам так и не удалось.

Такого мощного сопротивления, таких контратак фашисты не видели с самого начала своего варварского нашествия на русскую землю.

Мужество советских солдат и офицеров поражало «сверхчеловеков», не укладывалось в их сознании.

Только за 16 октября немцы потеряли 600 солдат и офицеров, 22 танка, 10 бронетранспортёров и 10 орудий. А если сюда добавить 15 октября, то счёт пойдёт уже на тысячи уничтоженных фашистов.

Генерал-полковник И.С. Конев доложил в Ставку, что «авангарды танковой группы генерала Гота на отрезке шоссе Калинин-Медное разгромлены…».

Для ощутимой победы над войсками фон Бока требовались ещё огромные усилия. Их нужно было умело концентрировать и направлять. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандующего 17 октября 1941 года приняла решение о создании Калининского фронта с целью удобства управления войсками на осташковском и ржевском направлениях, а также вокруг Торжка и Калинина.

Командующим фронтом Ставка назначила генерал-полковника И.С. Конев.

Гитлеровцы, однако, считали, что в два жарких дня верх одержали они, а не Красная армия. Немецкое радио

передавало, в частности, сообщение, что «советская 8-танковая бригада разгромлена, а её командир полковник Ротмистров погиб в последних боях...».

Немцы, как всегда, врали!

9

Вход в землянку освежил снежок. Комбат Чайковский вышел из неё на воздух. Александр Феликсович был расстроен. Пришлось пока отложить наступление, намеченное штабом дивизии.

Причина заключалась в следующих обстоятельствах.

Разведка привела из леса двух бойцов 46-го мотоциклетного полка, приданного бригаде полковника Павла Ротмистрова. Накануне вечером, рассказали они, танки, машины с пехотой и броневики фашистов вырвались на шоссе, завязался бой. Поредевший в предыдущих боях наш полк не выдержал натиска немцев, оставил деревню Старо-Каликино, отошёл в лес.

Лейтенант понял: полк, на чью поддержку рассчитывал, фактически был рассеян. Противотанковые батареи своей 133-й дивизии ещё не подошли. В одиночку брать гарнизон врага - большой риск. Александр Феликсович не привык разбрасываться бойцами...

Размышляя и так и этак, он всё же на следующее утро приказал батальону идти в Старо-Каликино.

Комбат рисковал, но надеялся, что артиллеристы подтянутся, брать гарнизон будет легче.

Так оно и получилось.

Батальон шёл лесной дорогой. Ночью морозец прихватил грязь и лужицы, образовавшаяся корка не ломалась под сапогами.

В холодном воздухе послышалась дробь конских копыт, вдали показались всадники.

На подходе к станции Брянцево батальон догнал командир дивизии.

Швецов соскочил с коня, подошёл к комбату.

– Почему задержка с исполнением приказа? – гневно произнёс генерал-майор, сверкнув взглядом.

Чайковский объяснил ситуацию у Старо-Каликино, сказал про отступление соседнего полка.

Не дослушав, комдив бросил:

– Под трибунал захотели!

Лейтенант не заслужил оглушительной оплеухи.

Побледнел, но выдержал испепеляющий взгляд Швецова.

– Товарищ генерал-майор, прошу отложить трибунал на два дня, – спокойно возразил комбат. – Отложите, а там посмотрим, как дело пойдёт, тогда и судите...

Швецов хватил через край – Чайковский был одним из лучших офицеров дивизии.

Грозное «трибунал» в тот период войны то и дело срывалось с языка командиров разного ранга, будто заклинание, будто угроза, чаще всего незаслуженная.

Не удержался и Швецов, хотя сознавал, что идти в бой без противотанковых средств – безнадежно.

– Хорошо, – смягчился комдив, – отложим трибунал.

Обсудили детали операции, и всадники так же незаметно исчезли.

... Пока начальник станции Солодихин подробно объяснял Чайковскому и Щеглову, как незаметно подойти к деревне и шоссе, подбежал Олег, его сын лет пятнадцати.

– Дядя командир, – выпалил, – давайте я и Витя сбегаем в Каликино, всё разузнаем...

Комбат вопросительно взглянул на начальника станции, а Олег и его дружок уже кинулись в дверь, след их простыл.

– Ну, пострелы! – не удержался Солодихин.

Фашисты не «разгадали» разведчиков.

Вернувшись, они рассказали, что успели высмотреть. И пошли проводниками батальона.

Как только солдаты заняли позиции, ребят отправили в Брянцево, подальше от предстоящего боя.

10

Занималось морозное утро, почти зимнее, но бесснежное. В рассеянном слабом свете деревня казалась вымершей. Не было привычных дымков над крышами, никто не торопился за водой к колодцу или к скотине в хлев.

Из крайней избы вышел мужик и потопал под навес за дровами. Рядом росли густые кустарники.

– Эй! – тихо окликнули из кустов.

Он оглянулся, увидел присевшего на корточки красноармейца.

Тот манил рукой, приставив палец к губам: мол, тише, тише…

Всю ночь мужик, не успевший, как другие жители, сбежать в лес, топил немцам печь в избе и в бане. Фашисты несколько раз приставляли ему к груди автомат, чтобы он не вздумал сбежать. Истопник охотно рассказал разведчику, сколько немцев и в каких домах, где у них штаб.

Незамеченный, он вернулся в избу с охапкой поленьев.

Через какое-то время из другой избы высыпали немцы, раздетые по пояс. Пошли к колодцу, доставали воду, обливались, фыркали, смеялись. От колодца до кустов, где сидела разведка, долетала иностранная речь: «Gut! Ser gut!», что означало: «Хорошо! Очень хорошо!».

Один из немцев наигрывал на губной гармошке веселую мелодию, старался создать бодрое настроение. Из открытой двери плыли ароматные запахи – враги собрались

завтракать. Они чувствовали себя в Старо-Каликине хозяевами.

Может, кто-то из фрицев уже прикидывал, что будет единоличным владельцем вот этой самой деревни, и полей, и лесов окрест неё, как обещал фюрер в начале похода на Советский Союз. Не зря же Гитлер позвал на войну. А фюрер, мнилось такому немцу, не обманывал.

***

... Получив от разведчиков точные данные о немцах, находящихся в деревне, их бронетехнике, командование батальона уточняло детали предстоящей атаки.

Младший лейтенант Иннокентий Щеглов, начальник штаба, пришёл к бойцам, проинструктировал командиров стрелковых рот и миномётной роты. Готовился к бою и взвод старшего сержанта Николая Басова. Всё ещё переживая убийство любимой девушки в Торжке, он жаждал отомстить проклятым фашистам за свою Надежду.

Роты были усилены противотанковыми пушками и станковыми пулемётами.

– Внезапный удар – наш козырь, – сказал Щеглов.

Немцы сели завтракать. В этот момент был дан сигнал атаки.

Батальон приготовил фашистам «на завтрак» изысканное меню – из разных мест ударили пушки, миномёты, пулемёты, автоматы. Деревню буквально накрыл шквал огня. Оглушённые, застигнутые врасплох немцы метались от дома к дому, падали под пулями; раздавались дикие вопли, стоны, проклятия. Наконец, обезумевшие от страха, они побежали, бросая оружие. Бежали в сторону соседней деревни Ново-Каликино. За убегающей пехотой покатили танки и бронетранспортёры. Пытаясь увернуться от наших пушек, они сворачивали с дороги, вязли и глохли в глубоких кюветах; некоторые подорвались на минах, которые ночью предусмотрительно поставили наши сапёры.

В начале боя на широком лугу, что раскинулся перед деревней, неожиданно зашевелился большой стог сена.

– Что такое? – удивился кто-то из красноармейцев. – Живой стог?

Догадка подтвердилась.

Из стога, расшвыривая клоки сена, выполз немецкий танк и стал стрелять по нашей пехоте. Хорошо, что рядом оказалось противотанковое орудие. Наводчик – бывалый артиллерист Ян Юлис первым же снарядом попал в двигатель, танк загорелся. Экипаж вражеской машины добили стрелки.

Использовать бронетехнику фашистам так и не удалось.

Батальон под командованием Чайковского взял Старо –Каликино практически без потерь.

Это был уникальный случай на четвёртом месяце войны.

Сибиряки, не давая опомниться немцам, стремительно преследовали их, одним ударом овладели и деревней Ново-Каликино. Два стратегически важных пункта перешли в руки красноармейцев.

Выйдя к Ленинградскому шоссе и частично блокировав его, соединения 133-й дивизии заняли круговую оборону, как и приказывал генерал Конев.

Боевую задачу, поставленную командующим Калининским фронтом, части под началом генерал-майора Василия Ивановича Швецова с честью выполнили.

Её значение, без преувеличения, было великим!

Наши войска вышли в тыл 1-й немецкой танковой дивизии и 900-й моторизированной бригаде СС, которым накануне всё-таки удалось прорвать оборону красноармейцев и дойти до села Марьина в направлении на Торжок. Положение советских войск укрепилось.

Дивизия генерала В.И. Швецова отрезала танки и бригаду СС от основных сил под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока.

Предстояло взять противника «в клещи», расчленить, и уничтожить.

11

После мощных ударов Красной армии в Старо-Каликине и Ново-Каликине фашисты засуетились. Понимая, чем может обернуться блокирование их передовых частей, попытались взломать круговую оборону сибирской дивизии, усилили атаки свежих сил на её позиции.

Со стороны Калинина на Ленинградское шоссе выехала фашистская автоколонна и покатила в направлении на Торжок. Первым её встретил взвод разведки Ивана Кандаурова из батальона Чайковского. Соотношение в живой силе было такое же, как и на подступах к Калинину 14 октября: на одного красноармейца приходилось примерно до десяти фашистов.

Смелый сибиряк – опытный разведчик Иван Кандауров любил всякие выдумки. Он воевал как-то весело, с шуткой-прибауткой, без хмурости на лице и уныния. Не думал о смерти, и пули его не брали.

Он приказал через асфальтовое полотно протянуть провод, а бойцам держать концы; при необходимости они мгновенно натягивали провод.

Колонна приближалась к засаде взвода разведки.

Впереди катил на мотоцикле с коляской офицер, судя по всему, командир. В машинах солдаты играли на губных гармошках, распевали песни.

Кандауров дал сигнал.

Двое бойцов резко натянули провод, как раз перед мотоциклом.

Ударившись о провод, немецкий офицер, будто сдутый ветром, вылетел из сиденья и шлёпнулся на дорогу. Завизжали тормоза следовавшей сзади машины. Она не успела затормозить и смяла мотоцикл в лепёшку.

С двух обочин дороги ударили из автоматов и пулемёта, полетели гранаты. С криками выскакивали немцы из машин и разбегались по кюветам. Придя в себя, фрицы выкатили на полотно легкую пушку, развернули её и

прямой наводкой снаряд за снарядом посылали туда, где укрылись разведчики.

Становилось жарко – головы не поднять.

Иван не был бы Иваном, если бы вынес наглость от врагов.

– Второе отделение за мной, – отдал команду Кандауров.

И, пригибаясь в высокой сухой траве, побежал, за ним – несколько бойцов.

Скрытно, так, что никто не обнаружил, подобрались разведчики к орудию фашистов, в короткой рукопашной схватке уничтожили расчет.

Кандауров повернул против немцев их же пушку. Прицелился.

– Снаряды, живо! – крикнул он.

Иван осыпал фашистов их же шрапнелью из их же пушки.

Немцы, несмотря на потери, значительно превосходили по численности взвод разведки. И не могли простить Кандаурову дерзости.

Кольцо из фашистских автоматчиков сжималось. Солдаты, что пришли вместе с Иваном, были убиты.

Кандауров даже не почувствовал, как ранило в ногу. Оглянулся и увидел – остался один. И всё же нашёл в себе силы, подтащил последний снаряд, втолкнул в ствол и выстрелил.

После гула и дыма наступила тишина.

Фашисты побежали к пушке, полагая, что там нет живых.

Кандауров, собрав остаток сил, встретил их гранатами. Опять ранение, но уже в живот – Иван потерял сознание.

В тот момент, к счастью, подоспели роты пехотного батальона и батареи из противотанкового дивизиона, сходу открыли огонь по фашистам. Их колонна попятилась назад к Горбатому мосту в Калинин.

***

...Товарищи осматривали место, где вели бой разведчики. Очень горевали о потере веселого командира, а больше всех горевал комбат.

Александр Чайковский подошёл к носилкам, где лежал Кандауров, откинул плащ-палатку, наклонился к Ивану, поцеловал и сквозь слёзы проронил: «Прощай, дорогой друг, спасибо тебе! Мы тебя никогда не забудем».

Ивана Кандаурова, снова накрыв, понесли в деревню Рылово. Там размещался медсанбат 133-й стрелковой дивизии. Следом несли и начальника штаба Иннокентия Щеглова, его тяжело ранило.

Да, командира взвода разведки считали убитым.

Но произошло чудо!

С тремя ранениями, потеряв много крови, Иван после операций пришёл в себя, ожил. Выздоровел, вернулся на фронт и до конца войны воевал в разведке. Однополчане, считавшие, что он погиб в боях за Калинин, узнали об этом только тогда, когда на родную землю пришёл мир.

Таких подвигов в тот день были десятки на разных позициях 133-й дивизии. Фашистам не удалось прорвать оборону и придти на выручку к отрезанным частям.

В расположение дивизии приехал командующий Калининским фронтом генерал-полковник Иван Степанович Конев. Он узнал о боях. Фашисты потеряли около трехсот солдат и офицеров. Батальон захватил три вражеских танка, десятки автомашин и мотоциклов, много оружия. Взял пленных. И два штандарта Гитлера.

– В народе не зря говорят, не так страшен чёрт, как его малюют, – обратился генерал к бойцам и офицерам. – Спасибо вам! Дали по зубам фашистам. Пусть знают: хода им нет, дорога у них одна – «цурюк», то есть, назад...

Конев пожал руку Чайковскому и командиру полка полковнику Мультану.

Обратившись к нему, спросил:

– А почему это у вас, товарищ Мультан, командир батальона в лейтенантах ходит?

Полковник принялся объяснять. Генерал перебил его:

– У вас есть шинель?

– Есть, в машине, товарищ командующий.

– С вашего разрешения я у вас кое-что позаимствую, – попросил генерал.

Командир полка не возразил.

Адъютант Конева принес полковничью шинель.

Генерал снял с погон Чайковского «кубари» и прикрепил к петлицам по «шпале», которые снял с шинели командира полка.

– Вот теперь порядок! – усмехнулся командующий фронтом.

И обратился к собравшимся:

– Командиру 2-го батальона 133-й дивизии Александру Феликсовичу Чайковскому присвоено звание капитана Красной Армии.

12

Из Вышнего Волочка командующий «оперативной группой» добирался в расположение подчинённых ему частей ночью. Отмотал больше двухсот километров в сторону Калинина. Ранним утром, приминая легкий снежок, вездеход генерала подошёл к нашим танкам. Ватутин направился к дому, где находилось командование 8-й танковой бригады.

– Здорово, мужики! – сказал генерал, раскрасневшийся на морозе.

Офицеры встали!

– У вас найдётся что-нибудь поесть? – спросил Ватутин. – Проголодался сильно!

Ротмистров удивленно взглянул на него.

– У тебя есть что? – повернулся полковник к адъютанту.

– Баночка консервов осталась, – ответил тот. – Больше ничего нет.

– Одной баночкой разве наешься! – пожал плечами Ротмистров.

Нашёлся командир разведки – старший лейтенант Сергей Золотов.

– Товарищ генерал, – обратился он, – мы уток сварили в большом чугуне, они ещё теплые.

– Ещё тёплые утки говоришь?

– Да, пока не остыли. Если желаете, товарищ генерал, – продолжал Сергей, – проходите сюда.

– Утки так утки, не откажусь, – согласился он.

Николай Фёдорович, будто на сцене, засучил рукав, запустил пятерню в чугунок, достал утку, с которой стекал жир, и, устроившись за столом, принялся за неё.

– Откуда у вас пернатые взялись? – спросил у Золотова.

– Рядом находится птицеводческий совхоз, – охотно объяснял тот. – Уток там видимо-невидимо. Мы подошли, а сторож говорит: «Ребята, берите, сколько надо, ешьте, а то фашисты придут, всё сожрут...». Ну, мы и набрали сколько смогли унести...

Разведчик чувствовал себя легко в общении с Ватутиным.

Николай Федорович любил юмор.

– Может, запасти уток впрок на всю бригаду? – предложил Ротмистрову.

Офицеры засмеялись.

– Нет, не стоит, – ответил полковник. – Больно жирные утки. Бойцы с них растолстеют, в танк не будут влезать...

– Тогда не стоит! – кивнул Ватутин.

Выпили по кружке густого чая.

Начался военный совет, его вёл Н.Ф. Ватутин.

Обсуждали немцев, которые прорвались к Марьину.

Золотов вспомнил засаду в кустах. Наблюдал, как по шоссе проследовали в сторону Марьина три группы не-

мецких танков по восемь в каждой. Не исключено, что и прежде в том же направлении прошла их бронетехника. На головном танке был открыт люк. В полный рост стоял офицер, на голове – чёрный берет, одет в чёрную куртку и белую рубашку с галстуком.

Фашист ехал, будто на парад, не хватало только духового оркестра.

Сергею сильно захотелось снять его автоматной очередью, но нельзя выдать разведку. «Эх, – вздохнул Золотов, – сюда бы дивизион артиллерии, расчехвостили бы их танки в пух и прах…».

Неожиданно генерал повернулся к Золотову.

– Ты здесь самый младший, поэтому будешь говорить первым, – предложил. – Послушаем, что думают младшие офицеры.

– Нет, товарищ генерал, я не могу, – встал Золотов. – Я – маленькая сошка. Я для военного совета не готов. Я приехал к полковнику Ротмистрову за указаниями для командира дивизиона.

– Говори хоть глупость, – нажал Ватутин на разведчика.

Золотов понял, что ему не отвертеться.

– Хорошо, скажу моё мнение. Немцы берут нас на арапа. Они ходят только по шоссе, боятся просёлочных дорог. Пройдут один мост в Медном через Тверцу и остановятся в Марьине, а второй мост в Марьине через речку Логовежь проходить не будут, чтобы не увеличивать для себя риск. Два моста – два риска…

– Да ну его, чепуху городит! – вставил Ротмистров. – Риски какие-то придумал!

– Подожди, Павел Алексеевич, – возразил Ватутин. – Мы с тобой живём старыми понятиями, мы их навоевали в другое время, а он воюет в первый раз, приобретает новый опыт. Золотов, может быть, и прав…

Ободрённый генералом разведчик добавил:

– Думаю, в ближайшие два дня немцы из Марьина не пойдут на Торжок, потому что мы висим у них на хвосте,

а будут стягивать силы для решающего удара по Торжку. Прорвавшимися силами им город не взять.

– Может и так, – продолжал вести военный совет генерал Ватутин. – Во всяком случае, твое мнение, товарищ Золотов, мы учтём.

Генерал поочередно выслушал других офицеров.

– Командующий войсками Калининского фронта генерал-полковник Конев приказал оперативной группе, – заключил Ватутин, – нанести контрудар по соединениям врага в Марьине и в Медном, уничтожить танковую дивизию противника и механизированную бригаду СС. Нам на помощь из Осташкова через Торжок подошла 183-я стрелковая дивизия, остановилась в 16 километрах от Марьина. Генерал Конев усилил 133-ю дивизию артиллерией и бронетехникой. Будет и авиация – выделено до двадцати самолётов…

Николай Фёдорович принялся очерчивать предстоящее сражение, называл направления атак, движение частей. Особо он выделил преимущества оперативной группы. Фашистские войска растянулись по Ленинградскому шоссе. Редкий шанс – окружить их с трех сторон и ударами с разных направлений уничтожить.

Это и был план «марьинских клещей». Фашисты, которым удалось просочиться через них, вспоминали об окружении, будто об адском кошмаре.

– Приказываю приступить к выполнению боевых задач, – заключил генерал.

Полковник Ротмистров снял очки, посмотрел на Ватутина.

Без очков и генерал, и собравшиеся офицеры показались ему какими-то кульками. Он снова надел очки. Невозмутимость комбрига сменила тревога.

– Товарищ генерал, выделите несколько новых боевых машин, – попросил полковник. – Сами знаете, какая у нас тяжелая ситуация.

Ватутин пообещал.

13

Командир 8-й танковой бригады имел серьезные основания для беспокойства. Он не мог допустить, чтобы боеспособность рот и батальонов упала ниже планки, которую обычно ставил для подчинённых. Ситуация была тяжёлая.

Трое суток боёв днём и ночью сильно вымотали бригаду.

Фашисты имели превосходство в бронетехнике. И бригада, несмотря на мужество и находчивость бойцов и командиров, понесла потери. Почти половина танков вышла из строя, требовала ремонта. Три машины сгорели в сражениях. На Горбатом мосту в Калинине немцы захватили подбитый броневик и сожгли вместе с экипажем, им командовал младший лейтенант И.Червоткин.

Враги прорвались к деревне Малица. В ней временно стоял штаб, в бою погиб начальник штаба майор Михаил Любецкий. Танкисты любили его и очень горевали...

Тяжело ранило командиров двух танковых рот. Да и в танк командира полка угодил термитный снаряд, водитель-механик погиб. Фашисты уже окружали машину. Егорова выручили от неминуемого плена три подоспевших легких танка из стрелкового полка. Александр Васильевич получил контузию, но от медсанбата отказался.

Были и другие утраты.

Так что 17 октября, уже уходящее в историю, выдалось самым тяжелым для тех соединений полковник Ротмистрова, которые защищали дороги на Торжок. Невозможно себе представить, но это потрясающий факт: за светлую часть коротких осенних суток танковая рота старшего лейтенанта П. Недошивина отбила 30 (!) атак фашистов, крушила их технику и пехоту. Недошивина ранило. Командование ротой взял на себя политрук Тарасов. «Будем драться до последнего, – сказал бойцам, – но не пустим фашистов на Торжок».

И повёл роту в бой.

Целый день на большом пространстве с лощинами, перелесками, болотцами, лесными тропами и главной в Советском Союзе автомагистралью гудели танки, бронетранспортёры, автомашины, гремела пальба, рвались снаряды, мины и бомбы. Дым, чад застилали всё вокруг – нескончаемая огненная круговерть…

Фашисты подтягивали в направлении на Торжок всё новые и новые силы. Бросили в бой 6-ю танковую и части 36-й моторизированной дивизий.

У Красной армии резервов, к сожалению, не было. В полку у майора Егорова оставалось два десятка исправных машин. Продолжать полноценные бои было рискованно. Стремясь избежать окружения, полк оставил деревни Старо-Каликино, Поддубки и село Медное.

Отходя, танкисты наносили урон врагу. Взвод машин «Т-34», им командовал лейтенант Фёдор Логинов, прикрывая отход, уничтожил шесть орудий, пять миномётов, десять машин с боеприпасами и положил на поле десятки солдат и офицеров…

***

С наступлением темноты, желая сохранить боеспособность бригады и дать отдых людям, полковник П.А. Ротмистров приказал отступить за реку Тверцу. В тоже время оставили контроль над шоссе. По обе стороны вкопали танки с повреждёнными моторами. Машины могли стрелять прямой наводкой, были своеобразными крепостями.

– Правильный ход, – поддержал комбрига разведчик Сергей Золотов. – Фрицы ждут, что полезем на них, пойдём на рожон – фиг им!

Предприняли маневр «обман». На линии фронта гудели наши трактора-тягачи, якобы, показывая, что идёт перегруппировка сил.

Фашисты, похоже, клюнули на «приманку».

Бригада отошла в сторону Лихославля, остановилась в двенадцати километрах от Марьина.

Короткая передышка выдалась для бойцов, можно было привести в порядок неисправные танки.

Донесение об отходе, которое послал комбриг Ротмистров командующему фронтом, вызвало у генерала И.С. Конева негодование.

Полковник обосновал маневр: бригаду в светлое время суток бомбила авиация немцев, правый фланг был открыт, поэтому немцы прорвались в Медное, а у Марьина захватили вторую переправу через реку Логовежь.

Конев расценил действия комбрига как невыполнение боевого приказа, самовольный уход с поля боя. Потребовал от генерала Ватутина, чтобы тот немедленно арестовал Ротмистрова и предал военному трибуналу.

Опять это словечко – трибунал!

Ватутин, зная крутой нрав Конева, а также обстановку в зоне боев, попытался как-то смягчить ситуацию, понимая, что для трибунала нет оснований. Он приказал полковнику без проволочек ударить на Марьино и Медное, добавил ещё: «Пора кончать с трусостью!».

«Ну, вот, – усмехнулся Павел Алексеевич, когда получил приказ. – Я уже докатился и до звания труса!».

Всё же полковник, наступив на самолюбие, повинился перед командующим фронтом за допущенную вольность, пообещал, что такое больше не случится.

Конфликт уладили.

В дальнейшем Ротмистров, действительно, не показывал свою самостоятельность. Хотя порой она важнее самого важного приказа. Полковник старался следовать известному правилу великого русского полководца Александра Васильевича Суворова: «Побеждать не числом, а умением». Сохранение вверенных солдат и офицеров было для Павла Алексеевича первым законом на войне.

Чтобы отвлечь фашистов уже на новом месте дислокации, в наступившей ночи по распоряжению полковника

жгли костры на опушках лесов, тарахтели трактора, обозначая ложный район, где как бы была бригада.

Немецкая разведка, тоже не дремавшая ночью, фиксировала «передвижения».

14

Наступило новое октябрьское утро. До восхода солнца ещё оставалось время. Соединения 8-й бригады в темноте построились для марша. Накануне сделали запасы боеприпасов и горючего. Удалось часть танков отремонтировать, а также получить несколько машин из резерва. Вместо выбывших по ранению командиров рот назначили новых, но уже имевших опыт сражений.

Танкисты находились в полной боевой готовности.

Холодный туман низко стелился по неубранным полям и нескошенным луговинам. Подмороженная дорога вела к Марьину. Наполняя округу гулом, шёл полк майора Егорова.

Скрываемые туманом, танки приближались к селу.

У кладбища остановились. Перед селом лежало большое поле. Стали уточнять местонахождение немцев. Туман уже поредел и Марьино просматривалось. Места, где скучилась бронетехника и пехота противника, являли удобную мишень. Немцы ждали русских на Ленинградском шоссе со стороны Калинина. Егоров вышел им в тыл с другой стороны.

Он увидел в бинокль, как из центра села выдвигалась головная колонна. Немецкие танки направлялась к мосту через реку Логовежь, а затем – на Торжок.

Колонна выкатила на поле, отделявшее село от кладбища.

Наступил удобный момент для нападения.

– Приготовиться к атаке, – скомандовал майор. – Вперёд!

Танки пошли по полю, охватывая неприятеля с двух сторон.

Немцы не успели развернуться, получили мощный внезапный удар. Несколько танков сразу загорелись. Танковые роты поддерживала артиллерия, а в небе загудели советские штурмовики.

Бронетехника фашистов, не выдержав натиска Красной армии, быстро откатывалась назад, в сторону села. Несколько машин всё же успели выскочить на Ленинградское шоссе. Они попытались уйти в сторону Медного, но далеко не уехали.

Танки Егорова продолжали бой. В это же время из деревни Погорелово вышли батальоны 183-й стрелковой дивизии под командованием генерала К. В. Комиссарова, напали на части бригады СС, развили наступление на Марьино. Вместе с дивизией действовали и бойцы отдельной мотострелковой бригады. Так было сломлено и сопротивление немецкой пехоты.

Пехотинцы-фашисты бежали по шоссе, бросали оружие. С севера и юга подразделения бригады СС окружали соединения оперативной группы – враги попали «в клещи».

Операция вступила в заключительную фазу – ликвидация гитлеровцев.

Через два дня ожесточённые бои переместились в Медное. Захватив мост через реку Тверцу и перейдя на южный берег, подразделения 8-й бригады атаковали гарнизон. Захват села вместе с танковыми ротами осуществляли и подразделения 133-й сибирской дивизии.

Фашисты рассчитывали встретить танки Ротмистрова оттуда, где ночью горели костры, а они пришли с другой стороны.

Немцы открыли беспорядочный огонь из пушек, минометов, пулемётов, но их стрельба ничего не меняла. Инициатива полностью была у красноармейцев. Они стреми-

тельно охватывали Медное в клещи, как это было сделано в Марьине.

Танки из батальона капитана Гуменюка на большой скорости ворвались в центр Медного. Сметая врагов, пошли дальше, захватили Ленинградское шоссе. Прямо на улицах немцы бросили семь танков, зенитную установку и 17 пушек.

В самый разгар боя (фашисты ещё отчаянно сопротивлялись) танк командира полка остановился на центральной улице. К Егорову подъехали Ротмистров и офицеры из штаба фронта. Послышался вой бомбы, немцы, используя авиацию, пытались отыграть ситуацию.

Раздался взрыв, треск, а на плечи Егорова упала рама, вылетевшая из окна здания.

– Комбату – за взятие Медного вместо лаврового венка, – пошутил кто-то. – Хорошая награда!

Офицеры засмеялись.

К 14 часам 19 октября крупное село полностью очистили от гитлеровцев.

Подошла пожилая женщина и повела и повела бойцов на окраину к сараям и ригам. В холодных помещениях томились 500 пленных красноармейцев, их фашисты не успели угнать в Германию.

Выпущенные из неволи, солдаты плакали от радости, обнимали освободителей.

Ещё была страшная находка.

На дальней улице стоял закопчёный от дыма танк «Т-34» с закрытым изнутри люком.

Историю экипажа знали очевидцы.

Тогда полк Егорова первый раз наступал на Медное. Один из экипажей вырвался вперёд. Он крушил всё на своём пути – поджёг танк фашистов, смял в лепёшку противотанковое орудие, сокрушил автомашину, врезался в боевой порядок врага. Танк наступал не один – рядом была машина старшего сержанта Николая Тарасова, но её вскоре подбили.

Наводя ужас на фашистов, вырвавшийся танк продолжал свой таран. Но в гусеницу угодил снаряд. Фашисты подбежали, кричали: «Рус, сдавайся!». В ответ – очередь из пулёмета, фашисты отшатнулись.

Обозлённые враги притащили солому, хворост и подожгли «Т-34». Наши танкисты пели в машине, объятой огнём…

Вскрыли люк. Трупы членов экипажа сильно обгорели, их не опознать. Не сохранились и документы. После тщательного осмотра, правда, удалось найти полуобгоревший комсомольский билет на имя старшего сержанта Ивана Фёдоровича Костюченко.

Он и был командиром экипажа.

Членов экипажа Ивана Костюченко похоронили как героев.

***

Убегая из Медного, отдельные подразделения 1-й танковой дивизии немцев скопились в перелесках у Даниловского болота, между деревнями Щербово и Черкассы. К вечеру их окружили части оперативной группы генерала Н.В. Ватутина. Закипел бой и шёл всю ночь. В страшном ночном сражении наши уничтожили десятки немецких танков, а общие потери фашистов в тот день в Марьине и Медном исчислялись сотнями солдат и офицеров.

Центральная военная газета «Красная Звезда» писала: «Генерал-майор Швецов блестяще выполнил поставленную перед ним задачу: нанести удар во фланг немецкой группировке прорыва, развившей успех вдоль Ленинградского шоссе на северо-запад. Под ударами наших войск неприятельская группа была разрезана на две части, а её авангарды почти полностью уничтожены. Главные силы врага оказались запертыми в Калинине на длительный срок. В боях под Медным противник оставил на поле боя до 1000 солдат, 200 мотоциклов, до 30

танков, 15 орудий, много автомашин и других трофеев. Это был наш серьёзный удар по врагу на Калининском направлении».

Отойдя в сторону Калинина, остатки немецких частей ещё продолжали контролировать малый отрезок Ленинградского шоссе. В деревнях Ямок и Слобода, окопались, пытались создать линию обороны. Это им так и не удалось. Танки из бригады Ротмистрова и соединения 185-й стрелковой дивизии, ею командовал подполковник Константин Виндушев, действуя вместе, в следующие два дня размолотили немцев и здесь. Лишь незначительная число их сумело вырваться из «мясорубки» и окольными путями пробраться в расположение армий «Центр».

15

Генерал-фельдмаршал фон Бок, только что потиравший руки в связи с взятием Калинина, нервничал. Офицеры штаба должны были отослать в Германию ворох похоронок, а также писем о тех, кто пропал без вести…

Хваленый фон Бок понимал, что с треском проигрывал сражение за Торжок.

Фельдмаршал пытался спасти дивизию танков и бригаду СС. По его приказу из Калинина вышла 129-я пехотная моторизированная дивизия. Генерал усилил её танками и артиллерией. Она должна была прорвать нашу оборону и вывести из « клещей» остатки бронетехники и живой силы.

Дивизия вышла на Ленинградское шоссе и устремилась на Торжок.

В штабе Калининского фронта получили информацию

Командующий сразу связался с командиром 133-й дивизии.

– Как обстановка, Василий Иванович?

– Товарищ командующий, немецкие части окружены, разрезаны надвое, – докладывал комдив. – Авангарды практически уничтожены. Идут бои по ликвидации всей группировки. Дожимаем вместе с Ватутиным…

– Хорошо, хорошо! – похвалил Конев. – Сибиряки не подвели! Молодцы!

– Куда уходят немцы? - уточнил командующий.

– Бегут на правый берег Волги, – ответил генерал. – Будем стараться перерезать им путь для отступления...

– Главное – не пропустить подкрепление, – озадачил Швецова командующий. – Немцы послали новую дивизию на Торжок, как раз на ваши позиции. Их надо остановить и ликвидировать.

– Вас понял, товарищ командующий, – ответил Швецов. – Примем меры.

– Желаю успеха! – Конев положил трубку.

Швецов отдал необходимые распоряжения.

Была усилена оборона в деревне Поддубки и вокруг неё. Через деревню проходило Ленинградское шоссе, сюда могли подойти свежие силы фашистов.

Перед деревней бойцы стрелкового батальона старшего лейтенанта В.Маловичко заняли обочины шоссе и стали окапываться.

Шли миномётчики старшего сержанта Николая Басова.

– Вон взгорок у леса, там удобно, мины оттуда будут лететь прямо на немцев, – предложил Николай командиру роты.

Миномётчики прошли подальше от бойцов Маловичко и стали устраиваться.

Подкатили пять танков от полковника П.А. Ротмистрова. Видя некоторое разочарование Маловичко малым количеством бронетехники, командир оправдывался:

– Ребята, не обессудьте, всё, чем богаты. У нас один танк идёт за три, то есть бьёт три немецких.

Комбат прогнал хмурость с лиц:

– Так-то пойдёт! Хорошо, а то подумали, из Медного вам не вырваться…

Пулемётчики, зенитчики, сапёры и другие занимали выгодные позиции.

Подтянулся и артиллерийский полк. Он располагал, кроме привычных «сорокопяток», взводом новых противотанковых пушек – 76-миллиметровых. Они обладали большой пробивной силой и большей скоростью снаряда.

Кстати, на другое утро получилось так, что именно взвод новых орудий этого артполка первым встретил врага.

Накануне командир батареи Хлыстов по телефону позвонил взводному, старшему сержанту Баринову:

– В поддержку подойдут наши танки.

– Понял, – ответил взводный.

– Смотри, не перепутай с немцами, – предупредил на всякий случай командир.

– Не перепутаю, – ответил старший сержант.

16

На рассвете Баринов поднялся на наблюдательный пункт, неторопливо осматривал местность.

Обзор был отличный. Навёл бинокль на проселок и увидел танки. За ними тянулась пехота. Не удалось различить, чьи же танки? Старший сержант решил уточнить у командира батареи.

Ещё раз поднёс бинокль к глазам. И отчётливо увидел на башнях чёрные кресты.

Баринова бросило в жар.

– Взвод – к бою! – громко скомандовал.

Шли шесть танков. Верхние люки открыты, враги никого не опасались. Остановились, повернули пушки и вы-

пустили несколько снарядов по деревне Поддубки – без всякой цели. Похоже, для страха.

Развернувшись, ринулись на артиллеристов.

Их встретил пушечный залп, другой, третий…

Два подбитые танка задымили, следом загорелся третий...

Фашисты, взбешённые внезапным огнём, лихорадочно искали расположение пушек. Когда обнаружили, открыли стрельбу. Один из наших расчётов замолчал.

Баринов побежал туда и увидел мёртвого наводчика. Командир орудия был ранен. Сюда шли немецкие автоматчики. Старший сержант встал за пушку, припал к панораме:

– Шрапнелью!

Снаряд угодил в гущу автоматчиков, немцы рассеялись.

На соседний расчёт катили два танка. Один гудел уже в нескольких метрах от орудия, где стоял Баринов. Раз за разом он послал два бронебойных снаряда в бак с горючим, танк загорелся; соседний расчет зажёг вторую машину.

Немцы попятились, на подходе к деревне горели их танки.

В нашем взводе ранило командиров двух артиллерийских расчётов, убило несколько наводчиков, понес потери и взвод пехоты. Старший сержант вызвал из леса несколько ездовых, приказал им оставить в лесу лошадей и повозки, назначил ездовых на место убитых солдат.

Баринов связался с миномётчиками и попросил, чтобы усилили огонь по наступающим фашистам.

– Поддержим, – ответил старший сержант Басов. – Мин достаточно.

Пришлось ждать недолго.

Фашисты появились в том же порядке.

Впереди танки, опять шесть, сзади автоматчики, за ними – лёгкие пушки. Расчёты взвода с первых залпов подбили три танка. А чётвертый, экипаж которого, види-

мо, уже озверел, на большой скорости напролом рванул на нашу пушку, смял её, раздавил бойцов, но не успел далеко уйти, занялся огнём – в него попали бутылки «с горючкой».

Басов поддерживал бой с высотки.

Мины накрывали пехоту немцев, прижимали к земле, отсекали от бронетехники.

– Вот вам, гады! – крикнул старший сержант. – Получайте…

Обнаружив миномётчиков, враги перенесли огонь на них.

Осколком снаряда, выпущенного из танка, ранило в правую руку Басова, от боли он потерял сознание.

Получив отпор на шоссе, немцы пробовали наступать просёлочными дорогами вдоль или в обход.

На и там сибиряки не пропустили их.

К вечеру генерал-майор Швецов доложил командующему Калининским фронтом: оборона удержана, фашисты отошли к Калинину и уже, по его мнению, вряд ли сунутся на Торжок.

В следующие два дня остатки немецкой 1-й танковой дивизии и бригады СС были окончательно ликвидированы.

17

Гитлер в своём Берлине после донесения о разгроме 1-й танковой дивизии и бригады СС под Торжком пришёл в бешенство.

Через два дня Торжок должен был быть у него в руках, а тут – удар в зубы.

Бешенство Гитлера сменил лихорадочный поиск мер по исправлению положения и захвату Торжка.

Спешно с других фронтов сняли три пехотных и одну

моторизированную дивизии и перебросили под Калинин.

Изрядное количество живой силы и боевой техники, если учесть, что дивизия фашистов в зависимости от назначения насчитывала от 12 до 20 тысяч военнослужащих.

Манёвр Гитлера не повлиял на фронтовую ситуацию на Верхней Волге.

Попав в «клещи Конева» в Марьине и Медном, фашисты побоялись снова идти туда.

Они открыли «второй фронт» – раскручивали наступление на Торжок со стороны Ржева и Старицы, а также районного центра – посёлка Высокое.

Командование Калининского фронта и здесь упредило их.

Соединения 29-й армии генерала И.И. Масленникова, как бы и кто бы ни судил его задним числом, всё же исполняли приказ И.С. Конева, чего требовали законы войны.

Ударные полки переправлялись на правый берег Волги севернее Старицы. Известный в 29-й армии сапёрный батальон быстро и умело ладил переправу.

Движение заметили фашисты. Понимая, чем грозит выход в их тыл красноармейцев, немцы взорвали дамбу в районе озера Волго в окрестностях Селигера, недалеко от Селижарова. Хлынули воды в Волгу, её уровень резко подскочил и достиг более двух метров. Поднявшаяся река смыла штурмовые мостики и подручные плавучие средства, придуманные сапёрами. На другой берег переправляться стало сложно, но большинство подразделений дивизии успели.

Фашисты обнаружили переправу, бросили туда два батальона и авиацию. Начался бой, который шёл почти весь день, но не принёс успеха врагам.

Через какое-то время к переправе подъехал командующий 29-й армией, а с ним и дивизионный комиссар К.А. Гуров. Из того, что они увидели, стало ясно: перекинуть на другой берег танки и артиллерию не выйдет. Это приведёт к ненужным потерям.

– Приказываю прекратить переправу, – скомандовал Масленников. – Ставлю задачу тем, кто переправился – наступать на Калинин, захватить аэродром в Мигалове, взять мост через Волгу на Торжок, а основным силам двигаться по левому берегу.

Когда он уехал, немцы, объединив несколько гарнизонов, попытались сбросить в холодную Волгу наши части, перешедшие на правый берег. Двое суток – 18 и 19 октября – шла схватка у деревень Кунилово и Редькино. Фашисты потеряли двести с лишних солдат и офицеров, оставили на поле боя много оружия, но оттеснить к берегу наши полки не смогли.

Уничтожив фашистские гарнизоны, соединения 246-й дивизии пошли вперёд, брали под контроль большие и малые дороги, которые вели в Торжок.

Бойцы батальонов и рот, как и солдаты сибирской дивизии В.И. Швецова, совершали подвиги. Большое село Даниловское, расположенное на трассе Ржев-Калинин, фашисты превратили в опорный пункт. Оно переходило из рук в руки. Враг нёс большие потери.Только 27 октября красноармейцы уничтожили 350 солдат, 26 грузовиков, два танка, два склада с боеприпасами.

«В течение шести суток активные наступательные действия 246-й стрелковой дивизии, усиленной одним полком 243-й дивизии и одним спешенным полком 46-й кавдивизии, ожидаемого успеха не дали. Даниловское нами четыре раза захватывалось, но удержать не смогли… В полках осталось по 150-170 штыков», – докладывал генерал-лейтенант И.И. Масленников командующему фронтом И.С. Коневу.

Немецкие части, наступавшие от Старицы и посёлка Высокое, были остановлены на линии сёл и деревень: Упирвичи – Мартыново – Стружня, примерно в 25-30 километрах от Торжка. Вскоре их вынудили отступать.

Фашисты так и не смогли взять город и со стороны Ржева.

18

Так завершилась тяжелая, но победоносная операция Красной армии под Торжком. Она явилась началом разгрома варваров под Москвой, изгнанием их с родной земли. Трудно вообразить, как бы изменился ход войны, если бы гитлеровцы захватили древний город.

Наверняка, тогда бы, на какое-то время, возможно, пала и сама Москва. Окружить столицу с севера, если бы взяли Торжок, немцам не составило бы особых усилий

Но всего этого не случилось!

Значение разгрома немцев под Торжком было, без всякого преувеличения, огромным. Весть о нём пролетела по всей Красной армии, радуя бойцов и офицеров, вселяя в их души надежду в неизбежный крах 3-го Рейха.

Победа имела и стратегические последствия.

Была снята опасность удара войск Гитлера в тылы Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов. Фашисты, потерпев поражение, отказались наступать на Север, как планировали, и вынужденно перешли к обороне по всему Калининскому фронту.

Он приковал к себе 13 дивизий, которые Гитлер не смог передвинуть близко к Москве.

***

Поздно вечером в штаб 133-й дивизии в деревне Рылово позвонил командующий Калининским фронтом.

– Приятная новость, – сообщил Конев. – Верховный Главнокомандующий отметил успехи вашей дивизии. Поздравляю, Василий Иванович! Товарищ Сталин просил передать сердечное спасибо всему личному составу дивизии и Вам лично за выполнение боевого задания.

– Служу Советскому Союзу! – отчеканил Швецов.

В мрачном, наполненном горем октябре 1941 года, почти никого не награждали. Операция под Торжком стала

исключением. 88 танкистов из 8-й бригады были отмечены орденами и медалями, а их командир, полковник П.А. Ротмистров получил высшую награду СССР – орден Ленина.

Орденом Красного Знамени наградили генералов В.И. Швецова и Н.Ф. Ватутина.

У замечательных полководцев позже были другие сражения, другие победы.

Но эта – «Марьинские клещи» – помнилась долго…

Пожалуй, всегда!

2013-2019 гг.

Геннадий САЗОНОВ

СУЖЕНЫЙ

Русская деревня в годы войны

БАБУШКА ВАРЯ

Черные косы, расплетённые с вечера, разметались по подушке, щеки зарделись, будто плеснула на них нежным теплом зорька, заглядывая в окошко.

– Вставай, милая, – тихо звала бабушка Варя. – Вставай, ягодка!

В сумраке избы голос любимой бабули звучал ласково, настойчиво.

– Пора, моя касатка, поднимайся, пойдём в храм.

Она внимала словам бабули. Даже чувствовала, как мягкая ладонь гладила её по темени, но не могла откликнуться - сон не выпускал из объятий. Всё же услышанное текло в сознание, и девушка вдруг резко открыла глаза.

Клава откинула ватное одеяло, села на кровати, подпёрла кулачком подбородок, будто ожидала увидеть бабушку Варю и ещё поговорить с нею. Но поняла, что бабуля приходила к ней из небытия, из неведомой дали – только во сне.

Ведь бабушки Варвары давно уже не было на белом свете.

Да и её отца Ефрема Анатольевича тоже давненько отвезли на кладбище. Клава запомнила, как всё это случилось. Ефрем Осокин родился в деревне Чурово, тут и вырос, тут, повзрослев, завел семью, взял в жену красавицу и скромницу Софию, свою же деревенскую. У них народилось пятеро детей. Он был мужик справный, опрятный, работящий, уважаемый сельским миром. От деда Игната, слывшего в округе мастером на все руки, внук Ефрем унаследовал кожевенную мастерскую.

Клава ни разу не видела деда Игната, потому что отошёл в мир иной ещё до её рождения.

Ну, а мастерская, где отец выделывал овечьи и коровьи шкуры (после выделки и сушки сдавал их сборщикам сырья, те специально приезжали к нему в деревню) и стала причиной преждевременной смерти. Когда в Чурове, которое было скрыто от бурь революций и войн лесами да озёрами, принуждали народ в колхоз, Ефрем Анатольевич наотрез отказался.

Жена сильно разволновалась.

– Как бы через твой отказ вступать в колхоз беды какой не случилось, Ефрем, – засомневалась она в поведении мужа.

– Ничего, проживём и на шкурах, – успокоил он Софию Алексеевну. – Да, и земли у нас полно, целый надел, вырастим всё своё. Не помрём с голоду и детей прокормим. А то, понимаешь ли, как это, я должен свою собственную скотину отвести со своего двора и сдать куда-то? Нет, не поведу.

Жена, поразмыслив, согласилась с ним.

Но самостоятельного существования Ефрему Анатольевичу не позволили представители власти, нагрянувшие в Чурово.

Они приехали, в числе их были и вооружённые люди, конфисковать имущество у Осокина.

Разговаривали с хозяином коротко – отобрать мастерскую, и точка. Без причин, без суда, по одной «революционной необходимости». Несправедливость властей болью полоснула по сердцу Ефрема.

Кланя, тогда ещё маленькая, видела, как отец шёл по деревне, вдруг взмахнул руками и упал. Она как раз играла с подружками на дороге.

– Беги, Кланя, за мамкой, – закричал ей старший брат Иван, оказавшийся неожиданно возле упавшего отца, а скорее всего – он шёл за ним следом от мастерской. – Зови её быстрей, видишь, тяте совсем плохо. Беги скорей!

Дочь вприпрыжку понеслась к дому. Задыхаясь, вскочила в сени, со страхом выпалила:

– Мама, мама, тятька на улице упал, тебя зовут...

София Алексеевна, как была в фартуке, доставала обед из печи, так и бросилась из дома. Бежала, заглушая тревогу, но уже не застала Ефрема в живых. Лекари после назвали причину – с Ефремом случился сердечный приступ.

Клава, вспомнив о смерти отца, всхлипнула.

Откинула волосы на плечи, опустилась в тишину избы.

Тикали ходики на стене, доносилось ровное дыхание Софии Алексеевны.

Теперь они остались вдвоём – Клавдия и мать. Всех братьев - Ивана, Павла и Дмитрия - забрали на войну, а сестра Валентина ушла на заработки в город.

Как они там на войне? Что с ними? Клава не знала, письма от братьев приходили редко, а в последние два месяца не было ни одной весточки.

Клаве стало грустно, тоскливо, она тихо заплакала.

Тёплые слезы стекали по щекам, попадали в уголки губ, девушка чувствовала их солоноватый вкус.

И опять вспомнила бабу Варю, пришло на ум, как однажды говорила, утешая её:

– Плакать без какой-либо причины, ягодка моя, грех. И понапрасну слёзы лить – тоже грех. Пуще же всякого греха грех - это унывать, запомни, моя касатка. Господь даровал быть на земле – живи да радуйся; не кипятись по пустякам, не нервничай, не унывай; жизнь – благо, живи с улыбкой! А коли невмоготу станет, тогда, касатка моя, иди в храм, там найдёшь помощь и защиту.

Клава застыдилась своей слабости перед любимой бабушкой Варварой, будто та увидела её слёзы и укоризненно покачала седой головой.

Вытерла глаза, встала с кровати, прошла в горницу. Бросила быстрый взгляд на своё отражение в зеркале, и, ощутив неизбывную теплоту родной избы, улыбнулась.

Дом у Осокиных большой, настоящий пятистенок, из брёвен лиственницы. Брёвна внушительного размера, их,

казалось, никогда ни какое время не возьмёт в свой тлен. Ставил избу ещё дед Анатолий.

– Что это я и в самом деле раскисла! – обронила вслух Клава. – Хватит горестей да печалей. Устрою себе праздник!

Скоренько умылась, расчесала волосы. Оделась тепло по-осеннему - на дворе октябрь.

София Алексеевна ещё спала.

Клава положила на стол записку для неё: «Мама, я ушла в Троицкое».

В селе Троицком, до него от Чурова ходьбы вёрст пять, уцелела церквушка каменная. Её не сломали по удалённости места от города. В ней служил отец Николай, который знал и помнил бабушку Варвару.

ТЁПЛАЯ МОЛИТВА

Когда Клава вышла из избы и окинула взглядом улицу, ахнула: причудливый иней покрыл всю округу. Белели ступеньки крыльца, серебрилась зелёная отава на лужке, изящная бахрома обрядила ветки рябин, тополей и ещё неопавшие кусты роз, тропку, тянувшуюся от крыльца и до самой дороги посреди деревни.

Вдали за овинами застыло чернолесье – всё белое, пушистое, будто вынутое из счастливой сказки и аккуратно поставленное на землю.

Свежий, тронутый морозцем, воздух бодрил, радовал, дарил ощущение легкости, невесомости.

За целое лето и всю уходящую осень этот наступающий день был первым выходным, который Осокиной выделил колхозный бригадир Иван Данилович Афанасьев. Клава давно забыла, что такое отдых. Словно заведённая, выходила она по наряду в дождь, зной, холод, ветер. Выполня-

ла норму, что намечал бригадир. Отвозила на телеге, в которую была заряжена лошадь, фляги с молоком от скотного двора на молокоприёмный пункт. Ну, а когда приказывали, когда надо было, то и пахала, и сеяла, и косила, и сушила, и убирала, теряя счёт часам; работала до боли в руках, до легкого кружения в голове то ли от усталости, то ли от голода, а, может, от того и другого вместе.

Не было даже мысли, чтобы взять да бросить то, что ей поручили, или не сделать норму. На фронте воевали три её родных брата, им было там тяжелее, чем тем, кто остался в Чурове. Так думала Клава. И разве могла она подвести хоть в чём-то родных братьев?

Нет, не могла.

Деревня ещё спала. Лишь кое-где светились в окнах слабые огоньки.

Клава шла ходко, шаги её гулко отзывались в тишине.

Она всё не могла налюбоваться неожиданным нежным инеем.

Проходя по деревянному мосту, она заметила, как восходил пар от речки, где темнел глубокий омут, где так любили в жаркий день искупаться и дети, и взрослые. И она прибегала сюда с радостным желанием быстрее броситься в освежающий поток голубой речки Метелицы.

Внизу на берегу виднелся утоптанный пятачок – любимое место деревенской молодёжи. Уже давно никто тут не собирался. Клава, улыбнувшись, вдруг вспомнила, как однажды она увязалась на пятачок за старшим братом Иваном. Ребята и девчата играли в «Садовника». Каждый придумывал себе какое-нибудь название цветка, и на это название откликался, когда ведущий-садовник спрашивал про цветок.

В ту игру ведущим был Алёшка Окунев, быстроглазый улыбчивый паренёк с их деревенского края. Когда он проговорил: «Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме розы», Кланя, шустро выскочив из-за спины брата, звонко крикнула: «Я – роза!».

Все посмотрели на неё и засмеялись, а Алексей растерялся, не зная, что делать. Он, по правилам игры, должен был объясниться в любви к «Розе», а тут девчушка явилась. Но всё же повернулся к ней, сделал несколько шагов.

– Ишь, прыткая какая! От горшка два вершка, – Алёшка по-доброму улыбнулся, – а уже и целая «Роза»! Кто это тебя сюда привёл?

Теперь уже Кланя не знала, чего ответить, и, повернувшись к брату, умоляюще посмотрела.

– Нечего тебе, Леша, задавать вопросы, – сдерживая смех, проговорил Иван. – Коли выбрал «Розу», так веди её до дома.

А что сделаешь?

Правила игры – закон для молодёжи.

Алексей подал руку Клаве, она протянула свою ладошку, и, ощутив тёплую мужскую силу, радостно и покорно пошла за ним. Окунев довёл её до калитки, а после вернулся на пятачок, где молодежь играла уже в другую игру, она называлась «Ручейки».

Погружаясь в воспоминания, Клава и не заметила, как быстро прошла дорогу, и оказалась у самого Троицкого. Всё село стояло, опушённое инеем. Храм назывался в честь Иоанна Богослова, и находился на центральной улице. К его железным воротам спешили старушки.

Клава догнала их.

– Здравствуйте, бабушки! – по деревенской привычке она здоровалась всегда с незнакомыми людьми. – И тебе, милая, дай Бог всякого добра! – ответила одна из них. – Чай, не Софии ли дочка будешь?

– Софии буду, - подтвердила Клава.

– Какая выросла красавица, да статная, да пригожая, – продолжала бабуля. – Я-то тебя помню ещё махонькой. Пусть пошлёт тебе Господь жениха хорошего.

Клава зарделась, и почему-то подумала про Алексея.

– Спасибо, бабуля, за добрые слова, – обронила Клава.

И на душе у неё стало легко, радостно.

За воротами было крыльцо. Она поднялась по нему, открыла старинную деревянную дверь и очутилась в полумраке. Справа на стене висела большая икона евангелиста Иоанна Богослова. Клава подошла к его изображению, отвесила земной поклон. В разных местах горели свечи, в храме было тепло, уютно, спокойно.

Отец Николай, седой старец, ещё бодрый духом, подвижный, приступил к службе.

– Благослови, Владыко! – звучно начал священник.

– Господи, помилуй! – раздались на клиросе голоса певчих.

– Благословен Бог наш, – продолжал отец Николай, – всегда, ныне и присно, и во веки веков!

– Придите, поклонимся и припадём к Богу и Цареве нашему, – пели женщины.

Клава неподвижно застыла, внимая словам молитв и песнопений, ощущая их благотворность.

Наука бабушки Варвары не пропала даром – в сердце внучки жила любовь к Богу, надежда на Его помощь и защиту. И теперь ей казалось, что Бог никогда не оставит её без милости.

Люди всё ещё подходили, большей частью – женщины, чьи мужья или сыновья были на войне. На их лицах лежал отпечаток печали. Кто молился уже за упокой убитых, кто просил Господа сохранить близких от смерти и ранений. Клава тоже, когда обращала свой ум к Богу, молилась за Ивана, Павла и Дмитрия.

Душа её незримо наполнялась покоем и радостью, утреняя печаль расстаяла без следа.

Служба уже подходила к завершению. Клава, когда был краткий перерыв пред причастием Святых Христовых Таинств, приблизалсь к иконе Спасителя. Из юного её сердца полилась тёплая мольба:

– Господи, – просила сердцем, – пошли мне суженого, любимого, дорогого на всю жизнь; Господи помилуй!

Отец Николай, когда Клава подошла к кресту по

окончанию Литургии, узнал её, показал рукой в сторону:

– Подожди, моя милая, здесь.

У отца Николая было чуть скулаское лицо, окаймлённое густыми усами и небольшой бородой, черноватой у подбородка, а книзу – седой; голубоватые большие выразительные глаза, высокий лоб, на котором слева уже обозначились глубокие морщины. Несмотря на вроде бы суровый вид, отец Николай излучал доброту, будто из него исходило свечение. И всякий, кто хотя бы взглянул на церковного служителя или перемолвился словом, сразу чувствовал какую-то радость, чувствовал, как поднималось настроение.

Отца Николая знали в окрестных деревнях, уважали за то, что стоял в Вере непоколебимо.

Как-то, перед самой войной, священник зашёл в лавку, встал в очередь за хлебом. Открылась дверь, прямо к нему подбежал незнакомый мужик.

– Просили передать, – выпалил, – вас приглашают в милицию. В сельсовет просят идти.

Просят – так просят!

Отец Николай, выйдя из очереди, пошёл в сельсовет. Зашёл, смотрит, сидит начальник в форме. На столе перед ним – пистолет.

– Знаешь, кто я такой? – грозно спросил священника.

– Уберите вашу пушку, – вместо ответа попросил священник, взглянув на пистолет.

– Ну, кто я? – наседал гость.

– Знаю, – бросил служитель, – из НКВД, наверное, по мою душу приехали.

– Правильно! - подтвердил начальник. – Для тебя пуля давно отлита!

– Не достанете меня, – спокойно возразил отец Николай. – Надо мной власть Христа, у вас не получится.

Начальник погоровел, взял пистолет и положил в кабуру.

Священник отказался добровольно закрыть храм, хотя

для того и приехал незваный гость. Через какое-то время вышло послабление церковным служителям, отца Николая оставили в покое.

– Как здоровье матушки твоей, Софии Алексеевны? – обратился священник к Клаве, когда последняя старушка приложилась к большому серебряному кресту.

– Спасибо, батюшка, слава Богу, всё у неё ладно, – ответила Клава.

– Ну, и добро!

Отец Николай передал своё благословение старшей Осокиной, благословил и Клаву, подал большую просфору.

Из храма Клава вышла счастливая и одухотворённая.

УЖИН У ПОДРУЖКИ

Возвращаясь домой, Клава миновала сосновый лес вперемежку с березняком, обширное поле, и вскоре уже вышла на овины у родной деревни. Как на рассвете дивилась причудливому инею, так теперь поразилась тому, что его нет и в помине. Краса и очарование морозного утра куда-то исчезли, природа впала в предзимнее унынье. Потемневшие деревья понурились по обочинам просёлка, серая дымка перетекала по ржаному жнивью, нагоняла тревогу и тоску…

Девушке чудилось, будто голые ветки тополей, холмы в сизоватой дали, разбитый просёлок, и родное Чурово – все завидовали её радости, заоблачному настроению, недоумевали, враждовали из-за того, что воспарила, летела на крыльях …

Из жалости ей хотелось поделиться теплотой. Пусть и деревце, и луговина разделят её праздник.

Клава ещё не знала, что благодать, которую посылал Господь, эту самую благодать окружающий мир, ближние

и дальние люди, часто желали отнять у души блаженной. А если не могли отнять, то хотя бы убавить, ослабить, пригасить...

Всё же она не отпускала на волю своё светлое настроение. Шла, напевая весёлую песенку.

Это видел каждый – война поставила «чёрную мету» и на Чурово. В деревне уже не было милой оживлённости по выходным, как случалось прежде. Не хлопотали возле банек мужики, не играла вечером гармошка, хмельные парни не пели меткие частушки. В избе-читальне, где вечерами гуляла молодёжь, теперь мычали «свежие» телятки – родильное отделение на ферме не успели подготовить к зиме, поэтому новорожденных разместили в культурном учреждении.

Единственная радиоточка у бригадира Афанасьева, из которой деревенские узнавали новости на фронте и в самой Москве, по какой-то причине сломалась. Районная газета приходила в деревню раз в неделю, да и то с опозданием. А самое главное, что угнетало, – уже не встречались на улице знакомые лица, большинство мужчин и парней ушли на фронт.

В каждой избе бытиё как бы замерло, затаилась до срока. И эта затаённая жизнь превратилась в одно нескончаемое ожидание.

Все чего-то ожидали!

Ожидали, когда и какие вести придут с далёкого фронта.

Ожидали мрачных сообщений о том, какие города оставили.

Ожидали с радостью новостей о том, какие населённые пункты мы отбили у врага, какие потери понёс враг.

Ожидали, когда по деревне пойдёт увечный почтальон Павлуша. Его не взяли на войну потому, что правая рука у него от рождения была сухой.

Ожидали, что принесёт Павлуша в своей потрёпанной серой сумке.

Ожидали, когда вернутся в Чурово из госпиталей раненые солдаты, которых из-за ранений уже не брали на фронт.

Ожидали, что пропавшие без вести бойцы всё-таки остались в живых и обязательно прибудут в Чурово...

Ожидали, как самый светлый праздник, – Победу!

И Клава, едва вступила на главную улицу Чурова, тоже, помимо своего желания, как бы машинально, стала опять погружаться в неизбывное ожидание.

– Мама, я от отца Николая, – с порога проговорила она. – Он передал тебе своё Благословение!

– Спасибо, доченька, спасибо, – София Алексеевна отошла от печки.

Её круглое лицо озарила нежная улыбка, в серых глазах блеснула радость.

– Какой добрый батюшка! – отозвалась она. – Дай Бог ему здоровья и долгих лет. Вот передала ты привет, и на сердце мне легче, будто сама его услышала.

София Алексеевна не кривила душой, так оно и было. В семье Оскоиных отца Николая трепетно чтили, так положила ешё бабушка Варвара.

– Поди-ка, проголодалась, дорога туда-сюда, да служба, – хлопотала у стола Софья Алексеевна. – Я хлебушек свежий испекла да щей наварила. Садись, будем кушать.

– Ой, мама, какая ты молодец! – не удержалась Клава. – Я на самом деле проголодалась.

Перекреслились, приступили к трапезе.

Свой хлеб София Алексеевна пекла не часто – экономила муку. А в испечённом хлебе берегли всякую крошку.

– Недавно Афоня прибегал, – сказала София Алексеевна, так она именовала колхозного бригадира. – Тебя спрашивал.

– А чё ему? – удивилась дочь. – В кои-то веки выходной дал, а уж и прибёг, будто неделю гуляю.

– Сказывал, поступил наряд на лесозаготовки, – продолжала мать. – Приноравливался, наверное, чтобы

тебя послать. Сказывал, Зину зарядит в лес, девчонок всех.

– Ещё и снег не нападал, а уж, смотри, хотят в лес опять погнать, чего-то нынче больно рано, – снова удивилённо произнесла Клава.

– У них свои законы, – предположила София Алексеевна. – Нас не спршивают, когда нужда придёт, тогда и прибегут. Афоня тоже человек подневольный, спустили ему наряд, давай выполняй.

– Да, с ними разве поспоришь, – согласилась Клава. –Не охота мне в этот треклятый лес, мужицкую работу ломить, ох, не охота…

– А кто ж её будет делать! – вздохнула София Алексеевна. – Вы, взрослые девки – одна надежда и опора. Мы-то старые уже стали, что с нас взять. Да и то иной раз и то Афоня придумает какой-нибудь наряд и мне.

Они какое-то время ещё пообсуждали неожиданную новость.

Немного отдохнув, Клава надумала сходить к своей подружке Зине Морозовой, она жила в деревенском краю за рекой. Речка Метелица делила Чурово на две части, дома стояли на обоих берегах, а на правом берегу была самая большая улица, её называли центральной.

Дом Морозовых был третий с краю на длинной улице, растянувшейся по левому берегу. Изба в три окна с пристроенной кухней, большой двор, дровяник, надворные постройки – всё обнесено забором из ольховых палок.

Клава постучала, ей никто не ответил. В избе звенели детские голоса.

Девушка вступила в длинный коридор, который освещал керосиновый фонарь. Прошла вперёд, открыла на себя тяжелую дубовую дверь, навстречу ей вышла Зина:

– А, подружка, здравствуй. Проходи. Мы вот всем нашим колхозом ужинать собрались.

За длинный стол уселись пятеро ребятишек, а шестая

– Зина, она была старшей в семье. Её мать, тетя Дуня Морозова куда-то ушла. Наверное, на ферму, она работала дояркой. Муж тети Дуни – колхозный кузнец Герман Петрович, после ранения списанный с фронта, лежал в районной больнице, открылась рана на ноге.

– Садись с нами, – предложила Зина подружке. – Чем богаты, тем и рады.

– Спасибо, Зинуля, – отозвалась Клава. – Я не хочу. Вы кушайте, не смотрите на меня. Я ведь зашла узнать про лес, у тебя был бригадир Афоня?

– Как же, припёрся, хоть я его и не просила, – ответила Зина.

– Так что он говорил? – спросила гостья.

Зина не успела ответитить – распахнулась дверь, в избу вступил дед Арсений, известный в деревне коновод. Долгие годы он служил на конюшне, и теперь, в войну, помогал конюху, когда надо было починить вожжи, сбрую или седло.

– Опять пришёл! – зыркнула на него Зина, не скрывая неприязни.

– Пришёл, – прохрипел дед. – Может, больше не приду.

– Садись в угол, – приказала Морозова.

Дед покорно сел на лавку в углу.

Клава не понимала, что происходило. Но не стала расспрашивать подружку, не к месту было.

Дед Арсений, обутый в валенки, в потёртой фуфайке, сидя на лавке в углу, наблюдал, как ужинали дети.

Зина поставила на стол большой чёрный чугунок, вынутый из русской печи. Выделила бартьям и сестрам по три варёных картофелины, водрузила миски с квашеной капустой.

– Я хлеба хочу, – попросил пятилетний Витёк.

– Ешь без хлеба, – отрезала Зина.

– Хлеба хочу, – захныкал Витёк.

– Ешь так, – повысила голос Зина. – Не хныкай, а то и завтра не дам хлеба, а завтра хлеб будет.

Это, похоже, успокоило Витька.

Дети кусали свои картофелины, заедали капустой. Зина тоже принялась за еду, очистила тёплую картофелину, но и зорко продолжала следить за тем, как ели младшие. И тому, кто старался, положила ещё по одной картофелине. После она принесла в жбане брусничный квас и разлила по кружкам.

Когда ребята выпили квас, дед Арсений встал с лавки, пошёл к двери. Уходя, не сказал ни слова.

– Чё это он? – не удержалась Клава.

– А ты разве не знаешь? – удивилась Зина.

– Не знаю, – сказала Осокина.

– Афоня или председатель, их не разберёшь, приказал ходить в те семьи, где есть работающие на фермах, смотреть, не поят ли они своих детей колхозным молоком или обратом, – пояснила Зина. – Как бы вроде чего с фермы не унесли. А у нас мама, ты знаешь, там работает. Вот дед и ходит, уж в третий раз приходил, всё выслеживает.

– Ну и дубы! – вырвалось у Клавы.

– Да, не принимай близко к сердцу, – махнула рукой подружка. – У начальства свои причуды, их не поймёшь, чего они хотят.

– А насчёт леса что? – напомнила Клава.

– Афоня сказал, в четверг выделит нам подводу доехать до Троицкого, а оттуда на районной машине отвезут прямо в лес.

Клава и Зина вместе с другими девушками и женщинами из Чурова в прошлом году были на заготовках.

– Опять в Ростопкино? – уточнила Осокина.

– Туда же, так он сказал, – подтвердила Зина. – Дурачьё какое-то! Будто леса нет рядом, вон его полно, так нет, надо гнать людей за сто километров, здесь взяли да и наладили бы заготовку.

– Ладно, я пойду, – прервала её Клава. -- А то совсем тёмно на дворе.

И она вышла на улицу.

На другое утро дед Арсений пришёл в избу, где была колхозная контора.

– Ты, Иван, как хошь, а я больше не ходок к Морозовым, – с порога бросил Афанасьеву. – Ты сам сходи туда, да поужинай с ними. Хлеба у робятишек и то нет, а ты меня заставляешь следить. Ты, Иван, есть зверюга! Выпиши со склада для Морозовой муки, пусть хлеб испекут.

– Не учи учёного, – вздыбился бригадир. – Сам знаю, кому выписать.

После памятного разговора в правлении дед Арсений больше не появлялся в избе Морозовых.

Люди в Чурове, несмотря на лихолетье войны, сохраняли в себе совесть, будто самую большую драгоценность. Калитки в палисадниках и двери в домах не запирали –не было такой моды. Если кто куда уходил, приставлял колышек к двери, и все знали, что хозяина нет, никто ничего не трогал. Никто никого старался не обижать, делили и последний кусок хлеба попалам. Драки, которые раньше иногда приключались в праздники, в это тяжелое время совсем забылись, их не было…

Да, жили бедно, трудно, но без грехов и скандалов. Каждый, насколько он мог, чувствовал всю деревню, как одну большую семью.

ПРИНЁС ПАВЛУША ПОХОРОНКУ

Потемну Клава вышла из избы и направилась к ферме.

Накануне бригадир дал ей наряд – разносить корма коровам и телятам.

Она вошла в полутёмный тамбур, сразу ощутила нежный запах свежего сена, парного молока. Почувствовала неуловимо родное, которое умеет распознать только тот, кто родился в деревне и рос в неотступном соседстве с телятами, ягнятами, жеребятами…

Сняла руковичку и взяла в ладонь шуршащее сено.

И невольно вспомнила июльскую жару, тяжелый сенокос на дальних угодьях. Жили прямо на луговине, в наскоро устроенных шалашах. В три часа утра поднимались, брали косы, вставали друг за другом, шли по бочажине. Скашивали густую с обильной росой траву в тугие валки. А когда всходило солнце и начинало палить нещадно, девчата, наскоро передохнув, опять брались за дела – растрясали влажные вчерашние копны. Сушили, переворачивали, сгребали, стоговали.

И всё - руками.

Иной раз заканчивали уже за полночь. От такой нагрузки Клаве однажды стало плохо – кровь пошла носом, потемнело в глазах. Еле дошла до шалаша, упала, как убитая.

Ворота изнутри приоткрылись, Клава увидела тетю Дуню Морозову.

– Здрасьте, – сказала Клава, – я к вам пришла помогать.

– Это хорошо, дочка, – ласково произнесла доярка. – Пойдем, я тебе покажу.

Она провела девушку в склад. Здесь до потолка лежало сено, а в ящиках белела соль и ещё что-то для подкормки. Тетя Дуня дала Клаве вилы, рукавицы, корзину с веревкой, чтобы можно было закинуть её на плечо.

– Подноси, раскладывай в кормушки, – объясняла Морозова. – Да незабойно, не торопись, помаленьку делай, чтоб не устать.

– Хорошо, тетя Дуня, я поняла, – сказала Клава.

Корзины, набитые сеном, таскала легко, даже с радостью – так было приятно, что кормит бурёнок. К концу первого ряда яслей Клава уже почувствовала усталость. Прошла в сторожку около склада, где топилась печь-буржуйка, присела передохнуть.

И, разморёная теплом, уснула. Сквозь сон услышала, кто-то громко звал её.

Осокина открыла глаза, перед ней стояла соседская девчонка Таня.

– Тётя Клава, – закричала она, – бегите скорей, там вашей маме плохо.

Тревога пронзила сердце. Клава вскочила, и, даже не застегнув телогрейку, бросилась с фермы.

**

...Утром, когда дочь ушла, София Алексеевна, скромно позавтракав, уселась у окошка, отсюда хорошо была видна деревенская улица. Чутьё подсказывало ей, что Павлуша, а он должен был ныне принести почту из села Троицкого, непременно вручит и ей какую-нибудь весточку от сыновей.

Ну, не может она не получить письма!

Женщина была настолько уверена в этом, что, завидев в конце улицы нескладную фигуру Павлуши, быстро накинула на плечи тёплую шаль и торопливо посеменила ему навстречу.

Почтальон тоже увидел вышедшую из избы Софию Алексеевну и почему-то сразу остановился, как бы размышлял – идти ему дальше или нет? Потом открыл сумку, достал оттуда бумажку, пошёл к Осокиной.

Павлуша вручил ей весточку.

– Что там? – спросила она. – Не вижу!

От волнения глаза у неё заслезились.

– Крепись, София Алексеевна – похоронка тебе пришла, – глухо проговорил Павлуша. – Написано в ней вот это...

Почтальон взял из её рук извещение.

– Старший лейтенант Осокин Иван Ефремович погиб смертью храбрых, – читал почтальон, – в боях на Волховском фронте...

И передал похоронку матери.

София Алексеевна побледнела, в её глазах померк свет.

– Ой, плохо мне! – стонала она. – Ой, за что же мне такое горюшко-то!?

Потеряв сознание, упала на дорогу.

Когда Клава подбежала, почтальон пытался привести Софию Алексеевну в чувство. Дочь стала помогать ему. Вдвоём они делали ей искусственное дыхание, поднимали голову, похлопывали по мертвенным щекам…

Наконец, она очнулась, обезумевшим взглядом посмотрела на дочь и почтальона, не узнавая их.

С помощью Клавы София Алексеевна кое-как встала на ноги.

– Ой, плохо мне, – всхлипывала она. – Ой, душа оборвалась во мне.

Клава с трудом довела её до избы и уложила в горнице.

Села возле впавшей опять в забытье матери и сама заплакала.

Вечером к Оскоиным зашёл бригадир Иван Данилович Афанасьев, у него была седая борода, ему перевалило на седьмой десяток, но он ещё бодро бегал и руководил. Деревня, конечно, уже знала о беде, свалившейся на голову Софьи Алексеевны. Афоня посочувствовал её горю и спросил Клаву про лесозаготовки. Завтра надо было выезжать на сборный пункт в село Троицкое.

– Нет, я мать не могу оставить, как хотите, а я не поеду, – отрезала Клава.

Бригадир сочувственно покачал головой и, ничего не сказав, вышел.

ИЗ ФРОНТОВОГО АДА

Опираясь на металлический костыль, по улице медленно шёл солдат. Только что его подвезла попутная машина из райцентра в село Троицкое. Ходьба давалась военному с трудом. Он останавливался, глубоко вбирал прохладный воздух, откашливался и опять тяжело шагал дальше.

Солдат направлялся в Чурово.

Навстречу ему из Чурова катила подвода, запряжённая старой кобылой. На ней, как цветы на летней клумбе, пестрели разноцветные платки, женская команда ехала на лесозаготовки.

Подвода поравнялась с военным, который остановился на обочине:

– Эй, служивый, давай в наш малинник, – по-озорному прокричала одна из бойких девушек, – в лесу теплее будет работать.

На подводе весело рассмеялись.

Солдат только улыбнулся, но никак не отреагировал на шутливое предложение.

И он поразился тому, что свои же деревенские девушки и женщины, которых всех знал, не признали его – проехали, не остановились, отчего на душу легла горечь.

По улице шёл домой солдат Алексей Окунев.

Да, узнать фронтовика было мудрено.

Он спал с лица, щеки ввалились, из-под шапки белела седая прядь. На подбородке, заросшем щетиной, темнел шрам. Только большие карие глаза, смотревшие всегда на мир чуть удивлённо, остались от прежнего Алёшки, которого знали в Чурове.

– Погодите-ка, бабы, – вдруг спохватился Афоня, – человек, навроде бы, и наш.

Бригадир спрыгнул с подводы, побежал назад. Остановился перед солдатом, вглядываясь в него.

– Никак Алексей? – выдавил бригадир. – Откуда ты взялся?

– Я, я, дядя Иван, – ответил Осокин. – Чего не узнаёте меня? Видишь, из госпиталя, выписали, пробираюсь домой.

– А, вон что! – протянул Афанасьев и подал Алексею ладонь.

Они обменялись рукопожатием.

– Ты погоди чуток, щас я сдам баб на пункт и обратно

поеду, – сказал бригадир. – Подвезу тебя, чего тебе мучаться.

– Ладно, – согласился Окунев, – подожду, а то идти мне тяжеловато.

– Вижу, что не так легко, – кивнул Афанасьев и побежал к подводе.

Возвратившись, Иван Данилович помог Алексею водрузиться на подводу. Стеганул концами вожжей по боку колхозную кобылу, и они поехали в сторону Чурова.

– Ну, чё деяца на фронте? – с нетерпением повернулся он к солдату.

– Воюют мужики, чего ещё, – неохотно отозвался Алексей. – Я ведь, дядя Иван, давно с передовой, почти полгода в госпиталях провалялся. В живот осколок мины угодил, еле спасли доктора, сам понимаешь.

– Да, да, – протянул Иван Данилович. – Хорошо, что живой, а то осколком мины и насмерть забило бы.

– Хорошо, – согласился Алексей. – Ничего, оклемаюсь, выберусь, не в такие переплеты попадал. Ты лучше, дядя Иван, расскажи, что в деревне у нас?

Бригадир поведал последние новости, в основном, грустные – кто умер, кто погиб на войне. Не забыл упомянуть, что на днях пришла похоронка на Ивана Осокина.

Алексей тяжело вздохнул:

– Жалко Ивана…

– А как не жалко! – подхватил бригадир. – Он же, помнишь, перед войной женился на Ульяне Антоновой, мальчик у них родился, назвали Николка. Думали, когда началась война, ему из-за младенца дадут отсрочку, а, видишь, не дали, забрали, а теперь вот так получилось…

Движимый любопытством, Афоня всё же перевёл разговор опять на фронтовые будни Алексея.

– В каких частях воевал? – спросил он.

– В связи, – ответил Алексей. – Тянул провода от траншеи к штабу, от штаба на командный пункт, и до боя, и во время боя. Связист – первый помощник любого коман-

дира. Снайперы фашистские за нами охотились. Пробили мне левую руку, в медсанбате отлежался, вернулся. В тот раз немцы пускали на нас мины, двое напарников были со мной, тех сразу осколками на месте прикончило.

Окунев замолчал.

Он не мог, сам не зная почему, поведать Ивану Даниловичу о том, как осколок разорвал ему живот, и он от боли упал, потерял сознание. Когда старший сержант пришёл в себя, кровь текла из раны, он с огромным усилием сел, кое-как перевязал живот, пополз вперёд. Дикая боль пронзала всё тело, Алексей опять терял сознание, а, очнувшись, снова полз.

Сзади за ним оставалась кровавая полоса.

Он нашёл палку, опираясь на неё, напрягая волю и собрав последние силы, встал во весь рост, пошёл, опираясь на палку. С такой тяжёлой раной старший сержант прошёл немного, упал на землю.

Кровь из раны продолжала идти, Алексей чувствовал, как силы навсегда покидали его, а им на смену подступала к сердцу какая-то необыкновенная лёгкость. «Наверное, – подумал старший сержант, – я умираю совсем, по-настоящему...».

Связист, наверняка, умер бы от потери крови. К счастью, его увидели санитары, и, поняв, что он ещё живой, подобрали, понесли на носилках

– Надолго ли домой отпустили? – спросил Афанасьев, когда подвода въезжала в Чурово.

– Не знаю, – сказал Алексей. – Как начальство решит. Может, совсем отпустят, а, может, призовут снова, кто знает...

– Ну, поправляйся! – пожелал ему бригадир.

И остановил подводу рядом с домом Окуневых.

Алексей был вторым сыном у родителей.

Прасковья Ивановна, мать, чуя сердцем своего ребёнка, выбежала на крыльцо, и, не веря глазам, увидела Алёшу.

– Ой, сынок, – громко крикнула, – живой!

ТАИНСТВЕННЫЕ СУМЕРКИ

Шли уже третьи сутки, как София Алексеевна не вставала. Она неподвижно лежала на постели, то впадала в забытьё, то приходила в себя. А когда открывала глаза, говорила одно и то же:

– Ой, за что же мне такое горюшко-то!

– Так не только у нас, у других тоже горе, – отвечала дочь.

Клава утешала её, как могла. Готовила и давала ей отвары трав. Выпросила у Афони молока, сберагала на ферму, принесла в бидоне, вскипятила и по ложечке подносила матери.

Больше всего Клава возлагала надежду на милость Божью.

В горнице висела старинная икона в серебряном окладе, которую любила бубушка Варвара. Лик Спасителя был изображён на ней, будто живой, казалось, он смотрел на Клаву с тихой радостью, может, даже с лёгкой улыбкой на устах.

Когда сгущались сумерки, Клава зажигала свечу, вставала на колени перед иконой.

Молилась она за выздоровление Софии Алексеевны.

Молилась она за упокой души убиенного брата Ивана.

Молилась она за то, чтобы Господь сохранил в живых родных братьев Павла и Дмитрия.

Молилась она за то, чтобы бытрее окончилась война.

Молилась она, уже в послденюю очередь – просила у Господа даровать ей суженого, единственного, любимого навсегда.

В густой синеве сумерек, переходивших в чёрную тьму, возникала откуда-то таинственная теплота и обвалакивала Клаву так, что она чувствовала её, и становилось жарко, как летом в солнечный день. И она ощущала необыкновенную лёгкость, воздушность, словно тела уже и не было, а она птицей парила в пространстве избы, над деревен-

ской улицей, над задремавшим Чуровом, над всем целым миром.

Перелом в состоянии Софии Алексеевны произошёл в лучшую сторону.

В морозное утро ноября, когда деревня была по-зимнему украшена снегом, старшая Осокина неожиданно ощутила облегчение и сразу позвала к себе дочь.

– Клава, я ожила, – сказала она, – я не умру, а то думала, что уже мне конец. Слава Богу!

Впервые она поднялась и прошла по избе самостоятельно.

Дочь была несказанно рада.

Постепенно их трудная жизнь входила в привычное русло.

Как-то в сумерках в избу Осокиных постучали.

Клава пошла в сени, чтобы открыть дверь, и удивилась, увидев незнакомца в солдатской форме.

– Здравствуй, Роза, – улыбнулся он.

Клава покраснела, и тут же вспомнила далёкое-далёкое детство.

– Здравствуйте, Алексей Иванович! – изумилась она, хотя знала о его приезде. – Какими судьбами?

– Вот зашёл проведать и выразить моё сочувствие, – ответил он.

– Заходите в избу, будем рады, – пригласила Клава.

Окунев прошёл в горницу. София Алексеевна обрадовалась гостю, давно у них не было никаких гостей.

– Вот зашёл выразить моё сочувствие по Ивану, – скрывая неловкость, проговорил Алексей. – Я его любил, он мне был, как брат, жалко Ивана.

– Спасибо, Алёша, – София Алексеевна благодарно взглянула на него. – Мы уж все слёзы выплакали, да уж что теперь – война проклятая. Спасибо, Алёша! А ты сам-то как? Сказывали, сильно поранили?

– Ничего, София Алексеевна, оклемался уже, хожу без костыля, ничего, всё в порядке, – ответил он.

Старшая Осокина стала готовить чай, хотя Алексей отнекивался, хотел уйти, но она его не отпустила, ушла хлопотать на кухню.

Он сел в горнице за стол, напротив села Клава.

Вечерние сумерки таинственно густели за окошком.

Большие карие глаза Алексея удивлённо смотрели на девушку.

– А ты и вправду, Клава, стала настоящей Розой, – сказал он. – Красавица!

– Да будет вам, Алексей Иванович, - смутилась Клава. – Солдаты всегда говорят комплименты девушкам, это я уж знаю.

– Откуда ты знаешь? – Алексей впервые за последние недели рассмеялся.

– Так, предполагаю, – поправилась Клава. – Так уж принято!

София Алексеевна принесла чай.

И они, как старые добрые друзья, говорили обо всём за чаем, вспоминали мирные дни, а иногда Алёша скупо отвечал на их вопросы о фронтовых буднях.

После Клава провожила гостя до дома, а он в свою очередь не отпустил её одну – довёл до избы.

В таинственности сумерек они встречались ещё несколько раз, но не успели сказать друг другу заветные и главные слова.

После Новогоднего праздника Алексея Осокина вызвали в райцентр в военкомат и отправили опять на фронт.

В сумерках Клава молилась, чтобы Бог уберёг Алексея от смерти.

ЛЕТЕЛ ФАШИСТ НАД ПОЛЕМ

– Клавка, заводи лошадь круче! – командовала Зина Морозова. – Легче будет сбрасывать.

– Куда её круче? – возразила Клава. – Смотри, еле стоит на ногах, если грохнется, нам её не поднять.

– Ну, ладно, ладно, – согласилась Морозова.

Подружки вывозили навоз от скотного двора на колхозное поле.

Стоял чудесный мартовский день, припекало солнышко.

К весне в Чурове ощущали голод не только лошади, коровы, овцы, но в первую очередь, конечно, люди. Таяли запасы зерна, картошки, квашеной капусты, мяса, у кого оно было, и всего другого, что можно было кушать.

Хотя чуровцы работали, что называется, день и ночь, но трудодни отоваривали скупо – по 150 граммов зерна. Когда Клава принесла хлебный заработок домой, София Алексеевна не удержала слёз.

– Что ты, мама, успокойся, – сказала Клава. – Проживём, у нас вон хрюшка в хлеву, овцы, курицы есть, не умрём с голоду. А про зерно ты же знаешь, в колхозе лозунг: «Всё – для фронта, всё – для победы!». Кто же нам даст зерна больше? Хорошо, что и по сто пятьдесят граммов выделили, и за это спасибо Афоне.

– Да и то правда, – согласилась София Алексеевна.

***

Девушки разгрузили навоз, присели передохнуть.

Солнышко пригревало почти, как летом.

Кое-где на бугорках зеленела травка, лес уже не был тёмным, начинал светлеть, зацветал ивняк, из низин тянуло запахом прошлогодних листьев.

– Слышишь, кто-то летит, – вдруг заволновалась Морозова. – Может, какой самолёт?

– Какие у нас в Чурове самолёты? – удивилась Клава. – Ты чего?

Но гул на самом деле был слышен, приближался. Клава, приставив ладонь ко лбу, увидела вдали, на горизонте очертания самолёта. Приближаясь, он стал снижаться над полем, где была повозка. Лошадь захрапела от страха, перебирала ногами, дергала поводья. Девушки, задрав головы, хотели уже замахать руками и закричать от радости, но тут увидели на крыльях широкие чёрные кресты.

– Фашист! – закричала Зина. – Ложись!

Они упали на холодную землю.

Самолёт сделал круг над повозкой, но не сбросил бомбу, не открыл огня из пулемёта, чего так боялись девушки. Они поднялись. И увидели, как машина, опускаясь всё ниже, стала задевать верхушки деревьев ближнего леса. Из-под винта полетели в стороны срезанные ветки. Вскоре фашист буквально скрылся в лесу.

Наверное, в Чёрный ручей упал, – предположила Зина.

Так называли глухое лесное место.

Подруги быстро сели в сани, поехали в деревню. Вражеский самолёт заметили и другие. Событие взбудоражило всё Чурово. Несколько человек побежали к бригадиру Афанасьеву. Тот сообщил о происшествии в соответствующие органы.

Спустя час-другой, к избе деда Клочкова, которая стояла на окраине деревни, ближе к лесу, постучал незнакомец. Дед вышел и увидел перед собой фрица – лицо в ссадинах, одежда порвана, в глазах страх. Клочков понял, кто он таков, но не испугался. И, вот уж истинно русский характер, даже вынес фашисту кружку молока, когда тот знаками показал, что хочет пить.

После, прихрамывая на левую ногу, Клочков повёл фрица в центр деревни. Там уже собрался народ. Фашист, мешая русские слова с немецкими, а больше знаками пояснил: он залез на дерево, увидел дым из печной трубы и

по нему вышел на деревню. Взяв прутик, фриц нарисовал на песке фигуру, а потом сложил крестом руки на груди: мол, там мертвец...

Бригадир отдал распоряжение снарядить подводу на Чёрный ручей.

Подвода уже отъехала, когда на окраине Чурова, на большой луговине, приземлился самолёт из Вологды - прилетело военное начальство.

Цель полёта вражеского самолета и причины неожиданного падения доподлинно так и не узнали. Из допроса пленных выяснили, что трое из экипажа просили командира сделать посадку на поле, но тот ответил: «Я в руки русских не сдамся живым». И развернул машину в сторону леса. Трое воспользовались парашютами, обрывки куполов белели на верхушках деревьев, а командир, якобы, разбился, но его труп не нашли.

Пока один из лётчиков добирался до деревни, двое других сожгли все документы и бумаги. Их полёт в глубокий тыл остался тайной. Хотя пленные говорили, что имели задание сфотографировать Волжскую плотину в Рыбинске.

Два дня пленных держали в здании начальной школы, а на третий увезли.

В памяти Клавы надолго засел страх от всей этой истории.

Да и другие девчата побаивались ходить за грибами или ягодами в сторону Чёрного ручья. Всё им казалось, будто мёртвый немец ремонтирует самолёт, который оставался в лесу. Вывезли его оттуда, спустя годы.

ВЕЛИКАЯ РАДОСТЬ

Стоял тёплый, хмурый день начала мая.

В деревне давно проснулись, каждый занимался привычным делом.

И тут произошло неожиданное.

Что-то случилось с почтальоном Павлушей.

Войдя в Чурова со стороны села Троицкого, почтальон поставил потёртую сумку посреди дороги, а сам, подняв руки вверх, вращая ладонями, вприпляску начал кругами ходить вокруг сумки, будто совершал какой-то обряд. Он бормотал что-то, как бы разговаривал сам с собою.

И это было удивительно для Павлуши, всегда слегка замкнутого в себе и как бы отстранённого.

В то время бригадир Афанасьев шёл на конюшню.

Он увидел плашущего Павлушу и остановился.

– Уж не вышел ли он из ума? – вслух проронил Афоня, изумлённый непривычным поведением почтальона.

И вместо конюшни пошёл к нему.

Заметив бригадира, почтальон притих, а после ещё резвее запрыгал вокруг сумки. Подойдя, Афанасьев стал разглядывать Павлушу, будто век не видел.

– Великая радость, Иван Данилович! – закричал почтальон.

– Да что такое? – не понял бригадир.

– Война закончилась! Мы победили!

И почтальон заплясал на месте.

– Неужели? – усомнился бригадир. – Не врёшь?

– Правда! Несу новость с самой почты!

Тогда и Иван Данилович заорал что-то во всю глотку. Обнял Павлушу. Они вместе отплясали вокруг сумки.

Новость вихрем облетела дома в Чурове.

Люди выбегали – обнимались, плакали, смеялись, кричали.

Кто-то принёс большой молоток и начал сильно быть

по металлической пластине, висевшй для оповещения о пожаре. Звон поплыл над деревней.

Клава, не помня себя от счастья, упала на колени перед иконой в избе, сквозь слёзы молилась:

«Слава тебе, Господи, слава Тебе!».

Весь деревенский мир, исполненный неповторимости, пришёл в движение. Всякий хотел что-то сделать, что-то сказать, куда-то пойти.

В души людей пришла Великая Радость!

По русскому обычаю чуровцы стихийно устроили общие посиделки.

Из двух-трёх изб вынесли столы и поставили на улице, а все остальные несли на столы кто что мог – горбушку хлеба, кусок сала, кринку кваса, соленые огурцы, вареную картотшку. Собранное это нехитрое застолье было чистосердечным. Многие плакали от радости.

Ни в одной избе в Чурове именно в этот день – 9 мая 1945 года – не нашлось бутылки вина.

Так жили - война!

У людей одна была цель: «Всё – для фронта, всё – для Победы»!

По стаканам и кружкам разлили домашний хлебный квас.

– Мы и без вина пьяные от такого события, – сказал бригадир Афанасьев и произнес тост в честь Победы.

Все закричали «Ура»!

Ликование от долгожданной Победы всё равно не заглушало неизбывную горечь – потери не обошли всякий дом в Чурове. Сколько молодых, красивых умных парней из деревни полегли на просторах Советского Союза и за его пределами. О многих близкие не знали даже, где их могилы, некуда было придти и поклониться праху родного человека.

Мало кто из сверстников Клавы Осокиной, ушедших на фронт, вернулся домой. А девок-то к концу войны – полная деревня. Невесты - на выбор. Да выбирать некому.

Не знала Клава толком и о судьбе того, за кого молилась каждый вечер.

Алексей Окунев в день Победы лежал в госпитале. Незадолго до этого, в бою при штурме Кёнигсберга в Восточной Пруссии, тяжело ранило в ногу. И опять, как и при втором ранении, потерял много крови. Смерть, однако, не взяла его в свой плен. Исхудавший, бледный, старший сержант отдыхал на койке. Сквозь дремоту слышал звонкий чистый голосок: «Я – Роза!».

В Чурово Алексей приехал ближе к осени. Любовь к жизни была в нём столь велика, что он преодолел последствия ранений. Через какое-то время уже чувствовал себя молодым и сильным.

Он предложил руку и сердце Клаве, и она не отказала.

Алексей привёл молодую жену в свой родительский дом, который к тому сроку был без хозяйки – Просковья Ивановна отошла в мир иной.

Окуневы жили дружно, добра наживали, у них родилось пятеро детей.

Иногда кто-то из чуровцев удивлённо спрашивал Клаву:

– Иные, посмотришь, и напьются, и подерутся, и шумят на всю деревню, а у вас всё тихо, спокойно, как в монастыре.

На что Клавдия кратко отвечала:

– У меня – суженый! Мне его Бог послал!

2015 -2019 гг.

ЖИЗЕЛЮБ С ПОЛЯ БОЯ

...Сейчас настанет мой черёд.
За мной одним идёт охота.
Будь проклят сорок первый год
И вмёрзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
Что я притягиваю мины.
Разрыв. И лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо...

Семён ГУДЗЕНКО.

I

Утро выдалось тихое и безропотное. С него можно было писать картину.

Весеннее солнышко ласково, тепло, щедро сияло над старинной Соборной горкой. Заливало светом уютную Кремлёвскую площадь. Вместе они являли сердцевину древней Вологды, её неувядающую достопримечательность…

Уже один их вид располагал к душевному подъёму и возвышенному настроению.

На то же настраивала и окружающая природа.

Она ожила после холодов, звенела птичьими голосами, шумела речным половодьем, радовала зазеленевшими берегами.

Благостная обстановка никак не сочеталась с тем, что ожидало людей в залах бывшего монастырского собора, куда они спешили на встречу с искусством.

Их ждала выставка художественной живописи, подготовленная областной картинной галереей к 60-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

…Взглядам зрителям предстал совершенно иной срез реальности, чем на весенней Соборной горке.

Суровые лица солдат и офицеров, рискующих собой, фронтовые будни, образы тружеников тыла, портреты ветеранов войны.

В залах присутствовало творчество почти всех мастеров кисти земли вологодской. И тех, кто сам понюхал пороха, побывал в сражениях, как народный художник России, фронтовик Владимир Корбаков. И тех, кто родился гораздо позже, но считал военную тему не какой-то данью сиюминутной моде, а насущной для души.

Полотна большие и малые, удачные, а, может, некоторые и неудачные (по мнению специалистов) дополняли друг друга. Они как бы сливались в мощный хор, славящий любовь русских людей к Отечеству, мужество и стойкость в победе над коварным врагом.

Что лично меня поразило!

Среди разнообразных произведений, выставленных в залах, не затерялась небольшая по размерам картина «В пути». Она принадлежала художнику Сергею Алексеевичу Теленкову. Он написал её в 1961 года. Наверное, я сказал очень условно - «не затерялась». Скорее, будто магнит, притягивала внимание посетителей. Как бы требовала остановиться, поразмышлять над сюжетом, рассмотреть детали, прочувствовать фронтовой эпизод далёкого прошлого…

Была в той, на первый взгляд, незначительной картине какая-то особая, пронзительная достоверность, выделяющая её среди других полотен. И сам незатейливый сюжет трогал, пробуждал чувство соучастия. Вооружённые красноармейцы в дровнях, запряжённых лошадью, их путь по зимнему лесу, где опасность могла подстерегать на каждом шагу…

Зритель ощущал миг. Чувствовал «момент истории», запечатлённый кистью живописца.

И это важно!

Когда художник создаёт произведение, то огромную роль играют воображение, мастерство, чувство цвета и света. И, конечно, душевные качества самого живописца. Всё так! Но не меньшее значение имеет обстоятельство: был ли творец участником того, о чём рассказывает на полотне? Если был, то он передает кистью своё отношение к событиям, если нет, то это уже какое-то другое настроение…

Художник Теленков и был как раз настоящим участником войны. С нею он связан, что называется, «пуповиной». Пожалуй, поэтому любимый праздник у него - 9 мая. Многие горожане помнят, как в день Победы ветеран

устраивался с утра где-нибудь на людном месте, брал в руки гармонь и затягивал песню:

Пройдёт товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины…
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны…

Прохожие замедляли шаг. Кто-то подпевал гармонисту, иной доставал платочек и вытирал слёзы…

Другой слышал в незамысловатой песне эхо войны. Люди чувствовали: столь проникновенно мог петь только тот, кто сам прошёл «все бои и войны»…

- Он был удивительной, героической одухотворённости, если можно так сказать, - вспоминал о фронтовике вологодский художник Николай Мишуста. – Всей жизнью своей Сергей Теленков утверждал человечность, справедливость. Прежде всего – в творчестве. «Я прошёл горнило войны, и должен честно рассказать об этом!» - вот кредо Сергея Алексеевича. Создавать полотна о Великой Отечественной войне - для него священное дело. Понимаете!».

Да, верно!

Именно трепетное отношение художника к теме и мог почувствовать зритель в небольшой картине Теленкова «В пути».

В творческом багаже Сергея Алексеевича были и другие произведения о героической борьбе советского народа с фашистами. И все они, без исключения, несли отпечаток личных впечатлений.

II

На прекрасной шекснинской земле, в пределах бывшего Чёбсарского района, на хуторе Воронино родился будущий художник в 1923 году. Здесь прошло его детство.

В конце пути Сергей Алексеевич собирал летопись своей судьбы.

Приведу некоторые отрывки из неё.

«Кругом лес, перелески, ручьи и речки, звери и птицы, волки и лисицы…

«Там нету домов до неба,
Там нету реки с баржой.
И там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой…»

До школы сидел дома.

От скуки рисовал дом с трубой, волков с лисой. В начальной школе рисовал схемы, зверей и птиц и прочую живность. И, конечно, радовался, когда на стенах появлялись мои рисунки.

Семье нашей в конце 20-х – начале 30- годов становилось жить невмоготу. В колхоз родители не шли. Поэтому нас налогами давили. В 34-м на последней кобылёнке подались в город. Отец с тоски захирел и через два года умер. А четыре старших брата разошлись по Руси великой. Мать работала судомойкой.

Получив паспорт, ушёл из 9-го класса во «Всекрхудожник». Мои наброски произвели неплохое впечатление – зачислили учеником-живописцем. Рисовал вывески на стеклах учреждений.

В городской школе, напротив моста с улицы Чернышевского, впервые встретил настоящего художника Н. Шабанова. Его картины и этюды с юга завораживали. Николай Шабанов устраивал выставки учеников в зале – это были наши высоты.

Домой ходил через Каменный мост, где был магазин с копиями полотен больших художников. В ленинском садике у церкви под рукой художника появлялись сказочные декорации с камнями - с завистью поглядывал через ограду.

В художественной мастерской выдали ящик краски. Думал, ни в жизнь названия красок не запомню.

Мы, начинающие, тянулись к именитым. Особенно к Н. М. Ширякину – добрейшему человеку и сильному живописцу.

Была студия. Даже обнажённых рисовали. К примеру, А.И. Смоленцева предупредила, чтобы я с грязными пятками не лез на подиум. После пребывания на творческой даче она заставляла нас ноги рисовать, вроде в них суть искусства зарыта…

Запомнился очень яркий живописец Геннадий Гаврилов. Он приезжал из города Сокола, брал портреты, выполнял за неделю – и домой. Жил у меня. В мастерской день и ночь – насколько хватало сил, а хватало намного, только вот времени ему всегда не хватало. Видно, чувствовал короткие дни своей жизни…

Война всё сломала, но не всё убила…».

К скупым строкам биографии ещё добавлю. Сергей Теленков был настоящим красавцем – ростом под два метра, широкоплечий; подвижный, с открытым добрым лицом. Кроме живописи, увлекался плаванием, ходил на лыжах, бегал на дистанции на соревнованиях, совершал походы. И в духовно-нравственном плане не отставал. Любил книги, театр, дружескую компанию, вечеринки, где девчонки готовили закуски, где устраивали всякие игры, где можно было выпить стакан вина. Сергей был душой таких вечеринок, когда для их проведения находились заработанные денежки…

Настоящий жизнелюб!

III

... Загрохотала война, навалилась огромной тяжестью на всех.

- Я уже до войны работал художником, - рассказывал Теленков в интервью вологодскому телевидению. – Ну, а когда война началась, нас, молодых, послали на вагонно-ремонтный завод - снаряды точить. Мы недолго их точили. Под Москвой стало худо. Меня вместе с другими взяли в пехотное училище, в офицерскую школу в Великом Устюге. Правда, курсантами мы не доучились, сняли с учёбы, отправили под Москву. Я потом попал в противотанковый полк. Нас бросили под Тулу...

Прерву воспоминания фронтовика, чтобы пояснить ситуацию.

Осенью 1941 года фашисты начали операцию «Тайфун». Одной из её целей был захват областного города Тулы, отсюда фашисты планировали развивать наступление с южного направления на Москву. Войска Красной армии, многие соединения которой только что вышли из окружения, стягивались на рубежи вокруг Тулы и на Можайскую линию обороны. Сюда же перекидывали и свежие наши армейские силы. Начиная с поздней осени и до самой зимы, на оборонительных позициях вокруг Тулы завязались жестокие схватки красноармейцев с ордами фашистов.

- Да, там шли очень тяжёлые, кровопролитные бои, - продолжал Сергей Алексеевич. – Ну, и я как-то, во время сильного боя, попал в такую ситуацию – руки-ноги переломало, среди кошмара лежал...

Представить страшную ситуацию можно со слов художника.

Сражение под Тулой, в котором участвовал Теленков, проходило уже зимой. В тот период вышел приказ – «ни шагу назад». Рядовые и офицеры ставили под ним под-

пись, в том числе и он. «Ну, что ж! – вздохнул художник, припомнил суровые дни. – Старались, как могли!».

В противотанковый расчёт, где он служил, угодил вражеский снаряд. Сергея ранило, он упал без сознания

Двое суток боец лежал на снегу, в бредовой горячке, среди трупов. Жизнь в Теленкове едва теплилась. Смерть, казалось, неминуема. Но выручил случай. Наш танк остановился рядом с местом, где он умирал. Танкисты вышли из машины перекурить. И вдруг услышали слабые стоны, повернулись в сторону, откуда они доносились. Один из танкистов подошёл к раненому, достал флягу со спиртом, поднёс к бледным губам, помог глотнуть…

Тогда же подъехали санитары на лошади с запряжённой повозкой. Танкисты показали им на раненого. Санитары подняли Теленкова, уложили на дровни, повезли в медсанбат…

Он запомнил, как привезли и положили на кровать – на чистые простыни. После окопов и схваток с врагом, когда порой не удавалось умыть лицо, здесь белоснежные простыни показались какой-то роскошью, будто он попал в иной мир…

У Теленкова были изранены руки и ноги. От долгого лежания на снегу произошло переохлаждение организма – началась гангрена. На следующее утро его взяли на носилки, вынесли из палаты и поставили в очередь, которая упиралась в двери операционной.

Пока двигалась очередь, Сергей со своих носилок наблюдал за тем, что происходило. В дверь с небольшим промежутком времени заносили одного раненого за другим, а оттуда выносили отрезанные руки, ноги…

На выброс!

Теленкова это потрясло!

Когда уложили на стол операционный и подошёл хирург, раненый заявил: «Я ни в коем случае не дам резать ноги и руки. Иначе – объявлю голодовку! Я – художник, мне нужны руки и ноги…».

Видавший виды хирург удивился поведению бойца. Но, поразмыслив, внял его словам – не решился «отнять» ни руку, ни ногу. Однако как-то надо было остановить начавшуюся гангрену? Врач «располосовал» больного…

С того дня и далее, в течение двух с половиной лет, Теленков существовал в разных госпиталях. Из пересыльного госпиталя во Владимире Сергея Алексеевича направили в военный госпиталь Сухой Лог под Свердловском на Урале, а оттуда в далёкую Сибирь – в Красноярск…

В общей сложности он перенёс пятнадцать операций.

Такое и представить себе трудно!

Несколько раз впадал в состояние «клинической смерти». Боли терзали так сильно, что Сергей просил поместить в изолятор – не тревожить криком соседей по палате. И, наконец, постоянно держалась высокая температура. Не проходила – и всё тут! Казалось, он «сгорит». Как ни противился, но он вынужден был дать согласие на ампутацию обеих ног. Теленкову сделали тяжёлую операцию - «подрезали», как он говорил потом.

Сила духа, которая жила в художнике, заставляет нас преклоняться перед ним!

Он перенёс столько мук и испытаний, но не озлобился на людей и белый свет.

Он не впал в мрачное состояние, не опустился, как случилось со многими, кто был сломан или искалечен войной.

Он не винил никого в том, что с ним произошло.

Он продолжал оставаться жизнелюбом!

Хотя, нетрудно вообразить, каких нравственных усилий стоило ему всё это!

Но он скрывал свою борьбу с недугами от посторонних глаз.

Именно в тот, самый тяжёлый период в судьбе, Сергей Алексеевич твёрдо решил не изменять выбору – стать профессиональным художником.

IV

А как? С какой стороны подойти?

Физически он был уже совершенно другим, не тем – резвым и быстрым, что прибегал когда-то в студию к художнику Ширякину.

Но сохранились руки.

Руки! Это для художника – всё! Это для него «главный инструмент», если можно так выразиться.

Теленков вернулся из «странствий госпитальных» в родную Вологду.

Сергей был пятым ребёнком у матери. Двое её сыновей не пришли с фронта – погибли. И хотя Сергей был покалечен, в инвалидной коляске, но всё же – живой! И это радовало мать, это было её счастье. И она, как могла, в меру сил заботилась о нём.

Отдохнув какое-то время, он принялся осуществлять мечту.

Поехал в Ярославль, поступил в художественное училище, с отличием окончил специальный курс. Но из-за бытовой неустроенности студент вынужден был оставить учёбу в Ярославле, который успел полюбить. Чуть позже, оказавшись в Москве, Теленков обратился в органы социального обеспечения. Он попросил дать направление в дом инвалидов, где есть художественная школа.

Так Сергей оказался в художественном училище в Казани, там учился отлично. По окончанию Казанского училища ему дали направление – продолжить учёбу. Но не назвали, где конкретно, самому предоставили выбор. Случайно бывший фронтовик узнал, что в Риге есть художественная Академия. И, не раздумывая, поехал в столицу Латвийской республики. Там его хорошо встретили, устроили в общежитие. Рига с её неповторимым колоритом, средневековыми уличками, доброжелательными горожанами привлекла Теленкова. Он, когда было время, рисовал Ригу, делал наброски для будущих картин. Ну,

и с большой охотой постигал науки в Академии. По её окончанию власти Риги наши возможность предоставить Теленкову квартиру – у него появился «свой угол».

Все годы учёбы – в Ярославле, Казани, Риге – Сергей Алексеевич много писал. Старался сохранить на полотнах личные впечатления о событиях Великой Отечественной войны. Так возникли картины «Подруги фронтовые», «Во фронтовом лесу» и ещё некоторые, которые имели успех у зрителей. Привлекали живописца и современные сюжеты.

Как ни хороша была Рига, но тоска по отчим местам, по Русскому Северу томила, не давала покоя. Поэтому, когда Союз художников Вологды предложил Теленкову вернуться на малую Родину, он охотно согласился. Вскоре ему удалось удачно поменять рижскую квартиру на жильё в Вологде.

В 1956 году он вернулся из Прибалтики домой.

Снова оказался в городе, где прошла юность, где начинал художником.

«Помню, зайдёшь в собес – на стене картины: лошадь по снегу тянет бревно или рыбачка с сетями у моря. Шли годы. Живопись со стен сдуло, - с иронией вспоминал Сергей Алексеевич. – Появились портреты членов Политбюро, всякие стенды…

Снова пришлось учиться приёмам изображения портретов членов Политбюро…».

Ирония иронией, но к тому времени, когда Теленков перебрался в Вологду, здесь существовал «целый букет» молодых, энергичных, дерзающих живописцев – Николай Баскаков, Олег Бороздин, Владимир Корбаков, Джана Тутунджан, София Хрусталёва …

Они встречались, спорили, обсуждали полотна, участвовали в выставках. Была в Вологде творческая среда, столь необходимая художнику, как воздух.

V

Ещё только половина пятого утра. Темень непроглядная за окном. А Сергей Алексеевич уже поднялся, уже бодрствует. Художник, отогнав сон, начал традиционную разминку.

Он понимал: движение – основа всему. Ему трудно ходить, но он ходит, двигается. Потом едет в бассейн и там плавает.

«Даже участвовал в соревнованиях по плаванию, - с улыбкой признался в одном из интервью. – Выиграл заплыв. Дали диплом, дали денег…».

Глядя на Сергея Алексеевича, трудно поверить, что перед вами человек с «подрезанными» ногами.

- Вот сегодня утром ехал на своей колясочке. Смотрю в небо, а там косяк журавлей полетел, - говорил он. – Настроение поднялось. Радостно на душе стало. Захотелось быстрее в мастерскую, сесть за мольберт, писать…

По прибытию в Вологду Теленков не мог сразу получить мастерскую. Переезжал с места на место. Позже выделили мастерскую на двоих – вместе с известной вологодской художницей Софией Ивановной Хрусталёвой. Она, как женщина, не могла обустроить помещение, а Сергей Алексеевич ей во всём помогал, хлопотал. «У нас в Союзе, кроме Теленкова, - говаривала София Ивановна, - нет других джентльменов. Он – молодец!».

Доброта, сердечность, душевность притягивали к Сергею Алексеевичу многих земляков, особенно – коллег. К нему можно было запросто зайти, потолковать о житейских и творческих делах…

- Он вселял во всех оптимизм! Это просто удивительно! – вспоминал известный вологодский художник Николай Иванович Мишуста. – Он потерял одну ногу, потом другую, вообще не мог стоять, чаще всего сидел в инвалидной коляске. И в то же время, несмотря на своё такое состояние, радовался жизни, как никто другой. Весело разгова-

ривал, шутил. И когда я на него смотрел, то думал: «А чего нам-то стонать, когда все здоровы? Руки-ноги есть, голова на месте. Нет, стонут, плачут, сердятся, жалуются на какие-то трудности. Говорят, что некогда работать, что уже выработались.

– Это – всё нытики, бесхарактерные ребята, которые не хотят себя преодолеть, – продолжал Мишуста. – У Сергея Алексеевича Теленкова ничего подобного не было и в помине. Он – настоящий человек! Своим примером он являл повесть о настоящем художнике…

Жизнелюбие и самоутверждение, эта, по большому счёту, победа добра над злом, конечно, находили выход в творчестве. Сергей Алексеевич много писал. Не только воплощал сюжеты из прошлого, но и пытался запечатлеть окружающий мир, передать на холсте свой взгляд на него. Так возникла серия пейзажей и зарисовок старой Вологды, в частности, картина «У перевоза».

Что касается военной темы, то у фронтовика отношение к ней несколько изменилось. В том плане изменилось, что он, «остыв» немного от фронтовых переживаний, пытался теперь осмыслить их глубже, понять драматизм и психологизм реальной войны. Эта «внутренняя» работа подкреплялась дополнительными впечатлениями о войне, которые художник черпал из произведений литературы, военной публицистики…

Он старался познакомить зрителей с военными картинами, и эти работы, как правило, находили тёплый отклик у публики.

«…Ночь. На горизонте кровавые отблески взрывов. Превозмогая боль, напрягая всю свою волю, ползёт по снегу раненый советский воин…».

(Картина «НЕПОБЕДИМЫЙ»)

… Взят неприятельский город. Уходят чёрные тяжёлые тучи. Встаёт солнце. У левого края композиции - будто бронзовый монумент – наш солдат. У ног его спят усталые однополчане».

(Картина «УТРО ПОБЕДЫ»)

... Сергей Теленков – художник, влюблённый в жизнь, с сердцем, полным доверия к людям. Он подмечает у своих типажей лучшие качества натуры, облагораживает их...» - так писал о творчестве Теленкова известный вологодский искусствовед и замечательный прозаик Владимир Степанович Железняк (областная газета «Красный Север», 1962 г.).

В те годы Сергей Алексеевич активно участвовал в областных и зональных выставках. Но если появлялась возможность показать своё творчество отдельно, то он, конечно, использовал её.

Такая выставка прошла в начале 60-х годов XX века в Вологодском педагогическом институте. Студенты и преподаватели горячо откликнулись на вернисаж Теленкова. На встрече с живописцем они задавали ему много вопросов. Да и сами взволнованно рассказывали о том, чем их поразили полотна мастера, особо отмечали яркий колорит в картинах «Дети на берегу», «Подружки»...

Любовь к детям у Сергея Алексеевича была трогательной, в чём нетрудно увидеть проявление жизнелюбия. Художник почти в течение двадцати лет занимался с одарёнными ребятами в кружках и студиях. «Дети – это целый мир, - делился он в интервью писателю Владимиру Железняку. – Я не мыслю своего творчества без темы о детях. Всегда чувствую себя счастливым, если удаётся запечатлеть на холсте образы девчонок и мальчишек, а в них – будущее мира!».

Да, запечатлеть образы удавалось. Часто в летнюю пору Теленков уезжал на несколько дней в какой-нибудь пригородный пионерский лагерь и писал портреты мальчишек и девчонок. На одной из выставок он представил целую серию работ о детях. И сам художник радовался, как ребёнок, когда кто-то из его питомцев в том же кружке педагогического института делал удачные рисунки.

В дневнике художника встречаем любопытную запись:

«С пяти утра до работы – этюды, просмотры, эскизы, выставки; экономия во всём!».

Ну, речь идёт, конечно, об экономии времени. Полагаю, это связано с тем, что художник вёл студию детского творчества во Дворце культуры железнодорожников в Вологде. В своё время она была организована по инициативе художника Николая Баскакова. В ней занималась и Татьяна Горелышева, известная вологодская художница, ученица Сергея Теленкова.

- Когда я приехала в Вологду, - рассказывала она, - мой двоюродный брат Володя Шувалов привёл меня во Дворец железнодорожников. Мне тогда было восемнадцать лет, меня приняли в студию, и я ходила туда семь лет. Весело было заниматься у Сергея Алексеевича Теленкова. Мы работали просто для себя, смеялись, натуры искали, писали портреты. У Сергея Алексеевича была машина, он посадит нас и везёт на этюды, иногда мы и ночевали на природе, предварительно захватив палатки.

- Нас привлекала его манера, это мощь – он брал большими объёмами, мазками. Теперь такой школы нет ни у кого. Отсюда в работах Теленкова полнота ощущения жизни. Он был оптимист, очень сильный духом. Всегда в тонусе, всегда в настроении. И такой же заряд давал ребятам. У нас не было какой-то методики, как это принято в художественных школах. Писали то, что нравилось. Теленков подходил к кому-нибудь, показывал, как надо делать. Иногда ругал, говорил, что надо «брать объёмами». Ругал и меня, мол, не вырисовывай глазки, носики, объяснял, как правильно строить лицо. Можно было писать свободно, самовыражение на мольберте было первичным. А если что-то не получалось, можно было подойти к Сергею Алексеевичу и спросить. И он обязательно подскажет, потому что сам работал тут же. Техника у нас была своеобразная: мы писали щетинными кистями, акварелями – так теперь нигде не работают. Очень благодарю судьбе за встречу с Теленковым…

VI

Он искал себя, как ни странно, всегда!

Это свойственно исключительно творческим натурам. Живописец пробовал разные жанры и направления, к чему-то прикипал, ну, а от каких-то «моментов» в живописи отказывался...

Интуитивно Сергей Алексеевич оставался верен тому, чем отметила судьба – фронтовому прошлому. Да, оно становилось главным делом. По большому счёту, художник сохранял память о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, отражал далёкие события в жанровых полотнах.

Не всегда большие по размерам картины, но непременно имели реальный сюжет. Уже одно это отличие придавало им художественную ценность. К тому же, думая о друзьях и товарищах, с которыми делил фронтовые невзгоды, Теленков создал серию портретов участников боёв и сражений под Тулой.

Накануне 45-летия Победы он открыл вернисаж во Дворце культуры железнодорожников, представив наиболее значимые работы.

«Эта выставка для художника, можно сказать, этапная, подводящая итог многолетним раздумьям и творческим поискам, - отмечала местная пресса. – В его работах, как в капле воды, отражена суровая правда жизни, в которой, как в калейдоскопе, перемежаются трагическое и смешное. Различны полотна Сергея Алексеевича, но их объединяет одно - необыкновенная доброта и любовь к людям...

О его личном мужестве говорят три ордена Великой Отечественной войны и боевые медали».

Все, кто бывал на выставке, замечали, как выросло и окрепло мастерство живописца. Он обрёл свой, неповторимый почерк. Манеру Теленкова легко было узнать и определить даже по небольшому этюду. Критик Ольга Воронова в журнале «Художник РСФСР» дала такую ха-

рактеристику: «Сергей Алексеевич Теленков тяготеет к простоте и реальности... Он не ищет затейливых сюжетов, ни оригинальных или особенно красивых ландшафтов. Может залюбоваться тем, что видит ежедневно – жизнью речного затона, замёрзшей гладью реки. Идущая по льду к стоящим пароходам женщина кажется ему воплощением прекрасного... Слова А.А. Дейнеки «Живописный пластический образ должен быть прост, реален, лишён литературности» - глубоко пережиты им».

... Вскоре грянули социальные перемены. Художник воспринял их, как и большинство людей из его поколения, без энтузиазма, скорее – скептически. «Ситуация такая, что всё развалилось, всё заглохло, - сетовал Сергей Алексеевич в одном из интервью. – В Союзе художников дела идут неважно. За мастерские надо платить больше деньги. А что у меня? Я сижу на пенсии. Коммерческие отношения входят в мир искусства. Вот ребята возили в Москву мои картины, иностранцы покупали отдельные мои работы. Кажется, увезли в Норвегию.

Какие-то наши художники крутятся...».

Но что значит «крутиться»?

Сергей Алексеевич и так вставал до рассвета и начинал трудиться. В том и состояло его понимание «крутиться». Другого чего-то он не мог. Да и это давалось ему не просто. Тяжело, очень тяжело работал, стоя перед мольбертом. Сжимая зубы, не выпускал из пальцев кисть.

«Когда к Теленкову приводили покупателей, у которых были мешки денег, - рассказывали в Вологодском Союзе художников, - он им говорил: «Ваши деньги мне не нужны! Я хочу знать: зачем, с какой целью хотите приобрести мои картины?». И если чувствовал, что перед ним спекулянты, перекупщики, то, несмотря на пачки долларов, которыми они потрясали, посылал их подальше... Хотя в деньгах, конечно, нуждался!».

У него не было самоцели – продать произведения любым способом. Он хотел, чтобы работы попали в картин-

ные галереи хотя бы областных центров. Но в тот период государственные закупки картин у художников практически отменили.

И всё же счастливый случай выпал фронтовику. Но этот случай был уже связан не с государственной, а с частной галереей собирателя живописи Евгения Лунина из Череповца.

Произошло это так.

- Меня с Теленковым познакомил известный наш художник, академик Валерий Страхов. Он увлекательно рассказал о фронтовике, и я пошёл вместе с ним к Сергею Алексеевичу, - вспоминал Евгений Михайлович. – И на самом деле он оказался уникальной личностью. Я провёл у Теленкова на квартире целый день, вместе посмотрели и перебрали работы, что копились у него годами. Одна вещь запала в душу – на полотне нарисовала лошадь. Ну, вот просто лошадь – и всё! Потрясающая вещь, причём небольшая, где-то сорок на пятьдесят сантиметров, висела в ванной. Я спросил, а он ответил, что ему нравится это место, добавил: «Продавать я её не буду!». Я хотел сфотографировать, но аппарата с собой не оказалось – такая невезуха. Я отобрал, наверное, с десяток работ, и он мне их уступил. Но самое лучшее, что я тогда выбрал, было, к сожалению, уже продано. Ведь я пришёл на закате творчества, когда это был пожилой и больной человек…

Да, так сложилось. И всё же, благодаря усилиям Лунина, сохранились уникальные художественные произведения самобытного живописца.

… Любимый праздник у него, конечно, день Победы.

9 мая 2001 года он уже был настолько болен, что не вставал.

Николай Мишуста, собрав на даче букет тюльпанов, поехал к старшему коллеге, которого война покалечила, но не сломала.

Теленков обрадовался гостю.

«Какой ты хороший! – с озорной улыбкой сказал Сергей

Алексеевич. – И откуда только ты такой взялся?».

Николай Иванович рассмеялся.

Спросил: «Кто-нибудь поздравил Вас сегодня?». «Никого не было, – мотнул головой, – забыли про меня…».

И глаза у него повлажнели.

Летом того же года Сергей Алексеевич ушёл в мир иной.

Это так. Но и не совсем так.

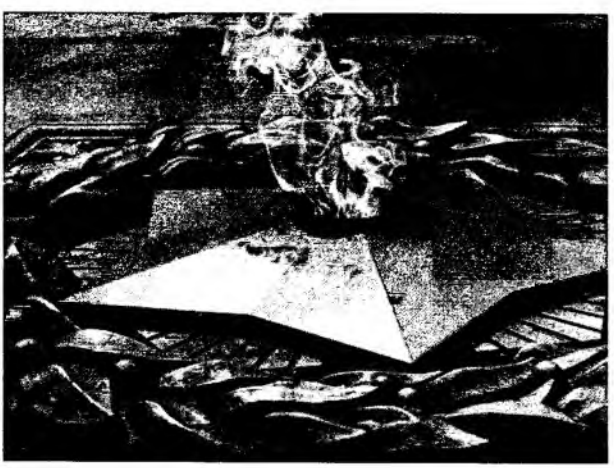
Он продолжает оставаться с нами своим творчеством. Картины радуют и будут ещё долго радовать всех, кто ценит русскую живопись.

Жизнелюб с поля боя подаёт нам пример!

Геннадий САЗОНОВ

«ЧТО ОСТАЛОСЬ НАВЕЧНО...»

Стихи разных лет



У ПАМЯТНИКА

Бывают минуты – свинца тяжелее,
Когда застываю у каменных плит,
Всем сердцем скорбя, о погибших жалея…
И эти минуты душа сохранит!
В груди неуёмней, сильнее всё жажда –
Узнать, что сокрыли войны времена…
Я слушаю памятник - молча и жадно.
Со мной говорит он.
И – прочь тишина!

1970

СЛУЧАЙ

Мы не знали войны,
Но она и до нас
долетала –
Склад тяжелых снарядов
Ребята у рощи нашли.
Смерть, как зверь,
до поры
Хоронясь под корою
металла,
Обнажила клыки свои
из-под земли.
Обезвредил сапёр
смертоносное
чёрное взгорье,
И пролёг в моем сердце
Дивизий
израненный путь.

А под вечер
сосед воевавший
протезной ногою
Проскрипел –
до утра не уснуть!

1969

ПОКЛОН

Дядя Коля говорил мне:
– Поклонись Ленинграду…
Попрощались мы.
К вагону иду.
А сосед заплакал,
вспомнил блокаду…
Слёзы все не выплакал
в сорок третьем году…
Чуть померкло, потемнело
синее лето…
… Вот и Питер за окошком.
А в душе – торжество!
Жизнь весеннею Невою
закружила…
Про соседа
позабыл я…
Но письмо получил от него!
Память высветила сцену:
Ходили тикали,
Пил сосед одиноко,
Собирался на вокзал…
Я проснусь
Просветлённым и тихим,

Словно тайну между строк
Он мне подсказал…
Я куплю цветы в киоске,
Поеду в Лигово,
Пройду до обелиска,
И пойму,
Как этой встречи хочу –
Дядя Коля воевал здесь…
Поклонюсь низко, низко.
Помолчу!

1971

В МОЁМ КРАЮ

Мой край в войну
Хлебнул крутого лиха –
Сгорело столько
Деревень и сёл,
Что и теперь
Невыразимо тихо
Там, где дымок из труб
На зорьке шёл…

А сколько их – бойцов,
В порыве смелом,
«Победа – наша!» –
С думою одной,
Легло под Ржевом
И легло под Белым –
В полях, в болотах
Стороны родной!

Об этом я
Навеки помнить буду!
Село у речки встречу –
Вот мечта!
Пусть топоры
Да застучат повсюду,
Пусть процветают
Отчие места!

Когда, бродя
Тропинкою в лесочке,
Наткнусь на ямы,
Где бои прошли –
Из сердца прорастают
Эти строчки,
Я слышу голос
Раненой земли!

1973

У ОБЕЛИСКА В МОЛДИНЕ

По всей земле их горькие могилы…
А здесь у озера, в родном селе,
В тенистом парке,
под берёзой милой,
Солдаты спят в неведомом тепле,
Под вековым гранитным одеялом…
И золотом горят их имена.
Не позабыла Русь, не растеряла
Сынов, что отняла у ней война!

Весенний день по Молдину гуляет,
Победы праздник нынче у ворот.
И к обелиску – он звездой сияет –
Из деревень идёт, идёт народ…

Замедлю шаг у старого порога,
Где баба Дуня дряхлая одна
С печалью долго смотрит на дорогу –
Но не вернёт ей милого война!

Шумят о прошлом тополя и липы,
И старческие вторят им уста:
«Вот если б мужики да встать могли бы,
Да на родные посмотреть места,
Пройти вдоль речки, надышаться маем,
Испить водицы родниковой той…»

И долго тишина висит немая
Над острою солдатскою звездой!

1978

РОДОСЛОВНАЯ

Родословную всю растрепали,
Чтоб корней мне в веках не найти…
Не жалели ни крови, ни стали,
Чтобы стал я безродным в пути.

Чтобы в дне, одичало встающем,
Где богач катит в синем авто,
Был я тихим, послушно бредущим,
Бездуховным по кличке «никто».

Но не вырвали с почвы родимой.
Мне без Родины – никуда!
Мне родня – наши вёсны и зимы,
Перелески, луга и стада…

В мужике, долго поле пахавшем,
В мужике, что изранен в бою,
И в истлевшем, но землю не сдавшим –
Родословную вижу мою!
1991

КОНЕЦ

Деревня названа «Конец»,
Конечно, не потехи ради…
Но заливается юнец
И смехом заглушает радио
На ремешке через плечо…
Крестясь, бранится бабка:
– Чёрт…
К лесам лисой подкралась осень,
Её следы – на весь простор…
Юнцу – бабуся:
– Нонче – восемь,
А до войны здесь было сто
Избушек новеньких и тёплых…
А у меня – сноха и тёлка…
Ступая медленно и грузно,
В худые сени вновь вошла,
И боль, давнишняя и грустная,
Шипя, змеёй за ней вползла…
Деревня названа «Конец»,
Конечно, не потехи ради…
Не заливается юнец,

И в такт ему замолкло радио
На ремешке через плечо…
Он долго думает…
О чём?

Какой в нём дух в томленье жажды?
Поймёт ли этой жизни сны?
Назвали так её однажды
В честь окончания Войны!
1972

ОТЕЦ

На исходе войны пятый год.
И отец мой по шпалам бредёт…
Лик его изнуреньем налит:
Мастер рельсов почти инвалид –
Боль под рёбрами не унять,
И седые виски в тридцать пять…
За плечами войны жуткой тень:
Бесконечно грохочущий день
Между рельсов и шпал, костылей
Наступал всё упрямей и злей,
Поднимал, опускал, колотил…
Слава Богу, слегка отпустил!
И под Ржевом, и под Торжком
Рельсы рвали, или торчком
Поднимались они после бомб…
Немцы лезли сюда напролом.
И отец мой спешил на аврал –
Рельсы заново собирал,
Чтоб тянулись на Ржев поезда…
Это нам не понять никогда!
На исходе войны пятый год,
И отец мой по шпалам бредёт.

Он бредёт уже в небытиё –
Это чувствует сердце моё.
Он бредёт, выбиваясь из сил.
Жизнь мою – он собой оплатил!

2016

ВЕЛИКИЙ ГРЕХ

О чём вожди нам всё пророчат,
Мечтая осчастливить всех?
В Мясном Бору, на Новгородчине,
Лежит на них солдатский грех.
Из тьмы военной, из забвения
Солдаты павшие вопят…
Великий грех – непогребение…
Им день сегодняшний распят!
Тот грех нисходит Божьим гневом
И в наши мысли, и дела…
Лежат под Вязьмой и под Ржевом
Солдат останки – не тела,
Не кости даже – бирки-блики…
Но души-то вовсю вопят…
Непогребенье – грех великий.
И день грядущий им распят!
О чём вожди нам всё пророчат,
Забыв обычай старины?
Великий грех! И бой не кончен,
Коль не в земле солдат войны!
1997

ГОРЬКАЯ КАРТОШКА

Рассказ крестьянки

Война. Зима. И голод с нею.
Метель стучала в сеновал.
Но холода ещё страшнее
Фашист повсюду лютовал –
Днём и не выглянем в окошко.
Охота есть до тошноты…
Под вечер – в поле за картошкой,
Там были с осени бурты.
Мужик мой воевал на фронте.
С собою дочку я взяла.
Идём, смотрю – на горизонте
Фашист летит. Я обмерла!
Упали тут мы. Снег фонтаном
От пуль взлетал и лица сёк…
Наверно, думала, не встану.
Не встала дочка…
Вот и всё!
Похоронила за овином.
И коль весной туда пойду,
Так чую: дымка луговая
По травам вьётся, как змея…
Картошка сладкою бывает,
Но горькую едала я!
2018

ФРОНТОВИК

1

Сидит солдат в избе у печки.
На осень смотрит из окна.
В душе его,
как в бурной речке,

Война плеснула вдруг
со дна…
Дымок махры –
кольцом до матиц,
Слова укором налиты:
«Вот, мы - в тепле!
А там-то, братец,
Вой, гул…
наделаешь в порты…
– Да немец прёт,
как одурманен,
В ушах звенит, в глазах рябит…
Да Сашка, друг-земеля, ранен,
Да командир к тому ж убит!
– На километр – стволов уж сотня,
А, может, три. Снаряд везу.
Всего не вспомню я сегодня…».
И кулаком смахнул слезу!

2

В глазах – всё небо голубое.
Не ради почестей, наград
Он шёл в строю от боя к бою
Из Грязовца простой солдат.
С ним – миллионы шли, иные
В родную землю полегли…
Валили пули их шальные,
Но всё они превозмогли.

3

Сидит солдат в избе.
И чудно
Исходит свет
с его седин…

В округе, прежде многолюдной,
Как мамонт, он теперь – один!
Не знаю, будет ли когда-то
Продолжена геройства нить…
Но память горькую солдата
Нам Бог велел
хранить, хранить!
2015

СВЕЧА
по Александру МАРИНЕСКО

Так хочет Русь,
И я так хочу
Наперекор
молве богомерзкой –
В храме Владимира
ставят свечу
За упокой души Маринеско…
Русское сердце
в скорби замрёт
И полетит благодарною птицей
В лютый январь,
в 45-й тот год,
Где его подвиг навечно случится.
Балтики плещет штиль голубой,
Немцы на палубе
«Густлоффа» пляшут…
Но Маринеско вышел на бой –
«За Ленинград», «За Родину нашу»!
Всплыла подлодка – не ждали её.
Сердце стучит на пределе.
Твёрд капитан, команда: «В ружьё!»,

В «Густлофф» торпеды летели…
За – убиенных детей, матерей!
За – поругание Родины нашей!
Вот уж тогда из фашистов-зверей
Море варило кровавую кашу…
Где Александр храбрости взял?
В глуби морской не найти её – нету.
Чудится, он изначально сиял
Духом Ослябли, огнём Пересвета…
Так хочет Русь, и я так хочу,
Хоть удила вы и закусили,
Но трепещите – мы ставим свечу! –
Вы, кто ещё
ненавидит Россию…

2016

НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

Владимиру Золотову

На Поклонной Горе –
Утро всё в серебре,
И сияет небесным окладом.
Торжеством твоих глаз
Здесь побудь хоть бы раз –
И былое окажется рядом!
На Поклонной Горе
Вижу вновь – на заре
Батальонов шеренга искрится:
В бой уходят они
В грозовые те дни,
Когда рвались фашисты
К столице.
Бой – кипящее зло!

Сколько их полегло
Наших сверстников – юных, красивых.
Нет, они не ушли
В неизвестность земли –
Стали славой твоею, Россия!
На Поклонной Горе
В золотом сентябре
Обелиск в поднебесье рвётся.
Это память твоя,
Это память моя –
Здесь навеки живой
Остаётся!

НАСЛЕДНИКИ

В мусорных баках
Наследники Победы копаются,
Чтоб отыскать пустую бутылку
Или хлеба кусок…
А в Лондоне олигархи из РФ
В бриллиантах купаются
И пьют в ресторанах
«русскую кровь» –
Так называется сок…
В нищете пребывают старушки,
Они в войну девчонками
Точили снаряды для фронта,
Чтоб Победа была…
И молчат на постаментах
Боевые горячие пушки,
И краснеют на постаментах танки
От ползущего по стране зла…
И кричат обелиски
Над могилами братскими:

«Не за это мы погибали, братва,
Чтоб глумился враг
Над памятниками солдатскими,
Чтобы жизнью правила
Олигархическая жратва…»

ПРОВОДЫ

Памяти Н.И.Кузнецова,
Героя Советского Союза

Скорбел оркестр военных тихо,
И жёг наград высоких жар…
Солдат, хлебнувший горя-лиха,
На одре смертном возлежал.
И люди шли и шли к Герою
Былой, но памятной войны.
Геройство это приоткрою –
Фашист боялся старшины.
Рыдал оркестр, и было больно,
Томился дух мой без конца…
И вдруг заплакал я невольно,
Как будто хоронил отца…
Уходят в мир иной солдаты
Великой схватки всех эпох.
Чисты дела их, души святы!
Не будь и ты пред ними плох.
Прощальный залп солдатам слыша,
Храни завет их дорогой:
«Люби Россию!» - больше, выше
Нет на земле любви другой!

ПОЛУСТАНОК

Я на насыпь взошёл,
где когда-то давно
Земляника цвела по откосам…
И гудело натружено полотно,
Покоряясь тяжёлым колесам.
Где ночами составы
для фронта неслись –
Так чугунка Россию спасала!
А в путейских казармах
лелеяли жизнь,
Наступая на смертное жало!
Чем лелеяли, как?
Да молитвой святой
От беды и бесхлебья спасались…
Грохотали составы
за тонкой стеной,
Ребятишки живыми остались.
Сколько тайн, сколько слёз,
Сколько радостных дней
Мне судьба здесь дарила сердечно!
Я на насыпь взошёл,
и с неё мне видней,
Что ушло навсегда,
что осталось навечно!
Отгремела война.
Одолели мы зло –
Путь оно никогда не вернётся!
Но останется пусть,
как мы жили светло –
Вкусный хлеб и вода из колодца!
… Замолчала чугунка.
И станции все
Заросли камышом, чернолесьем

И пропали в холодной
осенней росе…
Но в душе моей всё же воскресли!
Долетали ко мне паровозов гудки,
И глазки семафоров мигали…
«Всё пропало давно, -
ветер нёс от реки, -
Потускнели родимые дали…»
Я не верю, что жертвы
пошли задарма.
Память разве сотрёшь рукавицей?
Где-то там далеко
в городах кутерьма,
И «Сапсан», будто чудище,
мчится…
«Будь неладен прогресс! –
я сорвался на крик, -
Весь комфорт твой,
и вся камарилья…».
Твой несется «Сапсан»
в бездуховный тупик,
Где сломает незримые крылья…
2018

В ЗВЁЗДНОМ ВИХРЕ

В звёздном вихре сгорающей пыли
Наших старших мелькнут имена –
Отлюбили, отпели, отбыли
Те, на ком и держалась страна.
И войну претерпели, и голод.
И реформы – удавку для нас.
Помни ты, кто беспечен и молод,
Кем оплачен твой век и твой час!
2018

МЕДУНИЦА

Рано утром мне нынче не спится,
Ухожу я к прохладной реке,
Где на склонах цветёт медуница,
И гуляет туман вдалеке.
Аромат медуницы чудесный,
Словно радость, над лугом плывёт.
Я вдохнул, и как будто воскресло
Детство – счастье моё без забот.
Запах – только другой медуницы,
Мать с подойником в полдень идёт,
Мир за домом звенит и искрится,
И над лесом кружит вертолёт…
Хлеба мало. И горе бывало.
Но я помню ту пору другой –
Радость голубем в доме летала,
С нею вместе – любовь и покой.
Отчего же теперь всё иначе?
Хлеба много. И горе – не в счёт.
Ну, а сердце невольно заплачет,
Совершая над детством полёт –
Об утрате любви и покоя,
И о радости самой простой…
Медуница цветёт за рекою,
И пьянит её терпкий настой!

2005

рассказы

МОНАСТЫРЬ

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идёт, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Александр ТВАРДОВСКИЙ.

***

Не подумайте, что небылица!

Нет, это – самая настоящая быль!

И о ней, наверняка, знали те, кто воевал в 41-м году под Москвой. Из уст в уста бойцы передавали её, как легенду, а иногда кто-то для пущей важности, может, и прибавлял что-нибудь...

Ну, а те, кто эту дивную быль и сотворил, без особой охоты вспоминали подробности. Советский солдат не любил хвастать подвигами.

Увы, очевидцы давным-давно ушли в мир иной. Хорошо ещё, что комиссар Павел Севастьянов, дослужившийся после войны до звания генерал-майора, сохранил набросок уникальных событий.

И я не открою в них что-то новое. Просто попытаюсь представить и понять, как всё происходило.

Перенесёмся мысленно на семьдесят с лишним лет назад, в далёкий октябрь 1941 года, на берег Волги.

***

1

...Гремели жестокие бои за Калинин. Враг, имея преимущество в бронетехнике, теснил подразделения 5-й дивизии, которые обороняли город. Да, приходилось отходить.

Но каждый метр нашей земли доставался захватчикам большой кровью.

Шли уже третьи сутки, как фашисты, делая одну атаку за другой, так и не взяли предместье поселка Элеватор на окрание областного центра, да и сами производственные корпуса.

Подходы к ним были устланы трупами немцев.

Фрицы никак не могли взять в толк, что происходит? Откуда русские черпают силы?

В зоне обороны советских частей не осталось и клочка живой земли, всё было изуродовано минами и снарядами. Кто мог бы уцелеть в таком аду?

Но лишь немцы начинали идти в очередной прорыв и приближались к Элеватору, их почти в упор расстреливали наши бойцы.

Фашисты озверели!

По легкому морозцу враги выкатили на передний край звуковую установку, включили микрофоны и усилители.

На позиции наших бойцов полетела агитация.

«Уносите ноги! – орал какой-то провакатор. – Если до рассвета не уйдёте, мы сделаем из вас отбивную...».

Орал он на русском языке.

– Да пошёл ты со своей отбивной! – крикнул один из наших бойцов. – Посмотри, вон ваши отбивные валяются! И ещё нарубим!

В говорящей установке нашего бойца, конечно, не услышали.

Но, похоже, на этот раз фрицы не врали по поводу «отбивной».

Едва забрезжил рассвет, они обрушили на район Элеватора всю наличную боевую мощь.

Рвались снаряды и мины, с неба летели бомбы. От дыма, гари, пыли красноармейцам стало тяжело дышать.

Немцы целились в высотные хранилища Элеватора, и, наконец, зажгли их.

Загорелось зерно, хлебный дух пошёл по помещениям.

Наши бойцы, державшие элеватор, не стали сбивать огонь. А если бы и захотели потушить пламя, то нечем - под руками ни воды, ни песку. Да и просто было некогда – фашисты начали новую атаку.

Они шли, а за ними нарастал рёв танковых моторов, лязгали гусеницы.

Красноармейцы отошли от дымившихся зернохранилищ за длинный каменный забор и заняли оборону в его проломах.

Цепи врагов, будто волны морские в шторм, накатывали ближе к Элеватору, и, оставляя убитых, опять откатывали назад.

И так – раз за разом.

Зависали фашистские самолёты, бомбили Элеватор. После налёта авиации обстрел начинала артиллерия. После обстрела катили танки, а за ними шла пехота…

Через короткое время всё повторялось.

Бой не утихал до глубоких сумерек.

Фашисты так и не взяли Элеватор.

Много лет спустя, на месте жестоких боёв воздвигли обелиск.

На нём выбиты незамысловатые стихи.

Огромна Родина!
Перед тобою – пядь
Родной земли.
Так поклонись Героям –

За пядь земли
Им жизнь
Пришлось отдать,
Прикрыть собой страну
На этом поле боя!

2

...Уже в потёмках командиры полков собрались на короткое совещание в специальном укрытии, уцелевшем на Элеваторе.

Большинство из них понимало, что завтра вряд ли удастся удержать Элеватор. Слишком сильным был накат фашистов, да и горело всё вокруг.

Видимо, придётся отходить на другие рубежи.

Последнее слово было за командиром дивизии. Но её командира, полковника Петра Сергеевича Телкова, накануне отозвали в распоряжение Военного совета армии и направили в другую часть.

Взамен прислали генерал-майора Владимира Романовича Вашкевича.

Новый генерал, судя по внешности, ничем не отличался от обычного бойца. Случайно встретив, вполне можно было принять его именно за рядового, недавно вышедшего из окружения.

Когда Владимир Романович вошёл в укрытие, мало кто подумал, что он-то и есть новый командир дивизии.

На его плечах висела потрёпаная бекеша, какие обычно носят кавказкие горцы, а на голове красовалась старая шапка-ушанка, разорванная в одном месте. Из-под неё генерал бросил жесткий, суровый взгляд на офицеров.

И на самом деле он был окруженцем. Всего каких-то две-три недели назад Владимир Романович варился в Вя-

земском «котле» – командовал дивизией из ополченцев Москвы, рабочих заводов и фабрик Подмосковья, молодых лейтенантов, досрочно получивших звание.

В подчинении у командира 2-й стрелковой дивизии было тринадцать тысяч бойцов и командиров в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет.

В начале сентября 1941 года московские ополченцы вышли в верховье Днепра. Здесь они сменили 133-ю стрелковую сибирскую дивизию, а её перебросили под Ельню, где готовили наступление на фашистов.

Генерал Владимир Романович Вашкевич мог бы поведать о том, как ополченцы яростно дрались на занятых позициях, громили врага не хуже красноармейцев из регулярных частей. Дивизия под его командованием имела название «Сталин», она контролировала шоссе и железную дорогу «Москва-Минск». В помощь ей был придан дивизион морских орудий, моряки прибыли с Балтики. В боях под Вязьмой московские ополченцы показали себя отлично.

Попав в окружении в ходе операции «Тайфун», дивизия не пала духом. Из «котла» генерал всё-таки вывел живыми несколько тысяч ополченцев, чем и сохранил подразделение.

***

Выслушав офицеров, ещё раз взвесив ситуацию вокруг Элеватора, генерал принял решение отвести дивизию на новые рубежи.

Но куда?

Это предстояло определить.

В тылу дивизии фашисты уже перекрыли шоссе на Москву. Они пытались обойти дивизию и с левого фланга, чтобы окружить её. Путь туда был закрыт.

Оставалась только одна дорога – вперёд, на восток, к Волге.

Можно было подойти к великой реке, и остаться на

этом берегу. Или перейти на другой берег и там закрепиться. Ну, это как уж покажет обстановка на месте.

В штабе армии, куда генерал доложил о своём плане, его поддержали.

Ночью батальоны и роты двинулись по равнине, присыпанной неглубоким снегом. Отмахав от окраины Калинина несколько километров, они подошли к Волге. Лёд на реке уже встал, был толстым. Попробовали долбить, убедились: выдержит и людей, и технику.

Переходить не стали: разведка доложила, что на том берегу в деревнях укрепились немцы.

А на берегу, куда вступил ударный полк дивизии, в темноте угадывались очертания древнего монастыря.

Командир дивизии взглядывался в темноту, словно искал ответ на какой-то, только ему известный вопрос.

Вдруг он повернулся к комиссару Севастьянову.

– Это нам подарок судьбы! – неожиданно сказал генерал, кивнув в сторону монастыря. – Я тут кое-что придумал…

Комдив приказал подразделениям занять все помещения обители, но ни в коем случае не разжигать костры, чтобы не подавать признаков жизни. Пусть у немцев, которые, наверняка, вели ночную разведку, будет впечатление, что монастырь пуст, а вся дивизия ушла дальше за Волгу.

Когда солдаты разместились, Владимир Романович поделился своим замыслом с Севастьяновым.

– Фашисты не обойдут монастырь, – продолжал Вашкевич. – Он у них, как больной зуб, торчит, обязательно обследуют! Как считаешь, комиссар?

– Думаю, вы правы, не обойдут, – поддержал Севастьянов.

– Вот тогда мы их и встретим! – заключил генерал.

В кельях братского корпуса, на папертях храмов белел снег, занесенный через разбитые окна, двери не закрывались, гулял сквозняк. Какой уж тут ночлег? Но деваться

некуда! Бойцы, не проявляя ропота, вполвалку полегли на каменные полы и тут же заснули.

И, будто по чьему-то велению, сразу стих ветер, в монастыре воцарилась глубокая тишина.

Странно или нет, но не один из спавших на ледяном полу не простудился и не замёрз в тревожную почти зимнюю ночь.

Будто неведомая сила хранила их!

3

Утром Вашкевич и Севастьянов поднялись на высокую монастырскую колокольню. С неё открылся отличный обзор окрестности.

Уже при утреннем свете они лучше разглядели и саму обитель – она представляла собой настоящую крепость. Довольно высокая и широкая стена опоясывала всю территорию. На углах стояли сторожевые башни. А в центре высился соборный храм, галерея соединяла его с колокольней, рядом - подсобные помещения.

На куполах, правда, не было крестов, поэтому вся обитель выглядела сиротливо.

Командир дивизии и комиссар, конечно, не ведали, что обитель заложили подвижники-монахи давно - в 1567 году. Её знали на Руси многие богомольцы. Сюда, к святым иконам, стекались верующие из сёл и деревень всей Верхней Волги.

Теперь же им обоим было не до истории монастыря. Да и от кого о ней они могли узнать?

Всё же Владимир Романович, хоть и был обременён сугубо земными попечениями, не сдержал восхищения.

– Да, предки делали храмы на века, – обронил он, - колокольня, что надо! И площадка сохранилась.

Комиссар ничего не ответил. Он вглядывался в горизонт.

Далеко белела широкая равнина. И там, где она сливалась с небом, темнели избы деревенек.

В то время, пока генерал с полковником находились на колокольне, командир ударного полка умело расставил по всей стене автоматчиков и пулеметчиков. Они смотрели вдаль из древних бойниц, как когда-то давным-давно смотрели, ожидая врагов, наши предки.

Расставили и замаскировали пушки и миномёты.

Командир дивизии не ошибся в своём прогнозе.

Вот зимнее солнце чуть взошло над равниной. И почти одновременно от ближней деревни отделилось что-то чёрное и направилось к Волге.

Генерал приложил к глазам бинокль.

Он увидел, как колонна людей и машин двигалась к реке – конечно, фашисты. Дойдя до берега, они рассыпались по нему; а из машин вынимали рукава и тянули ко льду, это были установки, с помощью которых наращивали лёд, чтобы пропустить танки и самоходные установки.

Монастырь, на который кое-кто из немцев показывал рукой, само собой, безмолствовал.

Монастырь был будто вымерший, пустой

Похоже, обитель не вызвала опасений у врагов.

Через какое-то время Владимир Романович заметил и вторую колонну, численностью, пожалуй, в два батальона. Она приближалась к берегу из другой деревни. «Хорошо, - подумал комдив, – что не пошли ночью в ту сторону».

Немцы спустились на реку, бодро зашагали к середине. Они шли довольно плотно – один ряд за другим. На ремнях висели автоматы, в морозной тишине гулко отдавались их шаги по льду. Долетал весёлый говор и смех, очевидно, вечером фрицы отметили очередную победу.

Иногда кто-нибудь из фрицев оборачивался в сторону монастыря, произносил что-то соседу в строю. Но, скорее, вряд ли это было предостережение. Просто у иностранца вызывала любопытство необычная архитектура древней обители.

И то, что они её обследуют, стало ясно!

Для того и шли в эту сторону.

Вот враги вышли на середину реки, почти все они оказались в зоне обстрела, были для наших бойцов, как на ладони.

Генерал выждал ещё несколько секунд.

– Огонь по врагу! – отдал команду Вашкевич.

Из бойниц монастыря зарокотали пулемёты и автоматы. Огонь был настолько точным, убойным, что колонна немцев оцепенела.

Фашисты сразу не могли понять, откуда по ним бьют.

Монастырь, они были уверены, – пустынный.

И вдруг – такой мощный залп оттуда.

Вопли, стоны разрезали воздух над зимней Волгой.

Оставляя мёртвых на льду, фашисты заметались туда-сюда, бросились к берегу, толкали друг друга, падали…

И тут наши бойцы выкатили несколько орудий из монастыря на самый берег, быстро расставили, укрепили и прямой наводкой начали стрелять по врагам.

Точными попаданиями артиллеристы обозначили четырехугольник, за который фашисты не могли выйти. Они метались в этом загоне, а пушки продролжали осыпать их снарядами, с монастырской стены строчили пулемёты и автоматы.

Бой, который можно назвать прицельным расстерелом врагов, длился недолго.

Ни один из фашистов не дошёл до берега.

А для 5-й дивизии это был первый бой за пять месяцев войны, в котором она не понесла ни одной потери.

Вот, наконец, стихли последние пулемётные очереди.

Генерал-майор Владимир Романович Вашкевич и дивизионный комиссар Павел Севастьянов вышли на берег Волги.

Им предстала страшная картина.

Лёд краснел от вражеской крови, на разном расстоянии повсюду валялись трупы и раненые.

– Настоящее ледовое побоище! – не удержался комиссар.

– Да, – кивнул генерал.

Он помолчал с минуту.

– Запомнят надолго, – сказал командир дивизии. - Это им – за Вязьму, и за Элеватор, и за всё остальное. Думаю, теперь они сюда не сунутся…

Наши бойцы подсчитали: свой конец на льду Волги нашли около семисот фашистов.

Вашкевич опять оказался прав.

Фашисты уже не возобновляли наступление на этом участке.

4

Монастырь стал рубежом, от которого дивизия не сделала ни одного шага на Восток, то есть – перестала отступать.

Она повернула на Запад.

Ей предстоял долгий путь до Берлина.

Начался другой отсчёт войны.

На календаре было 2 декабря 1941 года.

Красная армия, подтянув резервные дивизии с Урала и Сибири, готовила решающий удар по всем соединениям фашистских армий группы «Центр». На просторах Подмосковья зрела великая битва.

Но и тот, первый отрезок фронтового пути, никто не забывал. Когда подвели итоги, то оказалось, что за время отступления 5-й дивизии от предместий Смоленска до монастыря на берегу Волги, её соединения разгромили три дивизии фашистов.

Неплохой результат для советских солдат, «со страхом убегающих от фашистов»!

Фашисты много раз в листовках и по своему радио объ-

являли, что 5-й советской дивизии нет – она уничтожена.

Фрицы, как всегда, выдавали желаемое за действительное.

Полки выстроились для марша, теперь уже на Запад.

Генерал Владимир Романович Вашкевич в последний раз окинул взглядом монастырь, низко поклонился древней обители.

Униженный, оскорблённый, с поверженными крестами – монастырь и в том сиротском виде остался верен себе.

Монастырь сослужил добром Родине.

ТВЕРЬ-ВОЛОГДА
2015-2020

ЯБЛОКИ НЕБЕСНЫЕ

I

Нежный аромат ржаного хлеба, вынутого бабушкой из русской печи, долетал из одного мира в другой.

Я еще не родился, еще пребывал в нечувственной тьме, а дух теплого ржаного хлеба уже волновал, звал, манил…

Бабушка выложила каравай со сковороды на блюдо, поставила на стол, широким кухонным ножом отрезала ломоть. Подула на него, остужая.

– Пропекся хорошо! – оценила она свою работу, протянула хлеб моей маме. – Подкрепись, смотрю, с лица спала…

– Спасибо, мамушка!

–То ж и ему пищу надо, – кивнула бабка на мамин живот, – а то заморишь. Ох, горюшко-горе ты моё... Сидела-лежала бы в тепле, а все по холоду мыкаешь…

И тихо заплакала.

Свет от керосиновой лампы слабо отражал пожелтевшие щеки, стекавшие слезинки, скромную обстановку жилья, окно с рисунками из длинного инея. Мороз на улице лютовал – доходил ночью до минус сорока. Бревна в углах, стропила под крышей постреливали, словно напоминали о страшной войне…

Чудилось: изрядный холод с низким мглистым туманом спешил довершить, доломать, извести то, что не успел враг-скотина. В темную пору на перегоне, километрах в трех от станции, от мороза лопнул рельс на путях главного хода. Дежурный обходчик, слава Богу, светом фонаря обнаружил осколок, отскочивший от стыка, поднял тревогу.

Мастер околотка побежал собирать людей, включая беременную мою маму. Бабка, знамо дело, заворчала, раз-другой ругнула мастера: мол, нашел топор под лавкой…

Мама остановила ее: «Что я отсиживаться буду, если беда?».

Быстро нырнула в ватные штаны, запустила руки в утепленную фуфайку и вышла в морозную ночь.

В предрассветных сумерках собранная наскоро бригада топала пешком к пикету, где лопнул рельс.

Ждать подъемный кран из города пришлось бы долго, и неисправность стали устранять вручную. Не впервой! На срубленные ольховые палки повесили путейские фонари, заправленные керосином. Мастер отдавал команды. Рельс с дефектом, под дружное: «Раз-два-взяли», заскользил по наклоненным шпалам к кювету и упал на бровку.

С другой стороны полотна заводили новый рельс на замену снятого. В леденящем воздухе гудел призыв мастера: «Заходи, раз-два, взяли!». Скрипел-повизгивал снег под валенками. Иногда кто-нибудь из путейцев говорил соседу: «Потри нос, а то отморозишь…»

Мать приносила костыли, молотки, относила накладки, сортировала шпон для заделки стыков.

Бригада спешила. Около семи утра по графику должен идти большой сборный состав, его нельзя задерживать, иначе не сносить головы мастеру околотка и начальнику станции.

Мужики, разгоряченные работой, уложили подставки из шпал, железными ломами подняли на них длинный рельс, и стали разворачивать. В спешке, или мастер недоглядел, но на том конце не поставили страховщика. Рельс разворачивался, свободным концом стремительно надвигался на мать, она стояла посреди пути и, наклонясь, складывала шпон.

– Отойди! – истошно заорал кто-то. – Давай в сторону…

Но было поздно. Рельс ударил по бедрам, она подкошенным снопом отлетела в кювет. И потеряла сознание.

Мастер выругался матом, подбежал к старшему рабочему: «Ты, что, сдурел?». Тот ничего не ответил, снял рукавицу с ладони, вытер пот на виске. У кого-то оказался пузырек нашатырного спирта, смочили ватку, поднесли к носу упавшей, которую уже подняли из кювета и положили на бровку. Резкий запах аммиака подействовал, она пришла в себя, ей помогли подняться.

«Это я от испугу упала, – сказала мастеру, – Пройдет…»

Ремонт закончили без двадцати минут семь. Сборный состав прошел перегон строго по графику.

– Мамушка, не лей слезы, – успокаивала она бабку, - я ведь жива-здорова. Могло и хуже быть. Бывает, и насмерть забивают. Хлеб у тебя ноне особенно вкусный. Спасибо!

Бабка вытерла щеки.

– Господи, сохрани, – прошептала старуха. – И тебя сохрани, и его…

И бабка опять кивнула на живот дочери.

II

Тревожно взглянула мать на темный китель с отличиями путейского служащего. Хозяин был далеко, за сотни верст, в больничной палате. Она взяла бригадный журнал, прочла писанное его рукой, как бы наяву услышала мужа и представила в воображении. Вздохнула, положила журнал на тумбочку, на толстую книгу под названием «Справочник партработника», подарок начальник дистанции. «Это тебе, – сказал он отцу, – на любой случай жизни…».

За серой обложкой красовался портрет на матовой бумаге во всю страницу довольного мужика с бородой в пол-лица, овальными еврейскими чертами. Это был «пророк коммунизма».

Я еще не родился, только вызревал из невидимого мира, а он уже определил мою судьбу. Иудей из Германии, не знавший моей родной деревни и страны, заранее обозначил, как мне поступать, что думать и чувствовать, о чём говорить и писать…

Я еще не пришел в видимый мир, а «законы пророка» требовали отречься от Бога, от храма, от предков, создавших великую Русь; от деревенской речки, от лужка перед домом, от полей и лесов – и всего остального, что составляло суть русского бытия, отличало человека от зверя.

И до смертного дня предписывали «законы» уплясывать перед изображением иудея, вокруг каменного изваяния, как вращается земля вокруг солнца; возносить, подобно дикарю, фимиам «гениальному ученому»…

Я еще не пришел в мир, а кумир мне был уготован!

***

…Из окна больничной палаты, где стояла койка отца, старинный московский дворик напоминал лирический пейзаж русского художника Алексея Саврасова.

Отец любил этого живописца.

В раннем детстве кто-то подарил ему репродукцию сав-

расовской картины «Весенний день». Она стала такой родной и близкой, что отец с ней не расставался. Да, за окном не было весенней лужи и оттаявшей грязноватой сельской дороги, как изображено на полотне. Но так же беззаботно светило солнышко, чирикали воробьи и тенькали синицы, а с набухающих почек на ветвях берез стекали, сверкая, капли.

Отец следил за полетом капель, забывался на миг от боли; возвращался мыслями в оставленный дом.

...Участь, уготованная «пророком» сестрам, брату и мне, беспокоила отца. Время в больнице текло иначе, чем, когда чувствовал себя здоровым; разворачивало сознание туда, куда оно не заглядывало, придавленное нуждой и суетой.

В теплом свете предстала отчая деревня в болотистом андреапольском краю. Дом-пятистенок на берегу реки, большая работящая семья: плотники, печники, пахари, лесорубы. Не было в деревне дела, которое бы братья Савельевы не смогли изладить. Высокие, дородные, они, казалось, будут, жить вечно, не истратив себя в косьбе, пахоте земли, заготовке дров, праздничных застольях...

Но загудела очередная война, зачала качать добротную Русь. И пошли всюду круги, вплоть до той деревеньки. Отца моего отца забрали по призыву, одели по правилам царской армии в новое солдатское: выдали сапоги, ремень, берет, где был значок двухглавого орла.

И встала Русь супротив Германии за былинное право жить на особинку.

Алешке три года, он спросил маму-Марию:

– Папка зачем ушёл на войну?

– Бога защищать, да всех нас от врагов, – Мария погладила его по головке. – Придёт скоро, придёт...

Придти-то он не пришёл, погиб от немецкой пули в 1916 году. У Марии осталось на руках четверо детей.

«Бога защищать!» – звенело в голове отца.

«Как же свести концы с концами, – размышлял боль-

ной, вслушиваясь в постукивание капель о ледяную дорожку в саду, – если немца били в первую империалистическую, а после на немца-иудея как на Бога молились? Как свести концы с концами, если в тридцатые годы гнали эшелонами зерно в Германию, а потом немец пошел на нас с этими запасами продовольствия , началась Великая Отечественная…

Концы с концами не связывались.

В палату вошёл хирург. Присел на табуретку.

– Как настроение, товарищ мастер?

– Держимся, немцы не одолели, а свои, уж думаю, не одолеют, – больной улыбнулся.

– Ваш оптимизм мне нравится, – сказал хирург. - Готовьтесь, завтра операция.

– Я хоть сейчас готов, – ответил он. – Селедочки хочется. Доктор прикажите маленький кусочек, пососать…

– Селедочки? Ну, что ж. Я распоряжусь, принесут.

Хирург ушел.

***

Больной размышлял: «А если завтра я умру? Что будет с женой, детьми? Нет, прочь чёрные мысли. Надо выбираться отсюда. Жить, жить! Столько ещё предстоит сделать…».

Он вспомнил, как в войну отпросился на побывку из ада Ржевского фронта. Дома мастер увидел умирающих от голода маленьких дочерей, жену и тёщу, еле переставляющих ноги. Если ещё пошлют его на долгий срок восстанавливать пути, они просто умрут.

И отец с утра до вечера расчищал лес рядом с домом, выкорчевал пни, остатки поджёг, чтобы земля прогрелась, посеял на делянке рожь.

К осени она дала отличный урожай, что и спасло семью от голода.

Отец забылся, в полудреме почудилось, будто перед ним открыли чёрный занавес, и он увидел широкую сере-

бристую полосу: ей не было конца, а рядом светился кусочек другой тонкой полосы, и чей-то голос сказал: «Вот та – жизнь вечная, а эта – твоя земная, она миг по сравнению с той...»

Испарина выступила на лбу, он вздрогнул, проснулся. Минуту-другую не мог понять, где находится. Наконец, вспомнил - в больнице.

«Чей это был голос? – думал он. – Что такое? Почему моя жизнь – миг?».

На следующее утро его вывезли из палаты на каталке. Последнее, что отец видел – потолок операционной, напряженный взгляд хирурга.

– Потерпите, все наладим, – успокоил он. – Потерпите...

И наступила темнота.

Операция шла к концу.

– Что случилось? – хирург обратился к помогавшему врачу.

– Остановилось сердце, больной умер.

III

Ещё уцелевшая от земства, маленькая деревянная больница стояла в центре села, недалеко от полуразрушенной церкви. Здесь лечили всякие болезни, даже принимали роды.

Теперь я родился, но не был живым. Видимо, так повлиял на маму удар рельсом в ту зимнюю стужу...

Акушерка, бывшая фронтовая медсестра, не впала в панику. На фронте она видала и не такое.

– Ну-ка, дайте его сюда, – сказала. – Приведу, с Вожьей помощью, в чувство...

И взяла бездыханное тельце. И, удобно положив, стала хлестать ладонью, приговаривая какую-то присказку.

Иногда всхлипывала и глотала слезы. И хлестала опять. И я, наконец, подал голос, закричал …

– То-то же! – засмеялась фронтовичка. – Во как залился! Настоящий – живой! А говорили мертвый…

Теперь я пришел в этот мир.

Пока с мамой лежали в больнице, зима перешла в лето. Сюда роженицу привезли в санях по заснеженному проселку, а когда выписали, солнце палило, снег быстро таял, птицы славили благодать Божью – пришлось ехать назад на телеге.

В жилище ждал меня домик, переданный по наследству от сестер – берестяная люлька, куда по приезде и положили; она была подвешена на крюк в потолке. И потекла моя жизнь, полная чудес и таинств.

Я не знал, что вслед за отцом ушла в мир иной бабушка, она так заботливо беспокоилась обо мне, когда я ещё сюда не пришел. У матери их уход отложился ярко- белыми прядями в копне черных смоляных волос. Ей было 33 года, возраст Христа. Может, на Него и уповала, оставшись с пятью детьми, без двух опор – без мужа и без матери?

Не представляю ныне, как можно было выстоять!

Иногда наезжала вторая бабушка, сокрушенно качала головой при виде полуголодных ребятишек, вздыхала, плакала, одаривала скромными гостинцами. Как-то не сдержалась:

– Лучше уж помер бы, – кивнула на люльку, – все бы легче было…

Мать ей ничего не ответила.

Будто почувствовав невидимую угрозу, я заплакал. Мама, припевая, стала качать люльку. Но я не унимался. Она опять качала и опять напевала; оставив люльку, ушла на кухню…

Когда вернулась, в комнате было тихо. Она удивилась, подошла к люльке. Я сидел, а у моих ног лежали два больших золотых яблока. От них исходил слабый свет, но он не

резал глаза. Я перекатывал яблоки с места на место, улыбался, снова перекатывал…

– Господи, какое чудо! – прошептала она.

И хотела позвать свекровь, обрадовать. Но решила удостовериться, не показалось ли?

Опять подошла к люльке. Я крепко спал, на груди лежали два зеленых яблочка с розовыми боками, яблоки источали тонкий аромат…

Никто посторонний в дом не заходил.

Да и откуда в деревне в середине послевоенной весны могли взяться свежие яблоки?

2013-2020 гг.

НА ГЛУХОМ РАЗЪЕЗДЕ

I

… Где-то, если по прямой линии, то и не так далеко отсюда - верст около двухсот, на подходе к городу Ржеву, грохотали кровопролитные бои. Немцы «прикручивали» к берегу Волги мясорубку, способную перемолоть миллионы солдат и офицеров Красной Армии. Она отступала, сдавала врагу городские кварталы, окраины города, села и деревни.

Где-то там кипела война, будто смола в огромном котле.

А здесь, на дальнем разъезде, в глуши, бабушка Софья брала малину. От дома пять минут ходьбы, и вот он – лес. В кустах на опушке полным-полно малины. Крупной, по-

добно сливе, только красной, спелой и сочной. Да на высоких ветках, даже не надо нагибаться: срывай в стакан, пересыпай в лукошко.

Старое потёртое берестяное лукошко висело на поясе у бабы Софьи. Она ловко обирала ягоды с тяжелых веток. В долгую зиму сушеная малина – незаменимое лекарство в доме. В деревянном доме, называемом путейской казармой, где она жила уже третий год с дочерью Ириной, её мужем Савелием, двумя внучками. Савелия не взяли на фронт, оставили «на броне», потому что он работал на железной дороге, там же работала Ирина.

Сегодня у дочери выходной, и она отпустила мать по ягоды.

Сухие жилистые ладони Софьи Макаровны челноками сновали в зелени веток. И вот уже горка ягод в лукошке дошла до краев. Седьмой десяток она разменяла, но не утратила сноровки бывалой ягодницы, а собирать малину особенно любила.

На ближнем пеньке бабушка присела передохнуть. Достала из кармана юбки плисовый вышитый кисет с самосадом, скрутила цигарку. Вдохнула табачного дымка, к нему она пристрастилась по давнему личному несчастью.

В годы жестокой Смуты, именуемой властями революцией и Гражданской войной, озлобленные большевики без суда и следствия расстреляли её мужа, Феодосия Ивановича. Он был известным в губернии лесопромышленником. И пострадал только за то, что горой встал за Православную церковь. Такая же участь ожидала и Софью. Но ей вместе с ребенком удалось сбежать из своего дома в городе, спрятаться у добрых людей в далёком селе.

Она с дитём помыкалась по свету, хватила горя. «Господи! Отчего так? – подумала Софья Макаровна, сидя на пеньке. – И прошло немного с той поры, как убили моего Феодосия, как убивали тысячи людей в Гражданскую, а тут как тут – и новая бойня. Когда эта страшная напасть минует нас?».

Внезапно грянувшая война давала себя знать и на глухом разъезде. Все труднее доставали где-нибудь в ближних селах или в городе самое необходимое – муку, соль, песок, спички, бумагу. На табачные цигарки бабушка тайком вырывала листы даже из церковной книги. Сидя на пеньке, она, вспомнив об этом своём проступке, ужаснулась и перекрестилась: «Господи, прости душу грешную!».

В глубине леса, куда многочисленными изгибами уходила железная дорога, возник отдаленный шум. Он нарастал, становился всё явственней, приближался. Софья Макаровна по металлическому звуку определила, что идет «пионерка», а не поезд. На «пионерке» обычно ездило начальство: мастер околотка, старший мастер, а порой и сам начальник путевой части из города.

За время проживания на разъезде Софья Макаровна узнала некоторых из них в лицо, и они тоже её узнавали и, прибывая на разъезд, даже первыми с ней здоровались. Иногда она что-нибудь просила у них: старую газету на цигарки, дешевые леденцы для внучек, катушку ниток - и в своём преклонном возрасте она не переставала шить руками и на машинке.

Стальной гул колес «пионерки» был уже близко.

Бабушка, подхватив лукошко, поспешила на железнодорожное полотно.

Ещё издали она различила: на «пионерке» сидели трое. Один из них, она узнала, старший мастер Леонид Николаевич Крылов – он возвышался на сиденье высокой тучной фигурой и сам управлял «пионеркой». Машина встала напротив тропинки к дому. Крылов спрыгнул на тропинку. Двое других проворно подняли на руках «пионерку» и переставили с рельсов на откос, чтобы не мешала, когда тут пойдёт очередной поезд.

II

Заметив старушку, Крылов басом закричал: «Эй, Макаровна! Встречай гостей-постояльцев…».

Софья Макаровна поклонилась старшему мастеру, а выпрямившись, сказала: «Здравый будь, Леонид Николаевич! Рада видеть – вот, попробуйте малинки свежей. А что до гостей, на то есть хозяева, с ними так и решай…».

Крылов пошутил, вроде того, что главным хозяином на разъезде является она, бабуля. Потом подставил ладони. Бабушка насыпала из лукошка, и он прямо из горстей перекатывал ягоды в рот.

На шум вышла Ирина в цветастом ситцевом платье - молодая, красивая, за ней, у палисадника, остановились две маленькие девочки. Приезд «пионерки» на разъезд всегда был событием. Крылов, пожав руку Ирине, представил гостей:

– Интендант Павел Иванович Максимов и его помощник Василий Борисов, будут жить у вас.

– Надо с Савелием обговорить, – ответила Ирина, - он нынче работает на 47-м разъезде, к вечеру будет. У нас, сами знаете, свободного жилья нет. Если только с другой стороны казармы – там комната пустая...

– А, пустая! – оживился Крылов. – Я что-то забыл. Тогда пусть туда поселятся. А если что, Макаровна обед им сготовит, паек мы ей дадим…

Софья Макаровна в знак согласия кивнула головой.

Леонид Николаевич отвел в сторону Ирину.

– Интендант – на русском языке значит начальник склада, – объяснил ей старший мастер. – Здесь рядом будет построен склад для Ржевского фронта. Об этом ни слова никому. Ты – человек ответственный, когда в обход пойдешь, смотри, если кто будет посторонний вблизи склада, сразу сообщай. Понятно?

– Да, – ответила Ирина. – Чего тут непонятного!

Уже завтра неподалеку от разъезда, в лесу, начали

строить секретный склад для фронта. Нагнали бригад со всех околотков, работали круглые сутки. Днем с платформ скидывали на насыпь песок и щебень, доски и бревна, бунты проволоки, металлические конструкции, а ночью по вырубленной от железнодорожного полотна лежневке таскали все это на стройку и возводили необходимые помещения, укрытия, подземные блиндажи.

Интендант и его помощник мало ночевали в казарме - всё торчали на стройке. А стали обживаться только тогда, когда строительная лихорадка пошла на убыль, и склад заработал.

Отсюда, из потайных помещений, в воинские части, расположенные в направлении Ржева, отпускали продовольствие, обмундирование, боеприпасы, даже некоторые препараты для медсанбатов.

Всё это вывозили кто как мог: на лошадях, машинах, поездах-«кукушках», когда к старенькому паровозу прицепляли два-три вагона. Старались вывозить ночью, сохраннее от глаз врага. Ночи были длинными и темными - на дворе стояла глубокая осень.

Уже был вечер, когда Софья Макаровна услышала стук в дверь.

– Мама, поди – открой, – попросила Ирина, – я занята с девчонками.

Бабушка прошла в сени, отворила. На пороге стоял Максимов, он был под хмельком.

– Входите, Павел Иванович, только не шумите, а то Ирина спать детей кладет, – сказала Софья Макаровна.

– Савелий дома? – спросил интендант.

– Дома, дома, проходите...

Савелий и Павел ушли на кухню.

– Давай по-соседски посидим, – предложил Максимов хозяину и тут же достал из-за пазухи и выставил на стол литровый четырехгранный штоф. – Это спирт. Настоящий!

Савелий смутился. Спирт, как и все остальное, был в дефиците.

– Да ты не стесняйся, – успокоил интендант, – не ворованный. Что ты! Я не ворую. Да и зачем воровать, когда и так – залейся. Бойцам на фронте, ты знаешь, положено по 100 грамм наркомовских, а если в атаку идут, то и ещё по 100 грамм. Мы их и выделяем на складе, везут на фронт. А когда под Ржев приедут, вот на днях в село Русино возили, то на бойца вышло уже не 100 грамм, а по целому литру. Соображаешь? В живых остался один…из десяти. Так-то, Савелий!

– Мать, собери что-нибудь закусить, – попросил хозяин Софью Макаровну.

Она быстро принесла солёные грибы, мочёную брусникy и тёплую картошку из русской печи.

- Хлеба нет, - развела она руками, - не обессудьте.

И ушла из кухни.

– Слышал, там, под Ржевом, уж миллион наших сгубили, – продолжил разговор Савелий. – Неужто не выбить сволочей-немцев? Прямо иногда думаю, предательство какое-то!

– Думай не думай, – рассуждал Максимов, разливая спирт в стаканы, – а немец крепко засел во Ржеве. Да разве только во Ржеве? Калинин взял и Новгород взял. Может, и Москва скоро будет у него в руках. А что? Весь Советский Союз подомнет под себя. Чего тогда делать, на кого работать? А предательство… Эх, Савелий! Его на любой войне вдоволь…

– Что-то, ты, Павел Иванович, заунывную песню запел, – сказал Савелий. – Будто заживо хоронишь. Или к немцам собрался?

– Не сердись, Савелий, не сердись. Накипело, понимаешь. Я насмотрелся всякого – во! – Максимов выразительно провел рукой по горлу. – Бардак везде. С таким бардаком на победу рассчитывать – ой, не знаю. Ну, ладно, хрен с ними со всеми. Давай выпьем всё равно за победу!

Савелий отпил полстакана, едва перевел дыхание, скорей схватился запить водой. Павел Иванович опорожнил свой стакан мастерски.

– А ты чего? – спросил он хозяина.

– Мне особо нельзя, – объяснил Савелий. – Язва проклятая, или камни какие-то засели, того и гляди скрутит…

– Позови тогда женщин, – предложил Максимов.

Савелий позвал. На кухню пришли Ирина и Софья Макаровна, присели за стол. Пригубили разведенного спирта. Говорили о чём-то, вспоминали мирную жизнь. Поблагодарив за угощение, Павел Иванович ушёл к себе, в соседнее помещение казармы, наотрез отказавшись забрать остатки спирта.

– Какой-то он не добрый, и лицо будто масленое, - вырвалось у Софьи Макаровны в разговоре с дочерью, когда шаги Максимова затихли за окном.

– А мне он понравился – обходительный, умный, - не согласилась с нею Ирина. – И работа у него – не сахар, теперь всем трудно…

III

На другую ночь после визита интенданта Ирина дежурила в обходе. Софья Макаровна, как обычно, проводила дочку, оградила ее у порога крестным знамением: «Ступай с Богом!».

В фуфайке, перепоясанной широким ремнём, под него заткнут большой молоток, с керосиновым фонарем в руке, Ирина шагала посреди пути, между рельсов. Она чутко вслушивалась в лесные звуки в окрестностях, придирчиво осматривала стыки, чтобы не было каких-либо неисправностей. До сдачи дежурства, оно полагалось в шесть утра, оставалось несколько часов. А до секретного склада, мимо которого обходчица тоже проходила, еще с полкилометра.

Там, рядом со складом, на откосе лежит штабель запасных шпал, на них можно посидеть, передохнуть. Ночь уже шла на убыль, в небе чуть проклёвывался слабый осенний рассвет.

Вдруг отдаленно, будто комариный гудёж, а потом отчетливо послышался гул, рокот моторов. Ирина заволновалась. Скоро она поняла, что где-то летит самолет. Чей? Откуда? Куда?

Ирина, конечно, не знала.

Она поравнялась с дорогой, ведущей от железнодорожной насыпи на секретный склад. Ей почудилось, будто там мелькнула фигура Максимова, она уже была готова закричать: «Павел Иванович, постойте!».

В ту же секунду хлопнул выстрел, темень осветила ракета, выпущенная кем-то из леса, где находился склад. Свет озарил и путевую обходчицу.

Со страхом, не помня себя, Ирина забралась под шпалы, и тут же пикирующий самолет дал очередь, щепки полетели вокруг, но толщина шпал, наложенных в три ряда, была большой, пули не прошли штабель насквозь.

Через какие-то секунды грохнули взрывы бомб, сброшенных с самолёта.

Ирина выглянула из-под шпал и поразилась: кто-то со стороны склада подавал световые сигналы фашистскому самолету, и он, развернувшись в ночном небе, пошёл на второй заход, уже прицельно – на склад.

Загрохотали новые взрывы, склад загорелся. Дрожа от озноба, Ирина выползла из своего укрытия, держа в руке разбитый и потухший фонарь, на четвереньках доползла до насыпи. Придя в себя, она встала и бегом побежала к казарме. «Скорей, скорей!» – стучало у неё в голове.

IV

На разъезде в казарме не было света, но Савелий и Софья Макаровна не спали, разбуженные шумом взрывов. В темноте комнат плакали от страха девочки. Ирина, всхлипывая, поведала о случившемся мужу и матери.

– Сава, позвони Крылову домой, ведь склад совсем сгорит, – сказала она, – у Максимова есть телефон.

– У них дверь на замке – никого нет, – ответил Савелий, – я уже ходил.

– А сорвать замок, и всех делов-то, – посоветовала Софья Макаровна.

И подала Савелию топор.

Тот послушал тещу. Взломал дверь. Нашли телефон, подняли Крылова с постели. В городе и на ближайших станциях началась мобилизация пожарных поездов.

Хмурое холодное утро брезжило над разъездом. В сложенной из шпал будке, служившей для хранения инструмента и разводов на работу, Савелий растапливал буржуйку. Огонь весело прыгал по сухой бересте, занялись и поленья. Грея у огня ладони, Савелий обсуждал с Юрой Клоповым, рабочим пути с дальнего хутора, ночное происшествие.

– А Максимова до сих пор так и нет,– заключил Савелий.

В узком проеме будки появился кто-то. Савелий обернулся

– Легок на помине, здравствуй, Павел Иванович!, – узнал он интенданта.

– Здорово, мужики, – пробурчал Максимов.

– Слушай, Савелий, пусть-ка придёт Ирина, хочу при свидетелях с ней поговорить, – попросил он.

– Отдыхает она после ночи, – пояснил Савелий, – не за чем беспокоить…

– Сходи! – почти приказал Максимов.

Савелий вышел из будки. Вернулся вместе с Ириной.

Она села на кряж березы, служивший табуреткой. Савелий встал у буржуйки.

– Ну, Ирина, – сурово заговорил Максимов, – расскажи при свидетелях, не ты ли подавала сигналы фонарем немецкому самолету, указывала, где склад?

У Ирины непроизвольно открылся рот, она медленно стала подниматься с кряжа.

– Что ты несёшь на дочь, антихрист? – на пороге будки стояла Софья Макаровна. – Её ещё и теперь трясет!

– А ты, старая, вон отсюда! – гаркнул на неё интендант.

– Признавайся, подавала сигналы? – напирал она на Ирину. – А то без суда и следствия, по законам военного времени…

Максимов расстегнул кобуру, доставал пистолет.

Савелий побледнел в лице, сжал в руке топор.

– Отойди от греха, – тяжело задышал он в лицо Максимову, – не успеешь с игрушкой, как твоя голова будет валяться вон там в углу. Убирайся по добру…

Налитый багровой злостью, Павел Иванович выскочил из будки.

– Вы ещё у меня попляшите, – грозил он, – и за пожар, и за взлом ответите…

– Вали, вали отсюда, – донеслось ему в спину.

По рельсам со стороны города уже летела «пионерка». Незнакомые люди потребовали к себе Максимова. Павел Иванович сел на «пионерку», и они все вместе уехали.

– Недобрый он какой-то, – повторила Софья Макаровна, когда через неделю до разъезда долетела новость о том, что Максимова арестовали как предателя.

«ЗЕР ГУТ!»

Сумерки поздней осени наступали рано. После четырех часов дня уже темнело. Идти в темноте, да еще в незнакомой местности, было опасно. Старший группы, выходившей из немецкого окружения на смоленской земле, приискивал место для ночлега, пока шли нога в ногу по перелеску. Он заметил боровой взгорок, где высоко и сухо, и повел туда группу. Выставили дозор, а остальные стали стелиться кружком у разведенного костра.

Сержант Николай Новиков, тридцатилетний крепыш из ростовской степной станицы, раскатал плащ-палатку, положил под голову вещмешок и сразу заснул, хотя целый день страдал от голода.

Смежив веки, Николай увидел родную станицу, старую саманную хату на её окраине – ближе к железной дороге, ведущей на Луганск. Дверь отворилась, из хаты выскочил сын Сережа. Оглядываясь и прося о помощи, Сережа бежал к отцу, протягивал к нему руки, будто спасался от какой-то погони…

Кто гнался за мальчиком? Николай не видел, будто никого не было вокруг. Новиков уже хотел подхватить сынишку на руки, но звонкая, лающая очередь из автомата прошила руки Сережи, и они безжизненно повисли, как плети. Кровь, быстрая, горячая, – брызнула струей из ран в лицо Новикову. Залила глаза, лоб – стало невыносимо жарко и больно…

От боли сержант проснулся. Еще в беспамятстве, в полусне, оглядел он мрачный и хмурый лес, в первые секунды не понимая, где находится. И вдруг наяву ощутил такую же боль, как и во сне. Это маленький уголек от догорающе-

го костра, от тлеющей сосновой ветки, выскочил с лёгким щелчком и угодил сержанту в висок, слегка обжег кожу.

Николай смахнул уголек, взял палку, пошевелил костер, сел, призадумался.

Новиков несколько месяцев не получал писем из дома. И не мог знать, что там творилось. А творилось там страшное.

Фашисты, наступая на Миллерово, позже отступая, и снова наступая, сожгли или взорвали практически всю станицу. Осталось несколько хат, в том числе и та на окраине, где жила семья сержанта: жена с двумя детьми и старенькая мать. Немцы, всю ночь шедшие через бывшую станицу, под утро решили маячивший в степи у перегона домик стереть с лица земли со всем его содержимым.

Неподалеку от домика, у полотна железной дороги, остановился немецкий танк. Подождав, когда легкое снежное облако, поднятое гусеницами, рассеялось, экипаж стал наводить ствол пушки на саманный домик.

Опасность заметил Сережа и поднял тревогу. «Вон, вон в нас целится! – кричал он матери и бабке, – бегите в подвал». Вход в подвал был сделан в полу самой хаты. Взрослые послушались мальчишку и спустились туда. А младший Алеша, погодок Сережи, ещё медлил. «Беги во двор, – приказал Сергей брату, – если расстреляют, придёшь нас откапывать…».

Только Сергей шагнул во двор, как путь ему преградила пулеметная очередь, взметая снег. Он захлопнул дверь и заметался по хате. «Скорее, – заорал он на Алешу, – давай в подвал или в чулан, а то накроют…».

А на той стороне, у насыпи, наводчик в фашистском танке в прорезь рассматривал саманный домик, наводил на него крестик прицела, прищелкивал языком: «Ser gut! Ser gut!».

Дверь в чулан была закрыта, Алеша не смог её открыть. «Да что ж ты! – вскипел Сергей. – Беги вниз…».

И он затолкал братишку в подвал.

Сам он хотел посмотреть в окошко – уехал танк или нет. Сережа взглянул в окошко и увидел красный шар, летящий прямо к их хате.

С удовольствием, даже с наслаждением фашист нажал на гашетку. Тяжелый снаряд, с шипением и воем разрезая воздух, вонзился в слабую стену хаты. Её сразу будто приподняло от земли, и в тот же момент, как игрушечный домик, хата рухнула вниз.

Но ещё до того, как это случилось, в какие-то доли секунды, жалящий огонь ожег живот Сергея, и он упал в беспамятстве.

Фашист, довольный взрывом, сказал мотористу танка, что теперь все живое в том доме, вплоть до тараканов, погребено под слоем самана и пыли, уже на том свете. Моторист засмеялся.

Танк развернулся в сторону Миллерова, а наводчик всё ещё весело цокал языком: «Ser gut!».

Тараканы, может, и перемерли.

А насчет русских людей фашист дал маху.

Оглушенные взрывом, Мария со свекровью и сыном Алешей вскоре опомнились и стали выбираться из подполья. С трудом Мария приоткрыла дверцу подпола и приподнялась над обломками. Слезы потекли у нее из глаз при виде разора, сделанного врагами.

Вдруг она услышала слабый стон, прислушалась, стон повторился. «Сережа!» – позвала Мария. Никто не ответил.

Она поползла на четвереньках на стон и увидела под кроватью, чудом уцелевшей от взрыва, своего старшего сына, у него был разорван живот, он истекал кровью и корчился от боли.

Она и бабушка стали перевязывать сына, причитали, обливались слезами. Наконец, кое-как остановили кровотечение.

Осунувшееся личико мальчика было уже восковым.

Мария так и сидела возле ребенка, не замечая, что делают Алеша и бабушка.

Вдруг Сережа открыл глаза и посмотрел на мать.

Губы его зашевелились.

– Мама, – прошептал он, – я видел папу. Он вернется живой.

Мария наклонилась к нему.

– Не расслышала, сынок, что ты сказал?

– Я фашистского танка не боялся ни капельки, – опять прошептал Сережа, – ни капельки…

И отошел к Богу.

Страх смерти ему был неведом.

ШРАМ

… В той экспедиции геолог Владимир Петров попал под ливень. Продрог, пока добирался до базы. Под крышей сменил одежду, выпил несколько кружек горячего, обжигающего губы, крепкого чаю. Ну, думал, пронесло. Вышло иначе.

В палате районной больницы почему-то, кроме него, никого не оказалось. И время шло по какой-то своей шкале, тягуче переливалось, как застоявшийся мед. Володя обрадовался этому замедлению. В экспедиции ему не хватало часа-другого для завершения дел. А тут время некуда девать. И он жадно набросился на книги. Читал все подряд, что приносили из дома, добывал книги у соседей, но и это вскоре приелось.

И как-то незаметно для себя Петров стал превращаться в мечтателя. Ложился на кровать, закрывал глаза и начинал мечтать. Он мечтал о разном, обо всём, но так, чтобы эти мечтания были приятными.

От мечтаний в тот раз его отвлекли шаги по коридору.

Шаги неторопливые, с достоинством шаркающие по коридору. Кто-то остановился у двери, легко постучал.

– К вам можно? – мягко, приветливо сказал человек в синей пижаме, переступив через порог.

– Что за вопрос? – оживился Володя. – Даже нужно, а то я тут со скуки умираю.

– Тогда познакомимся, – новый сосед протянул руку: – Тимофеев Петр Иванович.

Петров тоже представился, добавил: «Геолог». И это добавление произвело определенный эффект. Выкладывая из портфеля на тумбочку мыло, пасту, зубную щетку, Петр Иванович с интересом рассматривал Володю.

Геолог в свою очередь с удивлением заметил на лице у соседа длинный шрам от надбровья до залысины. Но спрашивать, что да как, было неудобно, не к месту.

– Ты откуда родом? – задал вопрос Петр Иванович.

– Я-то? – переспросил Петров. – Местный я. Есть тут в дальнем районе деревенька… А что?

– Да так просто, – кивнул сосед. – Местный – это хорошо. Наверное, навещают знакомые, друзья.

– Не забывают.

Тимофеев помолчал. Потом, как бы преодолевая внутреннее сопротивление, поделился:

– По местным окрестностям и мне погулять пришлось. В кирзовых сапогах и валенках.

– Погулять – как это? – вырвалось у Петрова.

– Воевал, – как показалось Володе, неохотно обронил сосед. – Аукается и сейчас.

– А где? – осторожно спросил Петров. – Область у нас большая. Фронт был не везде.

– Не везде, это ты правильно говоришь, – продолжал Петр Иванович. – Да только ты вряд ли знаешь те места. Может, тех сел и деревень и нет давно уже…

Неожиданно сосед прервал разговор. Замолчал. Хмурый, он ходил до обеда по этажу , и, как показалось Володе, был погружён в себя.

***

После отдыха фронтовик и геолог играли в шахматы. Беседа их была незначительной, пустой. У соседа, во время очередной шахматной партии, вдруг приключился приступ. К нему приходил врач и сделал укол.

Тимофееву стало лучше под вечер, когда в палате уже стояли сумерки.

Петр Иванович вздыхал, ворочался. Потом вернулся к прежнему разговору так же неожиданно, как и оборвал его.

– Деревеньку эту я запомнил навсегда! – сказал Тимофеев, взглянув на Володю, который, сидя на кровати, перелистывал книгу и что-то помечал в ней ручкой. – Если память меня не подводит, она носила название Житково. Да, кажется так. Это в сторону Ржева…

Петрова будто подкинули на кровати. Ему подумалось, что он ослышался, но Петр Иванович ещё раз повторил название, привёл по памяти и некоторые приметы: недалеко река, рядом проходит железная дорога, за насыпью, в противоположной стороне – дубовая роща. Цепкой памяти фронтовика можно было только дивиться, и радость обдала теплом сердце Володи.

– Как же не знать! – почти крикнул он. – Это моя деревня. Я же родился в Житкове. А там еще школа за рекой, там я учился…

По всем признакам выходило, что говорили они об одном. И смотрели друг на друга, как давно потерявшиеся, но вот теперь нашедшие друг друга братья.

– Совпадение! – и недоверие, и изумление слышалось в голосе соседа. – Считай, браток, мы земляки. Кто из твоих живёт там?

– Никого нет, – вздохнул Петров. – Я пацаном был, когда наша семья уехала оттуда, мать перевели на новое место работы. Потом, бывало, я наезжал к друзьям. Но вот

лет пятнадцать не был в родной деревне. Честно говоря, страдаю...

- Понятно, - прервал Петр Иванович, - понятно...

По молчаливой задумчивости, в которую погрузился фронтовик, геолог понял, что напрасно ждать продолжения разговора. Но он ошибся. Петр Иванович спросил, сколько Володе лет, и, получив ответ, начал рассказывать.

– Самому не верится порой. Был я тогда на десять лет моложе тебя – 21 год. Успел понюхать пороху в боях с белофиннами. А после офицерских курсов направили сюда, на Калининский фронт. В расположении мне дали под командование роту. До передовой, где шли беспрерывные бои, было рукой подать. Двинулись вперед маршем. За селом Пореченское...

– Как же, знаю, – вставил Володя.

– Там вот и приняли первый настоящий бой с фашистами. Потери несли большие, а продвигались вперед не шагами, а шажками. Во как! Да разве всего упомнишь! Хотя вот врезалось – направление держали в сторону Ржева. Когда подошли к твоему Житкову, у меня в подчинении был уже батальон, комбата убило, мне приказали занять его место. На пути была деревня... как её...

– Уткино, наверное?

– Да, как будто так. Уткино, Уткино – точно! Церковь еще там красивая, немцы с пулеметами засели на колокольне. Церковь была перед входом в деревню, на высоте. С какой стороны к этому Уткину не зайдешь, немцам нас видно, как на ладони. Ночью только и захватили эту высоту, а заодно и всю деревню. Фрицы заметались, улепетывали в одном нижнем белье, да мало кому удалось уйти – уложили мы их в окрестных полях...

– Отдохнули чуток, отогрелись, – продолжал Тимофеев. – Стали готовиться к бою за Житково. Тоже орешек был, скажу тебе, твердый. Немцы сильно укрепили деревню - доты, дзоты, две линии обороны.

При этих словах Володя вспомнил, как в детстве они

любили играть у заброшенных дотов и огромных траншей, которые остались после войны в лесу, рядом с начальной школой. А если пройти лугом от школы до опушки леса, то там стоял самый страшный, приподнятый из земли бетонный круг – дзот, наверное, немецкий. Ребята постарше говорили, что там, внутри дзота, живет «черная рука». Находились и такие, которые уверяли, что «черная рука» хватала их за штаны, когда они забирались в дзот, но всякий раз удавалось убежать…

И вот Володя и его неразлучный дружок Игорь решили проверить разговоры про «черную руку». Они пришли к месту под вечер и, кинув жребий из рябиновых веточек, определили, кому первому лезть в амбразуру.

Жребий выпал Володе. Глаза Игоря засветились довольством, и он дал дружку мудрый совет: «Ты, говорит, полезай вперед не ногами, а головой, головой лучше – сразу увидишь «чёрную руку» и скорее назад, а я тебе помогу, потащу за ноги».

Вовка так и сделал, как сказал Игорь. Он пригнул голову, с колотящимся от волнения сердцем вполз в амбразуру. И тут же скатился в земляной полумрак, откуда пахнуло сыростью и гнилыми запахами. Глаза пообвыкли в темноте. И он уже начал кое-что различать. Никто не хватал его за воротник или за штаны. И вдруг Володя чуть не закричал – у бетонной стены дзота что-то чернело. В груди у мальчишки похолодело, он стал ждать страшного удара. Но что-то чёрное у стены не шевелилось. Замирая от страха, Володя все-таки подполз поближе и разглядел, что там стояла большая головешка от костра. От того самого костра, который несколько дней назад жгли старшие ребята. Они бросали в огонь найденные в траншеях целые боевые патроны, перед тем громко кричали деревенской ребятне: «Ложись!». Патроны взрывались и пули свистели над головами детей. «Бой» у костра продолжался, пока кто-то из взрослых не узнал о безобразии, не поспешил туда, на подходе рассыпая отборные матюги.

Вояки разбежались кто куда…

Вовка взял головешку, пополз с ней назад. В амбразуру он выставил головешку. Раздался испуганный крик Игоря. Когда Володя выполз, дружка не было…

Ещё долго и в самом дзоте, и вокруг него деревенские ребята находили боевые патроны и гранаты. Все эти события детства были связаны в сознании геолога Владимира Петрова с минувшей войной. И он вроде бы считал себя чуть-чуть причастным к её смертельному гулу.

Теперь же, слушая рассказ Тимофеева, Петров с обескураживающей простотой понял: эпизоды детства, мгновенно всплывшие в памяти, являли собой невинные забавы в сравнении с подлинным смертельным гулом войны. Его, этот гул, Володя явственно слышал в словах Тимофеева, хотя произносил он их тихо, не спеша.

– Батальону моему приказали войти в Житково со стороны реки. Там нас встретил такой крепкий огонь немцев, что не поднять головы, пушки били из дубовой рощи. Я повел батальон в обход, решил обогнуть лес и ударить по немцам с тыла. Хитрость моя как будто удалась. Но на подходе к деревне нас фрицы все-таки заметили, завязалась перестрелка. Мы поднялись в атаку и побежали. И вдруг мне почудилось, что кто-то сильно толкнул меня в плечо. Я упал.

– Наверное, потерял сознание, – продолжал Петр Иванович, – потому что очнулся я на дне воронки от снаряда. Пополз наверх, приподнялся, смотрю: наши бойцы прижались к снегу, кое-кто уже и пятится. Это уже никуда не годилось. Я распрямился, выстрелил из пистолета, закричал (теперь уже не помню, что закричал), побежал к деревне. Цепь поднялась, край её подошёл к первому дому. И тут искры брызнули у меня из глаз, как будто в драке угодил мне кто-то березовым колом по голове. И я опять потерял сознание.

Только в госпитале молодой офицер Тимофеев пришёл в себя. И от товарищей узнал, что на самом деле произо-

шло в ходе боя. Немецкий снайпер, сидевший где-то на дереве на опушке леса, все время, пока шла атака, охотился за командиром батальона. Одна пуля прошла навылет в плечо, к счастью, не задела кость. А другая пуля чиркнула по виску комбата.

Что называется, в рубашке родился Петр Иванович.

Батальон выбил немцев из Житкова и, не давая им опомниться, погнал дальше… Вражеского снайпера тоже взяли на мушку . А у Тимофеева с той поры шрам на виске.

Петр Иванович давно умолк. Тишина ватой закладывала уши. Только за окошком, когда усиливался ветер, шумели сосны. Петров лежал с открытыми глазами. Он слышал сонное дыхание соседа. Геолог иногда взглядывал в его сторону, видел синевший у него на виске шрам.

И думал о том, как все на свете пересекается. Сколько людей отстаивало от врага простую русскую деревеньку, сколько осталось их там навечно! И странно, что Володя о них ничего не знает, как прежде не знал о Петре Ивановиче.

Он благодарил судьбу за эту встречу, от которой на душе сделалось светло и покойно, словно, наконец-то, он побывал в родной деревне.

ПУБЛИЦИСТИКА

Бюст дважды Герою Советского Союза, лётчику-истребителю А.Ф. Клубову установлен в Вологде 21 июня 2019 года

АВГУСТОВСКОЙ НОЧЬЮ

Они первыми бомбили столицу гитлеровского рейха – город Берлин

***

В скорбный день памяти о начале Великой Отечественной войны – 22 июня 2019 года, в центре древнего города Кириллова, славного огромным монастырём и являющегося «духовным сердцем» всей Вологодчины, случилось важное событие.

На площадке около старинного здания, называемого «Народным Домом», в торжественной обстановке открыли памятник земляку жителей г. Кириллова и района, генерал-майору авиации, Герою Советского Союза ***Евгению Николаевичу Преображенскому****.*

Так была отмечена памятная дата – 9 июня 2019 года исполнилось 110 лет со дня рождения прославленного боевого лётчика.

Полковник Евгений Преображенский командовал авиационной группой, которая совершила первый в истории Великой Отечественной войны налёт на столицу фашистской Германии – город Берлин.

Это произошло 8 августа 1941 года.

***

В олигархическом угаре, в какой погружена наша страна, именуемая странным названием «Российская Федерация», где человек стал уже ниже обыкновенной цифры, даже трудно себе представить, что был яркий и бесстрашный герой – Евгений Преображенский и подобные ему личности.

Теперь многие не поверят, что они, эти личности, родились на отчей земле, бегали по ней босиком, влюблялись, учились, творили. А когда наступил грозный час – отдали в бою жизнь за нас, современных, извините, потребителей, лишённых исторической памяти…

Они гордились Отчизной и тем, что в паспорте, в графе национальность, значилось – ***русский.***

Из нашего современного бытия, где инородцы объявили ненужными вековые нравственные устои народа и продолжают их топтать, где обществу навязали алчность, корысть, поборы, криминал, Евгений Николаевич и его боевые товарищи представляются пришельцами с какой-то другой Планеты.

Они нам кажутся порой какими-то сказочными персонажами, ныне уже невозможными в реальности.

Потому что и сама реальность огромными усилиями правителей всех рангов превращена в свою противоположность: в «страну вранья», в «Интернет-существование», особенно – для молодых.

Всё же это – не фантастика!

Эти «штучные люди» были. И я хочу о них рассказать.

***

I

... 19 июля 1941 года канцлер фашистской Германии А. Гитлер утвердил ещё директиву «О дальнейшем ведении войны на Востоке», где одним из ключевых моментов был обозначен пункт – «воздушные налёты на Москву».

Фюрер и его верный халуй Йозеф Геббельс, занимавший должность министра пропаганды, любили «обосновывать» собственные идеи и принимаемые решения, чтобы, значит, было понятно рядовым солдатам и всему немецкому народу.

В данном случае «налёты на Москву» верхушка 3-го рейха рассматривала в качестве возмездия «за налёты русской авиации на Бухарест и Хельсинки».

Об «идеологической подоплёке» директивы Гитлера можно говорить долго. Существует обширный архивный материал, раскрывающий предысторию бомбордировок авиацией Красной армии несколькоих городов Румынии, в том числе и её столицы.

С марта 1940 года экономика, армия и, так называемая, элита Румынии были полностью втянуты в зону интересов Гитлера, а 12 октября того же года воинские соединения Германии вошли на территорию Румынии, фактически подчинили её себе.

Фашисткому режиму нужны были от Румынии в первую очередь нефть и продовольствие. Гитлер настолько доверял новому союзнику, что даже посвятил его в подробности плана «Барбароса», к участию в котором фюрер готовил и румынского лидера Антонеску с подчинённой ему армией.

Поэтому не было никакой случайности в том, что с первых минут нападения Германии на Советский Союз Румыния начала вести против нас боевые действия на стороне фашистов.

...Уже на рассвете 22 июня 1941 года наркому воен-

но-морского флота, адмиралу Николаю Герасимовичу Кузнецову (кстати, земляку Евгения Преображенского – оба они вологжане) разведка докладывала: обстрелы и бомбёжки нашей Дунайской флотилии, объектов Черноморского флота, Севастополя и окрестностей велись также и с территории Румынии

Ответ на агрессию Румынии последовал практически сразу, к чести адмирала Н.Г. Кузнецова (1904 – 1974), одного из немногих высших военноначальников Красной армии, которые не расстерялись в самые первые дни войны.

В середине дня 22 июня 1941 года Н. Г. Кузнецов отдал приказ: ***«Военному совету ЧФ нанести бомбовые удары по Констанце и Сулине с задачей уничтожения баз: нефтебаков, складов, мастерских, кораблей и железнодорожных депо...».***

Существовал запрет наркома обороны маршала СССР С.К. Тимошенко на пересечение румынской границы авиацией Красной армии.

Тем не менее, в 18 часов 40 минут подполковник А.И. Мохарев поднял в воздух свой самолёт «4- СБ» и повёл на разведку в сторону Румынии. На заходе солнца поднялись в небо ещё несколько ударных самолетов двух авиаполков.

А 23 июня 1941 года наша боевая авиация нанесла первый удар по военно-морской базе в Констанце, который для врага был внезапным.

Затем уже началась хорошо продуманная большая операция по бомбордировке нефтепромыслов, военных объектов в Румынии, в том числе и в Бухаресте.

Откуда же взялось у Геббельса «возмездие»?

Напали первые, так получайте!

Доктор Йозеф, как всегда, «крупно врал»!

...На другой день после директивы фюрера, по указаниям генерал-фельдмаршала Кессельринга, командующего 2-м воздушных флотом рейха, стали отбирать пилотов для налётов на Москву.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после варварского

нападения фашистов, был предпринят первый налёт на Москву: 220 самолётов в течение 5 часов бомбили столицу и её окрестности.

Москва, разумеется, имела многоэшелонированую противовоздушную оборону, включая наши самолёты-истребители.

В первую же ночь с 22 на 23 июля фашистская авиация потеряла 12 самолётов, а на следующую ночь – 15 самолётов.

Налёты авиации фашистов на Москву продолжались до лета 1944 года и в общей сложности нанесли огромный ущерб народному хозяйству и жилому фонду столицы, погибло более двух тысяч человек, а раненных было в три раза больше.

II

На совещании в Ставке у Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, оно проходило 26 июля 1941 года, нарком ВМФ, адмирал Николай Герасимович Кузнецов предложил руководителю страны провести ответные бомбордировки города Берлина силами Военно-морской авиации Балтийского флота.

Иосиф Виссарионовч Сталин одобрил инициативу адмирала. А на другой день, 27 июля, Верховный Главнокомандующий подписал личный приказ о бомбовом ударе по Берлину.

Сразу началась активная подготовка к «секретной операции».

Был назначен аэродром Кагул на острове Эзель в Балтийском море. Остров находился практически в тылу фашистов, имел полосу для взлёта и посадки истребителей. Правда, длины её – 1300 метров – всё же не хватало для взлёта тяжелых бомбордировщиков «ДБ-3Ф».

Но выбирать было не из чего!

В режиме строгой секретности разворачивали операцию для нанесения удара по Берлину, отобрали 15 лучших экипажей из числа 1-го мино-торпедного аивиационного полка 8-й авиабригады ВВС Балтийского флота.

Их обозначили «особой ударной группой», её командиром назначили подполковника Евгения Николаевича Преображенского, а флаг-штурманом – капитана Петра Ильича Хохлова.

... Ныне мы не в состоянии даже представить, сколь сложная, тяжелая и ответственная работа началась на аэродроме Кагул. Целый морской караван из тральщиков и самоходных барж, сильно охраняемый, доставил сюда запасы бомб, авиационного топлива, стальные пластины для удлиннения взлетной полосы, дорожно-строительную технику, ну и, конечно, всё необходмиое для житейского обустройства членов ударной группы.

Сроки были фантастически сжатые: счёт шёл на часы.

Уже 3 августа, на шестой день после приказа Сталина, несколько экипажей тяжелых бомбордировщиков «ДБ-3» с запасом топлива и комплектом бомб полетели в сторону Берлина на разведку.

Зафиксировав состояние погоды и атмосферы, наши самолёты пошли в атаку и сбросили несколько бомб на объеты Свинемюнде – главной военно-морской базы фашистов в южной части Балтийского моря.

Через четыре дня разведка повторилась, но уже непосредственно над самим Берлином. Экипажи установили, что оборона Берлина закольцована в радиусе ста километров, она имеет много прожекторов, способных выявлять цели на большом расстоянии.

Разведывательные данные были очень кстати.

Вечером 7 августа с аэродрома Кагул уже готовились подняться в небо 15 бомбордировщиков «ДБ-3» и взять курс на Берлин. Группу возглавлял командир авиационного полка Е.Н. Преображенский, в состав его экипажа

входили радист Владимир Кротенко, стрелок Иван Рудаков и флагманский штурман Петр Хохлов. Звеньями командовали капитаны В.А. Гречишников и А.Я. Ефремов, за штурвалами – бывалые лётчики Михаил Плоткин и Афанасий Фокин.

Когда прозвучала команда «От винтов!», и машина Евгения Преображенского первой медленно начала разбег, на старте стоял командующий Военно-воздушными силами ВМФ генерал-лейтенант С.Ф.Жаворонков.

Он приложил руку к козырьку фуражки, отдавая честь балтийским лётчикам, мысленно желая им удачи и возвращения в целости и сохранности.

Лётчиков подстерегали несколько трудностей.

На высоте в 7000 метров над морем температура за бортом достигала минус 40 градусов. Обмерзали стёкла кабин, очки шлемофонов – тогда не было такой теплоизоляции, как теперь. Пилоты работали в кислородных масках, во время всего полёта нельзя было выходить в радиоэфир.

Трудно сказать, везение это или Вожья помощь, но вот так получилось. В небе над городом Штеттином немецкие наблюдательные посты обнаружили наши самолёты. Однако приняли их за свои, заблудившиеся, возвращающиеся домой, и не стали открывать огня.

Наконец, внизу показались залитые огнями кварталы Берлина, его летчики хорошо видели. Пять самолётов, приготовившитсь к атаке, пошли на снижение. Из открытых люков полетели бомбы на военные объекты столицы гитлеровского 3-го рейха.

Это произошло ночью 8 августа в 1 час 30 минут.

Фашисты были ошеломлены. Они не сразу сообразили, что произошло.

Они не сразу поняли, что их бомбят русские. Гитлер на раз хвастливо заявлял, что русские не способны воевать в небе, что «небо – преимущество Люфтваффе».

Только через 40 секнуд, когда первые бомбы уже взорвались, немцы включили светомаскировку.

8 августа в 4 часа утра пять экипажей вернулись без потерь на аэродром Кагул.

По возвращении авиагруппы Народный комиссар обороны И.В. Сталин лично поздравил лётчиков с выполнением боевого задания и подписал приказ об их поощрении. В частности, каждому, участовавшему в налёте на Берлин, было выдано по 2 тысячи рублей, Сталин ходатайствал перед Веховным Советом СССР о награждении отличившихся.

Этот налёт на столицу фашистов был первым с начала второй мировой войны, то есть с 1939 года.

«Утром о полете нашей авиации на Берлин узнали все советские люди, узнал весь мир. 8 августа 1941 года в очередной сводке «Совинформбюро» сообщалось: «В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолётов произвела разведывательный полёт в Германию и сбосила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбёжки возникли пожары и наблюдались взрывы…».

Немецкое командование пыталось скрыть этот ночной факт. Германское радио сообщило утром о том, что в ночь с 7 на 8 августа около 150 самолётов английской авиации пытались бомбить Берлин, но действиями немецких истребителей и огнём зенитной артиллерии силы противника были рассеяны, из прорвавшихся к городу 15 самолётов 9 сбиты» – писал исследователь биографии Евгения Преображенского вологодский журналист Вениамин Меркурьев в своей книге.

Пропагандистская «машина» Геббельса, как всегда, «врала по-крупному».

Англичане опровергли немецкую радиофальшифку. «В ночь с 7 на 8 августа, – передавало Британское радио, – ни один самолёт с наших аэродромов не поднимался ввиду совершенно неблагоприятных метеорологических условий».

Англичане, как известно, полетели бомбить Берлин лишь 26 августа.

Лётчики полка Е.Преображенского и на следующую ночь с 8 на 9 августа совершили второй налёт на Берлин.

До 5 сентября 1941 года было сделано в общей сложности 86 вылетов на столицу фашистской Германии.

III

Евгений родился 9 (22) июня 1909 года в селе Волокославино Кирилловского уезда Новгородской губернии (ныне Вологодская область) в семье сельских учителей.

Отец Николай Александрович преподавал химию, а мать Анна Дмитриевна (урождённая Деловая) вела уроки русского языка.

В ту пору Волокославино яляло собой большое русское село, где жили купцы, ремесленники, крестьяне. Действовала школа кружевоплетения, школа гармонного ремесла, а также училище по подготовке мастеров-гармонщиков, здесь же и была фабрика, где делали гармони.

Гармони из Волокославина пользовались спросом по всей России.

Вполне естественно, что Евгений Преображенский ещё в детстве научился играть на гармошке. Будучи командиром авиационного полка, Евгений Николаевич в минуты отдыха часто брал в руки баян и веселил товарищей.

В селе действовало ещё производство ложек. На видном месте стояла большая Церковь Благовещения Пречистой Богородицы, имелись больница, почта, телеграф, аптека, паровая мельница, пристань, школа, народный дом, Волокославинское образцовое реальное училище, библиотека, много магазинов, лавок и двухэтажный трактир «Ливадия».

Словом, в селе царил полноценный русский уклад, русский дух жизни, который Евгений и впитал как основу характера.

Конечно, ныне ничего этого в селе нет. Обычная запущенная деревня – сказалась столетняя борьба иноверцев с русским народом, желание иноверцев истребить русский крестьянский дух.

... Продолжая дело родителей, Евгений Преображенский поступил в Череповецкое педагогическое училище, окончил три курса, но не стал учителем, поскольку был призван по комсомольской путёвке на службу во флот. В 1929 году он окончил Ленинградскую военно-техническую школу ВВС, а в 1930 году – Высшую школу красных морских лётчиков в Севастополе, тем самым полностью связав судьбу с военной авиацией.

Вехи боевого пути Евгения Николаевича Преображенского широко известны.

13 августа 1941 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пройдя всю войну с фашистами до Победы, войну с Японией в августе-сентябре 1945 года, Евгений Николаевич закончил воинский путь в 1962 году в должности командующего авиацией Военно-морского флота СССР, в звании генерал-полковника авиации.

Из жизни он ушёл 29 октября 1963 года в возрасте 54 лет.

Именем Евгения Преображенского названы улицы в Вологде, Кириллове, Череповце, в Пестове Новгородской области, во Всеволожске Ленинградской области, в посёлке Сафоново Мурманской области.

Не так давно в подразделении дальней морской авиации на борту боевого самолёта «ТУ-142 мк» появилась надпись:

«Евгений ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ».

И это более чем справедливо!

Такая акция была осуществлена по инициативе «Клуба

деловых людей» Вологодского землячества в Москве, который возглавляет генерал-майор Владимир Золотов.

В 1972 году в Архангельске в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга «Небо зовёт» – биографический очерк о Герое Советского Союза Е.Н. Преображенском вологодского журналиста Вениамина Меркурьева.

Готовясь к 110-летию со дня рождения выдающегося лётчика, друзья и родственники Евгения Николаевича предприняли переиздание книги В.Меркурьева с современными дополнениями. Инициаторами выступили внук героя Владимир Преображенский и московский предприниматель, член «Клуба деловых людей» Вологодского землячества в Москве Сергей Никешин.

Низкин поклон им за заботу, переиздание получилось интересным.

Впервые я узнал «близко» Евгения Николаевича Преображенского, когда работал над темой о Великой Отечественной войне в Пестовском районе Новгородской области – там стояли базы отдельных подразделений авиационного полка под его командованием и находился штаб.

Вникая в подробности жизни и боевого пути летчика-аса, я всё время ловил себя на мысли, почему мы мало и плохо знаем о тех, кто нам добыл Победу?

Сегодня посещает другой горький вопрос. Как же мы все вместе, имея таких Героев, как Евгений Преображенский, отдали страну в руки кучки нуворишей, пекущихся лишь о личной корысти и нагло грабящих население?

Ответов пока нет!

2019-2020

НАШЛИ БОЙЦА РОДНОГО

Пока мы храним память о тех, кто добыл нам Великую Победу, мы остаёмся людьми

Эта история началась несколько лет назад в таёжной вологодской глубинке, в Никольском районе, на малой Родине выдающегося советского полководца, маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева, и замечательного поэта и прозаика Александра Яковлевича Яшина.

Кто хоть раз побывал на никольской земле, познакомился с её гостеприимными, открытыми, добрыми людьми, тот навсегда сохранит в сердце теплоту ярких встреч, удивительную по красоте природу, «яшинский дух» окрестностей.

Недалеко от города Никольска, районого центра, стоит посёлок Пермас и существует Пермасское сельское поселение, когда-то объединявшее множество деревень, живых, многолюдных, а ныне, конечно, в основном, опустевших.

Но и здесь люди, несмотря на тотальный разор крестьянского миропорядка, который устроили либералы в последние десятилетия, пытаются интересно жить, отыскать хоть какую-то маленькую радость в однообразии будней.

Такой радостью для жителей Пермаса был наступаю-

щий праздник – день Победы, его «изюминка»: впервые в поселке решили пройти своим «Бессмертным полком».

Люди увлечённо стали готовиться к шествию: находили и укрепляли на транспорантах фотографии родных и близких, не вернувшихся с полей сражений, а их в округе очень много.

Новость долетела и до деревни Липово, где испокон веков жили Коноплёвы – коренная фамилия. До войны в деревне стояло около тридцати домов – добротные пятистенки, с надворными постройками, банями, сараями, гумнами, всем, что необходимо для полноценного существования мужику с большой семьёй в суровых условиях Русского Севера.

Так вот, Коноплёвых жило здесь несколько семей, а из одной из них ушли на фронты Великой Отечественной войны сразу три брата: Василий – 1920 года рождения, Пётр – 1922 года рождения и Дмитрий – 1924 года рождения.

Домой вернулись два брата – Пётр и Дмитрий, оба покалеченные, оба инвалиды войны, Пётр хромал. Но они не впали в уныние: жили, трудились по мере сил. Пётр был известный мастер – плотничал, столяричал, его охотно приглашали, когда требовалось сделать что-то «по деревянной части». И ещё Пётр Васильевич прославился в Липове большой семьей. Его жена Анна Ивановна родила десять детей, которые росли бодрые и здоровые, ходили в школу, помогали по хозяйству в доме. Кроме ранения в ногу, из-за этого Пётр и хромал, в сердце у него остался очень мелкий осколок от ранения, который врачи не рискнули извлечь, опасаясь, чтобы не навлечь летальный исход.

Этот-то «след войны», видимо, и стал причиной преждевременного ухода Петра Васильевича в мир иной. С ним случился сердечный приступ на дороге возле реки, когда шёл с работы из Пермаса в Липово. Рядом, увы, никого не оказалось, кто мог бы помочь, и он умер в возрате 53 лет.

Ну, а жена Анна Ивановна, обладательница большой и проницательной души, беспримерная труженица, продолжала поднимать детей и бессменно работала в колхозе – куда пошлют, что заставят. Так, год за годом, протекли в колхозных трудах сорок семь лет. Сыновья и дочери, повзрослев, разлетелись по разным городам, обросли семьями.

Но не забывали о детстве, проведённом в деревне Липово. И всякое лето наезжали к матери, в огромном доме становилось шумно, тесно, весело от голосов взрослых и детей.

Когда Анна Ивановна сильно занемогла, из Вологды в родительский дом приехала дочь Людмила, стала ухаживать за матерью. Людмила-то и узнала о готовящемся шествии «Бессмертного полка», и решила принять в нём участие.

Тут же она подумала: «А чтобы сказала мама?».

И будто ей в стенах родной избы послышалось напутствие Анны Ивановны: « Сходи, дочка, сходи!».

На центральной улице Пермаса собралось более сорока человек, из Липово была одна Людмила Петровна. Шествие двинулось к обелиску, воздвигнутому в честь воинов-земляков, погибших во время Великой Отечественной войны. Возложили цветы, состоялся короткий митинг.

После участники «Бессмертного полка» зашли в действующий храм, почитали поминальные молитвы, поставили свечи.

Людимле стало как-то обидно, что многие держали в руках фото своих погибших роственников, а она по существу ничего не знала о родственнике. Где погиб, где похоронен родной дядя, брат отца – Василий Васильевич Коноплёв?

В семье помнили, что осенью 1941 года пришла в Липово из военкомата бумага, в ней родственников извещали: «рядовой В.В.Коноплёв пропал без вести…».

Позже, пять лет спустя, в 1946 году, на Василия уже по-

ступила похоронка – «погиб смертью храбрых». Только почему-то в документе не назвали место гибели.

Людмила поделилась размышлениями с Валентиной Нестеровой, библиотекаршей в посёлке Пермас.

– Ты, Люся, не переживай, – успокоила она. – Я поищу, помогу тебе.

И, действительно, Валентина выяснила некоторые обстоятельства.

В «Книге памяти Вологодской области» написано, что «рядовой Василий Васильевич Конопшёв погиб и похоронен в Бресткой крепости».

Эту информацию Людмила передала брату Михаилу в Вологде, известному работнику лесной отрасли. И он начал поиск погибшего дяди.

Василия Васильевича забрали на фронт в самом начале войны, в Липове у него осталась беременная жена Агриппина. Она родила дочь Зинаиду как раз в сентябре, когда отец новорождённой «пропал без вести», так что он не увидел свою «родную кровиночку».

– Первым делом я обратился к военному комиссару Вологодской области А.Г. Зотову с заявлением – уточнить сведения о погибшем родственнике, – рассказал Михаил Петрович. – Указал место его службы: Северо-Западный фронт, 262-ая Стрелковая дивизия, звание – рядовой. Оттуда ответили: да, в списках погибших значится. То есть, был установлен факт, и я пошёл дальше.

У Михаила Петровича был знакомый военный - подполковник Виктор Павлючук, он служил когда-то в «красных казармах» в Вологде. Родом из Белоруссии, а белорусы очень отзывчивые.

– Брест – моя Родина, – загорелся подполковник. – Зачем ты один поедешь? Поехали вместе! Там у меня в деревне в родительском доме переночуем, а оттуда до крепости – рукой подать.

Так и сделали.

Взяли ещё с собой известного в Вологде хирурга Владимира Александровича Раздрогина. Много лет он разыскивал захоронение своего отца, погибшего на Великой Отечественной войне.

Путешественники доехали до брестской земли, побывали на родине Виктора Павлючука. А на следующий день отправились в Бресткую крепость.

Там в музее есть отдел, сотрудники занимаются поисковой работой.

«Да, – подтвердили они, – у нас, действительно погиб и захоронен Василий Васильевич Коноплёв из деренви Липово Никольского уезда Вологодской губернии».

Михаил Петрович обрадовался. Но тут выяснилось, что этот Василий Васильевич 1914 года рождения, а его родной дядя Василий Васильевич Коноплёв – с 1920 года.

Такая «нестыковка».

«Не волнуйтесь! – заверили сотрудницы музея. – Найдём и вашего дядю, приходите завтра, дадим ответ».

Зато известному хирургу из Вологды крупно повезло. Подтвердилось, что его отец – Александр Владимирович Раздрогин – погиб на бресткой земле и похоронен в одной из братских могил в селении на берегу реки Березины.

Теперь сын мог воздать почести родному отцу.

На другое утро вологжане опять пожаловали в музей Брестской крепости.

– Установили, – сказали сотрудники. – Ваш дяд погиб на Валдае, вот данные.

Вернувшись в Вологду, Михаил Петрович продолжил поиск. Он опять же прибегнул к содействию областного военного комиссара, помощь оказал ему и полковник Николай Григорьевич Матяш. Отсюда направили запросы военным комиссарам Ленинградской и Новгородской областей.

Выяснилось, что Василий Васильевич Коноплёв был убит 20 сентября 1941 года во время боя. Место первично-

го захоронения обозначено так: «Ленинградская область, Лычковский район, деревня Кириловщина».

Мы знаем, что в Советском Союзе много раз меняли административные границы районов и областей, в том числе и после окончания Великой Отечественной войны. Поэтому деревня Кириловщина вместе с Лычковским районом отошла из Ленинградской области в Новгородскую область.

Теперь же это место, где был убит в бою Василий Коноплёв, входит в состав Семёновщинского сельского поселения Валдайского района Новгородской области.

Туда и сделали запрос.

Вскоре пришёл ответ от заместителя главы поселения Л.И. Кожевниковой: «Имя рядового Коноплёва Василия Васильевича, который погиб 20 сентября 1941 года, внесено в список учётной карточки воинского захоронения - паспорта захороненных в братской могиле д.Сухая Нива Валдайского района Новгородской области.

На мемориальную доску на воинском захоронении в д. Сухая Нива фамилия вашего дяди, **КОНОПЛЁВА В.В.,** будет внесена к 9 мая 2019 года, о проделанном работе сообщим, вышлем фотографии».

И вскоре в Вологду, действительно, пришли материалы из Валдайского района.

Каков итог?

Михаил и Людмила, а также ещё шесть их братьев и сестёр, которые здравствуют, нашли, наконец, могилу родного дяди – бойца Красной армии.

Землю с валдайского кладбища, где обрёл «последний приют» солдат Василий Коноплёв, Михаил Петрович решил привезти в город Шарья Костромской области, где похоронена жена погибшего – Агриппина; высыпать землю на её могилу, чтобы муж и жена как бы воссоединились навсегда.

Там же живёт и дочь погибшего бойца – Зинаида Васильевна Горчакова.

Будет внесено изменние в «Книгу памяти Вологодской области» в связи с тем, что найдено подлинное захоронение рядового бойца Великой войны.

– Теперь, уже имя опыт поиска захоронения дяди, я мечтаю проехать по местам, где воевал мой батя – Пётр Васильевич Коноплёв, где он получил ранения, – поделился планами на будущее Михаил Петрович. – Это тоже интересно для нашей большой семьи.

Конечно, интересно. Это же живая история рода!

Я слушал Михаила Петровича и думал о том, что пока мы бережём память тех, кто нам добыл Великую Победу, мы продолжаем оставаться людьми.

2018-2020

НЕ ДАЙ ВАМ ВЫЖИТЬ ИЗ УМА...

***

Всякий раз, когда приближается величественная дата - День Победы, я испытываю, кроме радости, и определённую тревогу.

Да, пусть в любом неравнодушном сердце оживёт грозное прошлое, давая пищу уму, напоминая о той цене, которая заплачена за наше существование.

Цена - огромная, и мы обязаны помнить о ней.

И я вовсе не против суровой и горькой правды о былой войне.

Но я категорически не приемлю тех, кто торопливо, по-воровски начинает бросать комья грязи в нашу общую Победу, пытаясь сделать её светлое значение чёрным.

***

I

В повседневности попыток множество, разного масштаба и разного свойства. Обратим взгляд на некоторые из них.

По всероссийскому радио выступал популярный писатель, назовём его Швеллер-Пропеллер, чьими книгами завалены магазины от Владивостока до Калининграда. Сей «инженер человеческих душ» вещал миллионам слушателей своё мнение ни много, ни мало – о самом Г.К. Жукове.

Слушать его было противно и гадко!

Бедный Георгий Константинович!

Как ему досталось вдоль и поперёк от сочинителя сомнительных романов. Уж он, что называется, «отоспался» на гениальном полководце Г.К. Жукове, нагло пытаясь приравнять ВЕЛИКУЮ ЛИЧНОСТЬ к какому-нибудь рядовому негодяю.

Немыслимая вещь, но факт!

Ненависть, причём не скрываемая ненависть к выдающемуся полководцу Советского Союза наполняла радиопередачу.

Объяснить её ничем невозможно.

И это говорится в России, по официальному государственному радиоканалу, накануне праздника Победы.

Почему? Зачем? В чьих интересах?

Значит, кому-то из верхушки правящего режима выгода подобная «пропаганда», иначе бы сочинителя не выпустили в эфир. Кому-то очень нравится обливать грязью выдающихся советских полководцев Великой Отечественной войны.

Похоже, некому остановить действия «пропагандистов».

Но сказать о них мы не только можем, но и **обязаны.**

Эта «пропаганда» на фоне «подъёма патриотизма» в России, коварна и очень опасна.

Она способна нанести вред в первую очередь молодым неопытным душам.

Была встреча в библиотеке накануне скорбной даты - начала Великой Отечественной войны. И я кратко рассказал о работе над темой. Меня продолжают волновать подвиги советских солдат и офицеров в самой страшной войне за всю историю человечества, их высокие нравственные качества

Когда я перешёл к вопросам, встала миловидная девушка.

– Вы не правы, что видите немцев только плохими, – неожиданно сказала она. – Немцы были хорошие! Они оставались в наших деревнях, жили даже с нашими женщинами, работали в колхозах.

Я обомлел от её слов.

– Откуда вы такое знаете? Кто вам всё это сказал? – поразился я.

Один фронтовик рассказывал, – уклончиво ответила она.

– Не может быть, не верю, чтобы фронтовик мог вам такое говорить, – засомневался я. – Если же, действительно, он вам говорил что-то подобное, то, я опять же сомневаюсь, истинный ли он фронтовик или ложный, коих развелось немало. Эти «ложные фронтовики», как ложные грибы в лесу: не воевали на передовой, не нюхали пороху, но усердно утверждают везде, будто немецкие генералы «очень хорошие» а полководцы Красной армии «очень плохие».

– Ещё преподаватель в колледже говорила, что немцы были хорошие, – продолжала своё девушка.

– Ну, это ближе к истине, – кивнул я. – Преподаватель такое сказать вполне может…

Похоже, запущена «очередная модель» по изменению сознания русских людей, особенно молодежи. Она проявляется в большом и малом.

Да, хорошо, что каждый год в день Победы проходит военный парад на Красной площади в Москве. Да, хорошо, что зародилось и продолжает существовать движение «Бессмертный полк».

Но слышали ли вы в репортажах с праздничного па-

рада имена первых лиц Советского Союза и полководцев Красной армии, под чьим руководством русский народ и другие народы одержали Победу?

Такого за последние годы ни разу не было.

Не странно ли? Что тому мешает?

Имена Иосифа Сталина, Георгия Жукова, Ивана Конева, Александра Василевского, Федора Толбухина, Николая Ватутина, Василия Швецова, Константина Рокоссовского и ещё многих и многих, достойных воинов, как бы находятся «под запретом».

Эти имена не звучат с трибуны на Красной площади, их не упоминают и дикторы, ведущие оттуда репортажи.

Не исключено, что некоторые руководители РФ на полном серьёзе считают, что победу в Великой Отечественной войне одержал.... бывший президент США Барак Обама (так их обучили в Вашингтоне!) или нынешний – Трамп, но боятся сказать об этом во всеуслышание.

И чтобы соблюсти свою любимую «толерантность», они не упоминают ни Сталина, ни Обаму с Трампом – так для них надежнее.

Вернусь к «переписыванию истории». На днях я беседовал с преподавателем одного из вузов, и она рассказала, что у абитуриентов, которые поступают учиться, «рассеянное сознание».

Я удивился

– Чему удивляться! – заметила она. – В школе дети изучают историю по 5 (!) учебникам. Поэтому они не могут составить себе определенное представление о каких-либо исторических событиях, в том числе и о событиях Великой Отечественной войны.

Вот к чему ведёт беспрерывное «переписывание» реальной истории.

Суть «переписывания» обычно сводится к одному: умалению Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В ход идёт искажение реальных событий и документов, подтасовка фактов, приписывание руково

рада имена первых лиц Советского Союза и командирам Красной армии «мыслей и высказываний», которых они никогда и нигде не произносили, а также замалчивание побед СССР и поражений фашистской Германии в ходе войны.

Как ни странно, но РФ в этом не оригинальна. Более двадцати лет назад «переписывать историю» начали в Греции. Греческие «реформаторы» возвели постулат «немцы были хорошие» в абсолютную истину, аннулировали или исказили участие патриотов Греции в борьбе против фашистов в годы Второй мировой войны.

Об этом с болью и отчаяньем писал в своё время известный греческий композитор Микос Теодоракис. Он дважды бежал из фашистского концлагеря. В итоге «переписывания» в Греции выросло поколение, представители которого ненавидят историю собственной страны, «обожают» Запад. И совсем не случайно возникла в Греции ситуация «всеобщего кризиса», потрясшая экономику, ситуация «деградации» страны.

Так в данном случае искажение Истории прямо и отрицательно повлияло на текущую жизнь древнего народа.

Более свежий пример – наша историческая Родина – Киевская Русь, так называемая «независимая Украина». Забвение реальной истории, возвеличивание пособника гитлеровского фашизма, уголовника и русофоба Бендеры до уровня «национального героя» – это и многое другое породило современный «укрофашизм», в своих злодеяниях он не уступает фашизму Гитлера. Всё здесь, что касается событий Великой Отечественной войны, ставится с ног на голову, замалчивается множество реальных фактов, как злодейства фашистов и их пособников, так и героизма и самоотверженности советских солдат и офицеров.

II

Теперь, похоже, «на всю катушку» взялись и за Россию!

Пожалуй, «верхушка» нашего государства не сама придумала «концепцию переписывания» событий Великой Отечественной войны, а заимствовала её на Западе, как заимствовала до этого там и многое другое.

В Западной Европе, особенно в современной Германии, кое-кто (не без давления США!) поспешил снять со своих государств ответственность за развязывание Второй мировой войны, за нападение фашистской Германии на Советский Союз. Похоже, перед правителями тех стран некие «лукавые вожди» поставили сверхзадачу: «перекодировать» сознание людей, особенно молодёжи, на новое восприятие событий Второй мировой войны. Воевали, дескать, «тотальные режимы» – фашистский и коммунистический, а народы «не виноваты».

Откуда они это взяли?

Да из пыльных архивов, откуда же ещё!

Если говорить конкретно, то в данном случае – из «Послания» канцлера Германии А. Гитлера солдатам Восточного фронта, которое было зачитано перед строем 2 октября 1941 года, перед началом операции «Тайфун». Там Гитлер, используя гнусные измышления своего любимца и приспешника Геббельса, утверждал, что «СССР готовился напасть на Германию».

Теперь, в начале XXI-го века, эту ложь по указке из Вашингтона тиражируют в современной Европе, выдавая за «новую концепцию». Кстати, ныне обнародовано большое количество документов, которые говорят о том, что фашизм в Германии был вскормлен банкирами из США, то есть фактически США готовили войну против Советского Союза в течение 1933-1940 годов.

С уравнивания «в правах и обязанностях» Сталина и Гитлера в современной России и началось, и продолжается забвение и искажение событий Великой Отече-

ственной войны, прививание детям лояльности к фашизму.

И вот уже какая-нибудь девчушка, не зная истории своей страны, принимается с жаром утверждать, что «немцы были хорошие».

Да что девчушка!

Как-то в областном музее я увидел в военном зале портрет Гитлера.

– Зачем он здесь? – спросил сотрудницу.

– Ну, как же! – удивилась она. – Мы же – патриоты! Мы обязаны понимать историю правильно. Если у нас в экспозиции есть портрет Сталина, то должен висеть и портрет Гитлера.

Такой вот «модный патриотизм»!

Но ведь Сталин не планировал уничтожить Москву и на её месте сделать… водохранилище, а всех русских мужчин кастрировать и превратить в рабов.

А Гитлер – всё это планировал!

И не только планировал, но и осуществлял на практике, к нашему счастью, довести начатые планы до конца ему не позволила Красная армия.

Есть ли разница?

Для нормального человека, конечно, есть.

Для историков, вроде той, что в музее, её нет.

Особенно в подобном усердствуют представители культуры, в том числе и литературы.

Известный деятель из Петербурга, выступая в Москве по радио, договорился до того, что 22 июня 1941 года Севастополь бомбили… турецкие самолёты.

Во как!

Ведущий передачи сладко ему поддакивал.

Иными словами, «немцы были хорошие». Не они вкупе с румынскими самолётами обрушили смертоносные грузы на Севастополь, а турки. И этот вещун, имеющий звание доктора исторических наук, преподает где-то, учит молодёжь.

Я не удивлюсь, если «учёному» когда-нибудь в Кремле вручат орден «За заслуги перед Отечеством» – за его историческое «открытие» по поводу «самолётов турок».

III

Увенчанный всякими лаврами, всевозможными литературными премиями, удостоенный орденов в Кремле, некий сочинитель написал и издал роман о выдающемся полководце Гейце Гудериане.

Вознес до небес, называя не иначе, как «душа и гений блицкрига».

Но ведь «блицкрига» не получилось!

Блиц-крига просто не было!

Не один из планов Гитлера на Восточном фронте не был осуществлен полностью в период с июня по декабрь 1941 года. Не осуществлён так, как это расписали по дням и неделям фашистские стратеги в «Барбаросе».

Подчёркиваю – **ни один!**

С первого дня войны, с 4 часов утра 22 июня 1941 года, советские войска оказывали такое мощное сопротивление, часто переходящее в атаки, которого фашисты **ни разу не встречали** ни в одной из стран Европы, ими покорённых.

Это станет ясно из ситуации в Западном военном округе, из донесений о сражениях армий округа с фашистами 22 – 25 июня 1941 года, из приказов командующего округом генерала Д. Г. Павлова, которого в июле 1941 года расстреляли по обвинениям, на мой взгляд, в основном, сфабрикованным.

Но уже 15-20 октября 1941 года войска Красной армии под началом генерал-полковника Ивана Степановича Конева, на тот момент заместителя командующего Западным фронтом, а с 17 октября – командующего Калининским фронтом, войска «Особой оперативной группы» гене-

рал-полковника Николая Федоровича Ватутина, на тот момент начальника штаба Северо-Западного фронта, а также знаменитая 133-я сибирская дивизия под командованием генерал-майора Василия Ивановича Швецова и 8-я танковая бригада полковника Павла Алексеевича Ротмистрова разгромили под Калинином и Торжком (в селах Медное и Марьино) 1-ю танковую дивизию (!!!) и моторизованную бригаду СС, которые входили в состав группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока, ныне восхваляемого некоторыми «патриотами» в современной России.

Наши взяли в плен много фашистов, много техники, а также несколько штандартов Гитлера.

И это – в разгар наступления фашистов на Москву!

Это была победа, которая начала отсчёт великой Московской битвы, это были первые УСПЕШНЫЕ УСИЛИЯ Красной армии по изгнанию врага с родной земли.

Это была победа, от которой Гитлер пришёл в бешенство.

Тем самым Красная армия, так же, как под Смоленском и Вязьмой, несмотря на большие потери, показала фашистам: «блицкрига» не будет, делайте фрицы «цурюк» (назад).

Но «выдающегося сочинителя» военных романов эти реальные события минувшей войны нисколько не смутили. Какое ему дело до реальных событий, если он «сочиняет»?

Воспевая «мудрого, высокогуманного Гудериана», писатель повесил большой замок на собственную совесть. Он обошёл угрюмым молчанием истинное лицо генерала-фашиста. Когда «культурный» Гудериан занял Ясную Поляну под Тулой, родовое имение великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, то изгадил усадьбу так, что в его «гуманизме» засомневались свои же немецкие нацисты, которых нельзя заподозрить в благожелательности.

В зданиях усадьбы Гудериан устроил конюшни для

лошадей из обоза. Редчайшие рукописи гения слова, его книги и картины были уничтожены солдатами полка «Великая Германия». Когда служители музея принесли дрова, чтобы фашисты не жгли мебель и библиотеку, то услышали: «Дрова нам не нужны! Мы сожжём всё, что связано с именем вашего Толстого…».

И сожгли!

Апофеозом вандализма генерала Гудериана стало устройство на могиле Толстого… солдатского туалета.

Может, в тот момент Гудериан тронулся умом и не соображал, что творили его подчинённые? Нет, он всё прекрасно понимал. Ведь он был высокообразованным интеллектуалом в германском духе. А тут у его начищенных сапог лежала другая культура – русская, культура, по его мнению, «недочеловеков», культура, на которую незазорно справить большую или малую нужду, как делают бездомные озверелые псы…

Удивляюсь, как сочинителю не дали Нобелевскую премию? Может, ещё дадут! Пускай дают, не будем завидовать. Лучше обойтись без такой Нобелевской награды.

А как же «певец Гудериана» изобразил командиров Красной армии? Их он представил недоумками, по уровню интеллекта не превосходящими отстающих колхозных бригадиров. Уж куда им с их «свиным рылом» войти в калашный ряд «избранных фашистов».

Почему же тогда эти «колхозные лапти» разгромили подчистую «гениев блиц-крига»?

Об этом сочинитель угрюмо умалчивает. К умолчанию, видимо, его склонял и «социальный заказ» Запада.

Не отставал от «великого писателя» и столь же «великий» издатель. Из месяца в месяц он штамповал в Москве повести и романы, где основные фронтовые операции и победы в Великой Отечественной войне густо обливались грязью. В довершение ко всему издатель выпустить воспоминания Гудериана, умильно называя их «Записки рядового солдата».

Издатель, как и писатель, скромно умалчивает о том, что Гудериан был единственным в войсках Вермахта, который издал для танковых армий приказ: «Пленных не брать, всех расстреливать». Кстати, этот же «великий Гейнц» заменил в германской армии обычное отдание чести офицерами на выбрасывание правой руки с возгласом: «Хайль, Гитлер».

Так наших реальных героев Великой Отечественной войны подменяют «героями» фашистской Германии, а эти подмены тиражируются по всей России.

IV

Что касается постулата «Немцы были хорошие», то существуют документальные свидетельства о зверствах фашистов в период с 1939 по 1945 годы на территории Польши, Сербии, Советского Союза. Без содрогания, чувства омерзения к фашистам документы читать невозможно. К людям, особенно к детям и старикам, «истинные арийцы» относились хуже, чем к скотам.

В концлагерях Ржева, Освенцима, Бухенвальда, Дахау и других, устроенных на занятой территории СССР и в Европе, фашисты казнили, сожгли, уничтожили миллионы и миллионы военнопленных и мирных жителей разных национальностей из разных стран.

Такие вот они были «хорошие».

Озверевшие от того, что план «Барбароса» трещал по швам, фашисты осенью 1941 года бомбили и обстреливали военные госпитали, санитарные поезда, нападали на медсанбаты, хотя это было запрещено Международными конвенциями, хотя над ними развивались флаги с Красным крестом. И под конвенциями стояла подпись Гитлера.

Но что для фашистов «Красный крест»!?

Ничто, пустой звук.

В романе «И дольше века длится день» замечательный советский писатель Чингиз Айтматов привёл историю о том, как людей превращали в манкуртов, то есть лишали памяти. Раскалённую овечью кожу натягивали на голову, человек корчился от боли и терял сознание. Через какое-то время он приходил в себя, но был уже совершенно другим. Он не знал собственного имени, не помнил название родной страны, не узнавал отца и мать, не мог восстановить свою любовь, он был послушным орудием в «чужих руках».

Он превратился в манкурта!

Читатель, разумеется, понимал, что Чингиз Айтматов рассказал легенду, манкуртизм, скорее, аллегория. Да, так. Но, в то же время, и не совсем так. Парадокс в том, что «древнюю сказку» в современной России пробуют сделать былью – изъять из сознания народа историческое прошлое.

Что по этому поводу сказали бы миллионы солдат и офицеров, отдавших жизнь за независимость Родины?

Ответ очевиден.

Они назвали бы нас, их потомков, выжившими из ума!

Так не теряйте же разум – молодые и взрослые!

Не дай Бог вам выжить из ума, как тот самый автор – «певец Гудериана».

Ныне, в период подготовки к 75-летию Победы, мало что изменилось в круге проблем, которые я обозначил. Реальный разговор о событиях войны, о слагаемых Победы, о наших потерях на фронтах, которые в несколько раз меньше потерь мирного населения, затмила фраза вождя «об антисемитской свинье» и «еврейском холокосте».

Да, уж!

Ощущение, будто Победу одержала не Красная армия, русский народ вместе с другими народами Советского Союза, а «гайдаро-чубайская-абрамовиче-мордашовская-михельсонская группировка», под игом которой теперь существует страна.

2015-2020

ПРИДЁТ ЛИ «НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ»?

По поводу празднования 75-летия Сталинградской битвы

Замечательно, конечно, всё, что мы видели в Сталинграде, который в сообщениях СМИ корреспонденты всё равно называли Волгоградом, нарушая тем самым Закон местной Думы, принятый пять лет назад.

Да, это – величайшая дата: 75-летие Победы в Сталинграде.

Победа Красной армии 2 февраля 1943 года знаменовала собой по существу крах 3-го Рейха. Окружение и разгром огромного количества войск фашистской Германии и двух важнейших её союзников – Румынии и Италии, это событие – гулким эхом прокатилось по всему миру, возвещая конец «коричневой чумы».

Хорошо, что в городе на Волге тот день объявили не рабочим. Но почему только здесь? Разве в Сталинградской битве участвовали только сталинградцы? Разумеется, не только! Участвовали солдаты и офицеры Красной армии – от Амура и Владивостока до Тбилиси и Северного Кавказа.

Тогда устройте праздник для всех, как это положено!

Почему-то день Конституции РФ, составленной под диктовку специалистов ЦРУ из США, отмечается как национальный праздник, а 75-летие разгрома «объединенного цивилизованного Запада» в Сталинграде не считается наицональным праздником.

Очень странно это! И не совсем понятно!

Когда я шёл к по делам , мне по сотовому телефону позвонил знакомый.

– Поздравляю тебя! – закричал он трубку, даже забыв слова приветствия.

– С чем? – не понял я.

– Теперь Волгоград назвали Сталинградом, – не сдерживал он эмоций.

– Не может быть! – усомнился я.

– Ну как же! – не унимался приятель. – Я сижу перед телевизором, сам Путин сказал: «Сталинград», так теперь и будет…

– Ну, спасибо, дорогой, за отличную новость, – поблагодарил я. – Сразу как-то стало легче дышать…

Войдя в кабинет к знакомому директору, я сообщил ему, что Путин принял решение переименовать Волгоград в Сталинград, то есть вернуть городу его боевое название, которое известно до сих пор всему миру.

Видели бы вы, что тут произошло.

Директор, будто козлик какой-то, выскочил из кресла, тискал мою руку и выкрикивал: «Наша взяла! Наша взяла!».

После, чуть поостыв, он заметил:

– Правильно поступил президент – надо дух народа оживить!

Я, правда, чистосердечно признался, что услышал новость от своего знакомого.

Когда мы закончили беседу, я сел в рейсовый автобус и через заваленный снегом город поспешил домой. Придя, сразу спросил домашних: не слышали ли они про новость? Никто ничего не слышал. Более того, супруга тут же, пока я доедал щи, «сходила» в мировую паутину и сразила меня тем, что в Интернете по поводу переименования города Волгограда в город Сталинград нет нигде никакого намёка.

– Не может быть? – удивился я. – Неужели доктор меня разыграл?

– Он что-то перепутал, – предположила она.

– Нет, доктор – серьёзный человек, такими вещами не шутят. Он на такие шутки не способен.

Я нашёл запись выступления Президента в Волгограде, внимательно её прослушал, и всё понял. Видимо, это я поспешил. Доктор сказал: «Путин в своём выступлении наименовал Волгоград Сталинградом». Вот в чём дело! Может, впервые за 17 лет своего правления РФ, он вместо «Волгограда» употребил «Сталинград».

ВПЕРВЫЕ!

Это-то и изумило доктора, и он поделился своими эмоциями со мной.

А я-то, что называется, распустил губу!

Впрочем, отчего же тогда так обрадовался директор?

Странная у нас страна, ей Богу!

Во всём мире никто не стесняется называть Сталинград Сталинградом, а у нас этого стыдливо бояться, оглядываются, озираются, как бы чего не вышло, как бы либералы, как бы Запад не подумал о нас чего-нибудь плохого.

Вот уж гнилой либерализм!

Очень странно всё это! И не совсем понятно!

Ну, давайте обратим взоры на Запад, столь любимый президентом, председателем правительства, всем их окружением, на Запад, столь любимый депутатами Федерального собрания РФ и всем олигархатом.

Сделаем небольшую экскурсию.

Город ПАРИЖ, столица ФРАНЦИИ:

В 19-м округе Парижа есть большая и красивая площадь, она носит название **«СТАЛИНГРАДСКАЯ площадь»** и находится на перекрестке двух улиц, выходящих на набережные рек – Лауры и Сены.

Площадь наименована в честь Сталинградской битвы в 1946 году. С тех пор её не переименовавали. Французы, в отличие от Н.С. Хрущева и нынешнего руководства «олигархической РФ», понимали и до сих пор понимают, что такое **«СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА».**

Во Франции понимают, какое значение она имела для большинства стран Европы и всего мира.

В современной РФ этого, увы, не понимают!

Или, скорее всего, не хотят понимать.

ИДЁМ дальше по ПАРИЖУ.

Если спуститься в Парижское метро, то обнаружим, что на трёх линиях метро – на 2-й, на 5-й и на 7-й есть станции с кратким и выразительным названием: **«СТАЛИНГРАД».**

Если мы попробуем найти нечто подобное в метро городов Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, то безрезультатно.

ТАКИХ НАЗВАНИЙ станций метро в больших городах РФ НЕТ!

Теперь, через пролив, перенесёмся в **город ЛОНДОН**, «оккупированный олигархатом РФ», самые богатые люди в столице Туманного Альбиона – иудеи из Российской Федерации. И что же? И здесь мы встретим, к великому неудовольствию «российского» олигархата, увековечивание памяти величайшей воинской Победы русского народа.

Оромный антикварный рынок в Лондоне, куда стекаются любители старинных вещей и прочих поделок со всего света, носит название «**Брокант СТАЛИНГРАД».**

Есть ли что-то подобное в РФ?

Нет, конечно!

«Улица Сталинградская», «Шоссе Сталин», «Сталинградская улица», «Проспект героев Сталинграда», «Район «Сталинград», «Площадь героев Сталинграда» и другие названия, связанные именно со Сталинградской битвой, можно обнаружить практически во всех странах мира - **Бельгии, Франции, Великобретании, Чехии, Польше и даже в Индии.**

А в Российской Федерации таких названий нет!

Зато в Москве есть улица Солженицына, ему поставили памятник огромного размера, а в умы школьников вдалбливают идеологию романа «Архипелаг ГУЛАГ». Не отсюда ли «рождаются» «Коли из Уренгоя»? Те самые

«коли», готовые сделать доклад о том, что «в Сталинградской битве плохие русские сделали очень больно хорошим немцам...».

Да, Солженицын для правящего режима **важнее Сталинградской битвы.** Это не требует каких-либо доводов, это очевидно.

Напомню, что Сталинград переименовали в Волгоград после «победы» Хрущева над Сталиным – 10 ноября 1961 года, якобы «по просьбе трудящихся».

Хотели сделать больно Сталину, ушедшему в мир иной.

А фактически ПЕРЕЧЕРКНУЛИ героическую Победу 2 февраля 1943 года, предали ЗАБВЕНИЮ тысячи и тысячи солдат и офицеров Красной армии, которые ценой своих жизней добыли эту Победу – в величайшим стражении за всю историю человечества.

Это они, ни в чём не виновные, стали заложниками политических интриг «сидельцев» в Кремле.

ЕБН, то есть «первый президент» Б.Н. Ельцин, а также и В.В. Путин в разное время предлагали горожанам высказать мнение по поводу возможного переименования города и возвращения ему исторического имени – Сталинград.

Но этот «вопрос» касается не только тех, кто живёт здесь. Он касается всего населения страны. Об этом и Ельцин, и Путин помалкивали.

Очень странно это! И не совсем понятно!

Всё же горожане нашли «соломоново решение».

Дума Волгограда приняла постановление о том, что 6 дней в году – 2 февраля, 9 мая, 22 июня, 23 августа, 2 сентября и 19 ноября – именовать город Сталинградом.

Ну, маскарад, да и только!

Неужели не понятно, что речь-то идёт не столько о Верховном Главнокомандующим, хотя именно под его руководством победоносно завершилась Великая Отечественная война, сколько о наших дедах, отцах, родных, ценой собственной жизни добывших Победу на Волге!?

Нельзя же переносить ненависть к Сталину на всех, кто воевал в Сталинграде.

Это просто абсурд!

Когда же у нас патриотизм будет нормальным, естественным, а не «спущенным» из кабинетов Кремля? Или его никогда не будет!?

За шумихой президентских выборов и туманом обещаний о «светлом будущем» наша страна, похожде, теряет что-то очень важное…

И эту потерю не заменят речи кандидатов на самое «главное кресло».

2018 г.

ГОРЯЧИЕ СТРОКИ ПОЭТА

В древнем Белозерске отметили 95-летие своего знаменитого земляка – фронтовика, поэта Сергея Сергеевича Орлова

Высокая синь неба и бескрайняя синь Белого озера.

Тихие улочки, неторопливые прохожие, купола святого храма…

Так выглядит современный Белозерск, один из главных центров культуры и экономической мощи Древней Руси.

Здесь, где-нибудь в переулке, будто «письмо» из глубины веков, вдруг увидишь красавицу с чисто славянские чертами, коих уже давно нет в наших, так называемых, мегаполисах.

И поразишься её очарованию, её стати!

В тот день, 22 августа 2016 года, в размеренный быт Белозерска были привнесено оживление. Сами горожане и гости, прибывшие из Москвы, Вологды, Петербурга и окрестных мест, собрались на большой праздник - 95-летие своего земляка, поэта Сергея Сергеевича Орлова.

Несмотря на то, что эта чудесная древняя земля дала России немало великих имён, Белозерск был и остаётся городом поэта Сергея Орлова.

В его творчестве мы найдём искренние и трогательные строки признания в любви к родному городу, которые и теперь, десятки лет спустя после их написания, волнуют и трогают сердце.

Думаю, всякий порядочный русский человек, который не потерял совесть в «рыночной суете», помнит и знает (по крайнем мере, должен знать!) строки Сергея Орлова, возвышающиеся огромным монументом русскому солдату-победителю:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званья и наград.

Вдумаемся в такую деталь!

Когда Сергей Орлов выплавил из своего сердца вот эти строки, ему было всего 23 года! Он командовал взводом тяжелых танков «КВ» на Волховском фронте и вёл смертельные жестокие бои с фашистами, участвуя в операции по освобождению города Великого Новгорода.

Фашисты боялись наших танков «КВ».

Всё же командир взвода уже один раз горел в подбитом танке, правда, ему удалось спастись.

А в боях под Новгородом, командирский танк Сергея Орлова враги подожгли второй раз. Просто счастливая случайность, что командира и механика, уже обгоревших, в чёрных от копоти бушлатах, вытащили из горящей маши-

ны. Но огонь успел полыхнуть Сергею по лицу и глазам...

Войною опалёный!

Так можно сказать о Сергее Орлове – и о личности, и о выдающемся русском и советском поэте.

Известный наш стихотворец Егор Исаев в предисловии к первому посмертному сборнику Сергея Орлова «Костры» отмечал: «Это – в самом характере Орлова, в его, я бы сказал, северянской первооснове, в уставе его души: уж если делать, то добротно, уже если баять, то красно. И – совестливо! Вот первопункт его творческой заповеди…

Писал о войне. Писал о своих друзьях-товарищах, как о витязях, прекрасных и в гневе, и в любви. Писал нежно и торжественно. А главное, выстраданно, без всяких суесловий и претенциозных изысков. Писал так, чтобы хоть на мгновение, хоть на самое малое чуть-чуть продлить в своём слове жизнь тех, кто навсегда остался там, на поле боя».

Ещё в 1944 году, обращаясь к будущим поколениям, Сергей Орлов сказал:

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованых пудовых сапогах.
Махоркой и солёным потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах.
Нас счастье даже в снах не посещало,
Удачами не радовала жизнь,
Мы жили от привала до привала,
В сугробах мерзли и в песках пеклись.
Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы? Не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.
Мы горе, что по праву причиталось
И им, далёким, выпили до дна.
Им только счастье светлое осталось,
И мир всю жизнь, как нам всю жизнь – война.

Да, вот это обжигающее признание чаще бы надо читать современным правителям и нуворишам в России, чтобы не забывать, чьей кровью, чьей жизнью оплачено их «успешное» существование, их несметные «капиталы»

Но они, к великому сожалению, не читают таких поэтов, как Сергей Орлов. Да, наверное, и не слышали о нём.

... Торжества в честь юбилея поэта начались в мемориальном доме-музее Сергея Сергеевича с открытия выставки «Первый город мой в зорях юных...».

В литературной гостиной было тесно от пришедших на выставку. В этом доме когда-то жила семья Орловых, стенды выставки рассказывают о разных периодах судьбы и творчества поэта. Примечательно, что музей Орлова, который, к слову, в эти дни отмечал тоже юбилей – 35-летие, занимается пропагандой творчества поэтов-земляков. Изданы буклеты о творчестве белозерских поэтов Леонида Беляева и Алексея Шадрунова.

На открытии выставки преподаватель музыкального училища имени Римского-Корсакова из Санкт-Петербурга Галина Савоскина передала музею записи хоров на стихи Сергея Орлова, музыку написал её муж Борис Можжевелов, он лично знал поэта.

Затем представители руководства Белозерска и гости возложили цветы к памятнику Сергею Сергеевичу.

В большом зале музея «Белозерск исторический» прошли основные торжества. От имени Вологодской писательской организации выступили её руководитель поэт Михаил Каречев, поэт Геннадий Сазонов, литературный критик Андрей Смолин. В частности, Михаил Карачев сказал о той огромной роли, которую и теперь играет творчество Сергея Орлова в сохранении и удержании «русских смыслов» в современной информационной войне против России. Литературный критик Андрей Смолин особо отметил заслугу Сергея Орлова в том, что он в своём творчестве «соединил» две литературные школы – вологодскую и ленинградскую.

Среди, гостей, прибывших на праздник, был внук поэта Степан Орлов, депутат Московской городской думы, со всей семьей и друзьями – писателем Евгением Шестинский и Владимиром Коптевым-Дворниковым.

И ещё об одной подробности необходимо упомянуть.

Хоть Белозерск и есть город Сергея Орлова, но рядом с ним стоит и известное имя Сергея Викулова. Они познакомились ещё в сельской школе в селе Мегра, где Сергей Орлов, как старший, шефствовал над Сергеем Викуловым, помогая ему в творчестве. Позже, уже после войны, Сергей Орлов способствовал изданию первых книг Сергея Васильевича. И теперь – вот что удивительно – они рядом в родном городе: дом-музей Сергея Орлова и «Культурный центр» имени Сергея Викулова находятся на одной улице, в нескольких шагах друг от друга.

Война – жестокая реальность!

Но вот чудо: её жестокость «переплавилась» в яркое и самобытное творчество Сергея Орлова. Он доказал, что любовь к миру, к человеку выше потрясений войны.

БОЕВОМУ НЕБЕСНОМУ СОКОЛУ

В центре старинной Вологды открыли памятник легендарному боевому лётчику, дважды Герою Советского Союза Александру Фёдоровичу КЛУБОВУ.

Событие значимое не только для Вологды, но и для всей России. Оно возвращает людскую память в далёкие и суровые годы сражения советского народа с ордами фаши-

стов и их наёмниками со всего «цивилизованного Запада».

Значимое событие ещё и потому, что, несмотря на всякие ухищрения западников-либералов, пытающихся исказать события Великой Отечественной войны, принизить нашу Победу, народ не приемлет их обмана.

Всё равно народ помнит и чтит своих бесстрашных героев, которые вышли из самой глубинки, из «русской глухомани».

К одиннадцами часам утра в Пионерский сквер в центре города, в сквер, заново преобразившейся, шли и шли горожане – ветераны войны, представители воинских частей гарнизона, школьники-кадеты…

Собралось столько много людей, что не протолкнуться.

Всем хотелось прикоснуться к памяти славного сына земли Вологодской.

Был выстроен почёный карул. Зазвучали фанфары.

Начался митинг, посвященнй открытию памятника дважды Герою Советского Союза Александру Фёдоровичу Клубову.

Над сквером зазвучал голос ведущего:

«Мир не должен забывать ужасы войны, страдания и смерть миллионов людей, это было бы преступлением перед павшими. Помнить о войне, о героических подвигах наших людей – долг всех живущих на земле. В будущем – войне не должно быть места…».

Напомню некоторые вехи жизненного и боевого пути легендарного лётчика – истребителя Великой Отечественной войны.

Александр Клубов родился 18 января 1918 года в крестьянской семье в деревне Яруново под Вологдой. После окончания семилетки уехал в Ленинград, где работал на заводе «Большевик». С берегов Невы берёт исток его путь в небо – Александр с большой охотой занимался в аэроклубе.

Начало войны застало его, уже военного лётчика, на южных рубежах Советского Союза.

В самом первом своём воздушном бою – 28 июля 1942 года – Александр Клубов сбил самолёт противника, а затем 19 августа того же года повторил свой подвиг. Это всё происходило в Черниговской области.

В мае 1943 года А.Ф. Клубова перевили в эскадрилью, которой командовал Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин. Так началась дружба двух знаменитых лётчиков-истребителей.

Позже А.И. Покрышкин так отзывался о своём товарище: «В Клубове всегда жила душа истребителя. Меня радовала его манера драться. Он всегда искал боя…».

Александра Фёдоровича товарищи и враги считали непревзойдённым ассом. За время службы он произвёл 457 боевых вылетов, провёл 95 воздушных боёв, в ходе которых лично сбил 31 самолёт противника.

За боевые заслуги 13 апреля 1944 года Александр Клубов был удостоен звания Героя Советского Союза.

О том, как воевал летчик-асс, главная военная газета Советского Союза «Красная Звезда» писала так: «ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 12 сентября. (**По телеграфу от наш корр.)**

«Герой Советского Союза гвардии капитан Клубов и его ведомый младший лейтенант Иванов ушли к линии фронта в свободный полёт. Офицер Клубов – искусный истребитель. Он настойчиво ищет противника и смело навязывает ему бой.

Клубов углубился далеко за линию фронта. Чтобы ввести в заблуждение противника, истребители меняли курс и высоту. Вдруг лётчик заметил идущий с востока немецкий бомбардировщик. Стараясь остаться незамеченным, Клубов пропустил врага мимо себя, потом развернулся и очутился в хвосте фашистского самолёта, ударил по нему с короткой дистанции.

После трёх прицельных очередей Клубова сразу же загорелись оба мотора вражеской машины. Немецкий бомбардировщик врезался в землю.

Таким образом, боевой счёт гвардии капитана Клубова достиг 50 сбитых им и в содружестве с другими лёт-

чиками немецких самолётов.» («Красная Звезда», №218 от 13.09.1944 г.).

Погиб замечательный небесный сокол 1 ноября 1944 года.

Произошла авиационная катастрофа при выполнении тренировочного полёта на истребители «Ла-7». После приземления машина выкатила за пределы взлётно-посадочной полосы и перевернулась. Александр Клубов получил тяжелейшие травмы и через полтора часа после катастрофы умер.

27 июня 1945 года гвардии капитан А.Ф. Клубов был посмертно награждён второй медалью «Золотая Звезда» – стал дважды Героем Советского Союза.

Александр Фёдорович Клубов, единственный из вологжан, участвоваших в Великой Отечественной войне, который удостоен дважды звания Героя Советского Союза.

...Право открыть памятник лётчику-истребителю было предоставлено родственнику Героя – племяннику Владимиру Алексеевичу Клубову из Москвы и мэру Вологды Сергею Воропанову.

Спадает покрывало, перед пришедшими в сквер предстаёт молодое одухотворённое лицо. Это, может показаться, скорее не боевой лётчик, а обычный деревенкий паренёк.

Ведь Александру, когда он погиб, было всего 26 лет!

Слово взял Владимир Васильевич Золотов, генерал-майор, Председатель правления «Клуба деловых людей» Вологодского землячества в Москве. Эта организация явилась инициатором установки памятника.

– В 2015 году, в год 70-летия Победы, – напомнил он, – по нашей инициативе бюст А.Ф. Клубову был установлен в Зале «Воинской Славы» на Поклонной Горе в Москве. Тогда же возникла идея создания памятника единственному вологжанину, дважды Герою, в Вологде. Мы объявили сбор денежных средств, и вот – памятник открыт, по сути – это народный памятник.

К его словам необходимо добавить следующее

В 2001 году по настоятельной просьбе родственников Героя и при поддержке руководства Вологодской области было совершено перезахоронения А.Ф. Клубова. Его останки из Львовской области на Западной Украине перевезли на Вологодчину. И это стало серьёзным катализатором всей патриотической работы. Теперь именем А.Ф. Клубова названа школа № 15 г. Вологды и сельская Кубенская средняя школа, его имя присвоено самолёту авиакомпании «Северсталь», созданы фильмы, изданы книги об Александре Фёдоровиче.

– Имя Александра Клубова всегда было для меня святым примером, – отметил в своём выступлении на митинге генерал-полковник Б.А. Омеличев, посвятивший жизнь авиации. – Мы родились с ним в одной деревне Яруново, от которой теперь остался только один дом. Но я верю, что она должна возродиться. Вологодчина сделала из Александра Героя, а из меня – генерала.

– К сожалению, поколение фронтовиков, которые непосредственно участвовали в войне, уже ушло из жизни. Уходит и наше поколение, которое следовало за ним. Но, несмотря на смену поколений, необходимо сохранять паямять о таких Героях, как Александр Клубов.

С особым вниманием слушали выступление родственника Героя – Владимира Алексеевича Клубова.

– Сегодняшнее событие – ответ либералам, которые договорились до того, что не следует отмечать и день Победы, – сказал он. – Нет, этого никогда не будет. И то, что памятник возвигнут, собственно, на народные средства - значимый момент.

Создала памятник скульптор из Москвы Елена Безбородова, заслуженный художник России. Тема героев русского народа, тема патриотизма – ведущая в творчестве Елены Анатольевны.

И ей удался памятник – великолепный художественный образ.

– В лике Александра Клубова мне хотелось выразить

символ всех вологжан, кто участвовал в Великой Отечественной войне.

Огромное ей спасибо за это!

Под аплодисменты были отмечены трудовые коллективы Вологды и Череповца, которые пожертвовали средства на сооружение памятника.

Его открытие стало настоящим праздником для вологжан.

21 июня 2019 года.

СЛУГА НАРОДА

ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ И ПРОЗАИК АЛЕКСАНДР ЯШИН – СОЛДАТ И ЗАЩИТНИК ТЕЧЕСТВА

Воет метель, переметает дорогу на Бобришин Угор, хочет по крышу завалить снегом избу Яшина, где рядом он спит вечным сном.

Напрасно старается!

Уже днём припекает солнышко, веселее тенькают синицы, грядёт весна.

Ве-сна!

Это значит - пробуждаемся от сна, от зимнего унынья.

Именно в такую пору 27 марта 1913 года в большой крестьянской избе деревни Блудново, что недалеко от городка Никольска, появился на свет Александр Попов, будущий поэт и прозаик, публицист, создатель Вологодской писательской организации, известный в русской литературе под именем Александр Яшин.

I

Что бы там ни говорили, а живой голос - бесценное наследие! Помню, дочь поэта, Наталья Александровна, представляя книгу отца «Слуга народа», включила кассету. И вдруг большой зал областной библиотеки как бы исчез, растворился в спокойном, властном говоре Яшина, чуть приглушенном, взволнованном…

Александр Яковлевич звал на малую родину в Блудново, на берега реки Юг, приглашал насладиться красотами никольской земли, которая неизменно была для него глубинным понятием Родины.

Всё испытала, всё превозмогла –
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.
«Великая!» – мы говорим о ней,
Даём присягу в верности сыновней,
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, реки, ширь её полей.
А все ли помним
И всегда ль о том,
Что родина была, и есть и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А – люди?
… Спеши на выручку, других зови, –
Пусть не найдётся душ глухих и жестких!
Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?

Повинимся, Александр Яковлевич!
Ох, не все и далеко не всегда помнят, что Родина – люди,

прежде всего! Для немалого числа, к сожалению, люди отошли на «второй план», уступив место стяжанию, страсти обогащения. А у некоторых даже понятие «деревня» вызывает аллергию или психический шок. И уже драгоценности, воспетые вами, – Отечество, Верность, Братство, Совесть, Честь – несколько потускнели в общественной словесной шумихе.

Но, как говорится, ещё не вечер!

В канун векового юбилея Яшина его «живым голосом» стала художественная выставка в вологодском Кремле, названная строкой поэта: «Спешите делать добрые дела…». И сам писатель, и герои стихов, рассказов и повестей явились на полотнах художников. Особое впечатление произвели портреты Яшина и его матери Евдокия Григорьевна кисти академика живописи Владимира Корбакова, он дружил с поэтом. В соседнем зале – внушительная коллекция фоторабот (48 авторов) – «Для меня Россия – эти вот родимые места». На них запечатлены не только излюбленные Яшиным уголки в Никольском районе, но и в Кириллове, Белозерске, на Сладком острове в Новом озере, где он бывал, отдыхал, писал. Таким образом, для того, кто пришёл в Центральный выставочный зал, возникало ощущение близкого общения с поэтом, благодарной радости от свидания с ним.

II

Семья, в которой родился Саша Попов, была крестьянской в нескольких поколениях. Отец Яков Михайлович не вернулся с Первой мировой войны.

С младенчества мальчика окружала поэзия сельского труда и быта, русского духа, прикосновение к которому надолго оставляло след в душе. Его бабушка, Авдотья Павловна, знала сказки, былины, плачи, была известной

сказительницей в округе, и, вне сомнения, оказала сильное влияние на внука в смысле поэтического восприятия мира.

Да и мать, Евдокия Григорьевна, не уступала бабушке по части шуток, прибауток, поговорок. Глубинная стихия родного слова стала для Яшина, как и когда-то для олонецкого «ведуна» Николая Клюева, притягательной силой, душевной привязанностью.

И уже в школе Саша Попов слыл сочинителем, «рыжим Пушкиным», как его называли товарищи, а для себя решил: «Буду писателем».

Это желание он пронес по жизни до последнего дыхания.

Александр Яшин, окончив педагогический техникум в Никольске, рано вступил на путь литератора, часто печатал стихи и прозу в газетах Великого Устюга, Вологды, Архангельска.

В 1934 году, когда ему было 20 лет, в Архангельске вышла первая книга стихотворений «Песни Северу». Молодой поэт стремился запечатлеть «злобу дня», отношение к событиям, свидетелем которых был.

«Я написал свою первую песню, когда захлебнулся от радости, – вспоминал он, – когда впервые ощутил чистое серцебиение нашей жизнерадостной молодости».

Несмотря на стилевые погрешности, недостаток мастерства, в той книге присутствовало главное: **искренность и сердечность**, без чего нет подлинной поэзии.

Видимо, это и помогло Яшину стать делегатом I-го Всесоюзного съезда писателей. Вскоре он переехал в Москве, где издал вторую книгу стихов «Северянка». На неё обратил внимание известный тогда поэт Николай Асеев.

Потом учился в Литературном институте, по окончанию его Яшин добровольцем ушел на Великую Отечественную войну, был военным корреспондентом, политработником. Участвовал в обороне Ленинграда, Сталин-

града, освобождении от фашистов Крыма. Издал два сборника стихов «На Балтике было», «Город гнева».

Фронтовые события, личные впечатления от пережитого на войне Александр Яковлевич отразил в дневниковых записях, изданных отдельной книгой. С неё, а также с поэмы «Алёна Фомина», за неё в 1950 году он получил Государственную премию СССР, начался путь Яшина в большую советскую литературу.

III

Со временем Александр Яковлевич стал известной личностью в литературном мире, некоторые коллеги оставили воспоминания о нём.

На мой взгляд, наиболее правдиво написал о Яшине Федор Абрамов в очерке «Семь вёрст до небес», когда побывал в избе на Бобришном Угоре и в деревне Блудново.

Туда Федор Александрович добирался, по приглашению Яшина, самолётом, потом на перекладных, а в конце – пешком по тропе в сосновый бор. «Меня немало удивил облик Яшина, – отмечал Абрамов, – который показался мне не очень деревенским, да, пожалуй, и не очень русским. Большой, горделиво посаженный орлиный нос (у нас такого по всей Пинеге не сыщешь), тонкие, язвительные губы под рыжими, хорошо ухоженными усами и очень цепкий, пронзительный, немного диковатый глаз лесного человека, но с усталым, невеселым прижмуром…

Он просто задыхался от бешенства, от своего бессилия. Ведь ещё недавно его носили на руках, чуть ли не со звоном и местные власти и земляки, а сейчас все отвернулись, хамство на каждом шагу. Колхоз даже избу достроить отказался, хотя у него с колхозом было специальное трудовое соглашение.

– А за что, собственно, такая немилость? За то, что человек честную вещь написал?

...И с ним было нелегко – того и гляди, ужалит. А, с другой стороны, сколько в этом человеке было доброты, детской доверчивости, искреннего бескорыстия и благородства, русской удали и русского озорства!

Существует мнение, что русский национальный характер по своим качествам является характером полярным, характером противоположностей. Так вот, Яшин – ярчайшее подтверждение. И надо ли говорить, что именно особенности яшинского характера во многом предопределили исповедальный характер его зрелого творчества, его совестливость и самосуд, не знающий никакой пощады к себе?».

Верю Абрамову.

На Бобришном Угоре обретаешь умиротворенность, внутренний голос не мог лукавить, хитрить.

Но случай-то был, конечно, «тяжелый».

В ту пору оба писателя – Яшин за рассказ «Вологодская свадьба» («Новый мир», 1962), а Абрамов за очерк «Вокруг да около» («Нева», 1963) – были в «глубокой проработке», их, проще говоря, травили по указке из «высоких партийных кабинетов». В газетах Москвы, Вологды, Ленинграда, Архангельска, Карпогор, да и в других местах, появились статьи, рецензии, где Яшина и Абрамова разносили в пух и прах.

Собственно, как вопрошал Яшин в разговоре с Абрамовым, «за что»?

Только за то, что тот и другой честно и откровенно повели разговор о наболевших проблемах деревни! Поскольку уже «гиря дошла до полу»; как говаривал великий Лев Толстой – «Не могу молчать!».

Яшин и Абрамов завели разговор о том, что все видели, но молчали!

Отважились сказать о деревне «без малейшей лакировки».

Этот эпизод как бы из «внешней канвы» судьбы Александра Яковлевича, а суть была глубже. И проявилась она, разумеется, задолго до опубликования в «Новом мире» совсем безобидного, вообщем-то, рассказа «Вологодская свадьба» о житье-бытье земляков.

Мог он поступить иначе? Вряд ли. «Я без вологодской деревни – никуда! – признавался писатель. – Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живётся и пишется».

Не только эта, по выражению Глеба Успенского, «власть земли» давлела над поэтом и прозаиком Александром Яшиным.

IV

После всего, что было увидено и пережито в страшные годы Великой Отечественной войны, Яшин с особой болью размышлял о судьбе русского народа, о его духовной силе, о его повседневных потерях и нестроениях.

«Война все чувства наши обострила», – писал он на фронте.

Философское глубинное осмысление бытия невольно отражалось в поэзии и прозе и столь же невольно вступало в противоречие с принципами «социалистического реализма».

Поэту **было тесно** в заведомо поставленных рамках, он понимал, что бытие народа гораздо сложнее, гораздо разнообразнее, чем какие-либо «директивы». Он пытался вынести на суд совести и себя самого, и народ, и страну, не давая поблажки никому. Яшин поднимался на ту высоту, о которой великий Николай Некрасов сказал: «Кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизну свою».

А что получалось на практике?

Ещё в 1947 году Александр Яшин собрал сборник стихотворений «Живая вода», где попытался сказать о своих новых чувствах.

Книга не вышла, набор стихов в типографии рассыпали.

«Литературные генералы» и «товарищи из бюро» поставили Яшину в вину то, что он излишне увлекся «сугубой лирикой», тем самым подрывал «устои социалистического мировоззрения».

И это-то Яшин?

Мужицкая косточка, крестьянин с головы до пят, которому в каменной Москве чуть ли не каждую очь снились вологодские зори и озёрные затоны! Именно тогда он написал:

Скучный и злой, наверное, был,
Тот, кто, надев мундир,
«Мертвою природою» окрестил
Весь этот добрый мир.
Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша,
Будто бы нет у людей души…
Есть у меня душа.

Душа – вот главная ценность!
Душа – вот поэтическое мерило!

А где душа, там её подвиг откровения и покаяния. Поэт приходит к мысли о необходимости « создать новое общество, а не новую форму государства».

«Хочется быть предельно правдивым, я бы сказал, хочется быть совестливее и искреннее перед самим собой и перед людьми, как на исповеди», – так думал Яшин.

Нравственное, духовное начало, по его мнению, основа основ всякого строя, именно оно способствует движению

страны вперед. И жить надо так, чтобы «Отчизна была сильной, а люди святыми».

Почему тогда не прислушались к Яшину?

V

Перед поэтом встали два пути – покориться «суровому реализму» или сберечь душу, наполнить её добротой и любовью.

Яшин выбрал второй путь.

Он не стал отрекаться от себя, подстраиваться под «официальное мнение». И произошло своего рода чудо – случилось нравственное возрождение поэта. Сборники стихов «Совесть» (1961), «День творения» (1968), «Границы души», «Босиком по земле», «Бессоница» явили читателю «нового» Яшина – «бегущего босиком по траве». В тот период он написал наиболее значимые свои прозаические вещи – рассказ «Рычаги», повесть «Сирота», сборник «Угощаю рябиной», повесть «Слуга народа».

Имя Яшина на Вологодчине чтимо.

Хотя, казалось бы, в прекрасных авторах здесь никогда не было недостатка – Даниил Заточник, Константин Батюшков, Алексей Ганин, Николай Клюев, Сергей Викулов, Василий Белов, Ольга Фокина.

И всё же Александр Яковлевич на особом счету.

На мой взгляд, тому есть причины.

Во-первых, как никто другой, Яшин много писал и говорил и любви к родной земле, гордился своей любовью и своей землею, считал, что лучше, чем вологодский край, на земле ничего другого нет.

А, во-вторых, именно Александру Яшину обязана рождением «Вологодская литературная школа».

Как вспоминал известный русский поэт Александр Романов, Яшин не раз говорил о том, что на войне погибло

очень много талантливых, совсем молодых ребят, из них непременно выросли бы большие поэты и прозаики. «Но своей гибелью они защитили те таланты, - подчеркивал Александр Яшин, – которые мы пока ещё не знаем. Мы должны открывать их, помогать им и объединять воедино ради дружной работы в советской литературе…

Вологда должна выручить литературу…».

Вот это: «Выручить!» и стало, пожалуй, краеугольным камнем «вологодской школы». Ну, показывал пример, конечно, сам Яшин.

Он любовно – другого слова я не подберу – пестовал Василия Белова, считал его своим «духовным сыном». Именно Александр Яковлевич посоветовал молодому Василию Белову написать «Привычное дело», интересовался ходом работы над повестью, был в числе первых её ценителей.

Столь же трепетно относился Яшин к Николаю Рубцову, которому помогал и морально, и материально, не раз выручал его «из переплетов». Не случайно, одно из самых проникновенных стихотворений «Последний пароход» Николай Рубцов посвятил Яшину, там есть строки:

В леса глухие, в самый дальний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжек,
На целый день расстраивался вдруг
Из-за каких-то мелких окунишек.
И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,
Но он, всерьез о чём-то говоря,

Порой смотрел на нас, как на мальчишек…

Здесь хорошо передан образ Александра Яшина как Учителя.

Он был, конечно, суровым наставником, поблажек никому не давал, хвалил редко. Бывало и так, что отрицательное мнение Яшина о чьём-то творчестве могло поставить автора в «тень» на годы.

Между прочим, строгий «яшинский подход» к оценке писательского труда сохранили вологодские авторы и доныне. Это по-своему неплохо.

18 мая 1968 года, находясь в больнице в Москве, Александр Яшин послал письмо в Вологду своему другу, художнику Владимиру Корбакову:

«Дорогой Владимир Николаевич. Спасибо за письмо. Я лежу, на этот раз очень всерьёз – нашли, наконец, мою болезнь. Было две операции, после чего со мной даже академик Блохин перестал быть доверчивым. Решаться ли сделать третью – неизвестно, у меня сил осталось мало. Спасибо тебе за дружбу, за счастье общения с тобой».

Письмо это оказалось последним.

18 июня 1968 года поэт скончался в возрасте 55 лет от рака, в самом расцвете творческих сил. По завещанию, его тело перевезли в Блудново и похоронили на Бобришном Угоре, рядом с избой, которую он любил ещё и потому, что к её строительству приложил руки плотник и великий писатель Василий Белов.

Кстати, на выставке «Спешите делать добрые дела...» Владимир Корабков представил большое полотно «Тайны Бобришного Угора», где в художественных символах передал основные мотивы творчества поэта и прозаика.

За последние двадцать лет творчество Яшина, как и большинства известных советских писателей, оказалось мало востребовано. И не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять причины. Если бы сегодня напечатали отдельной книгой острую социальную повесть Александра Яшина «Слуга народа» и раздали бесплатно депутатам Государственной Думы, то, думаю, реакция была бы ошеломляющей.

Каждый из них мог бы узнать себя (если ещё способен

на такое!) в главном герое, который из слуги Народа превратился в слугу для Себя. Это лишь одна параллель, а можно провести и многие другие.

Творчество Яшина по-прежнему злободневное, «неудобное».

Поэтому-то Яшина и не издают.

Поэтому не снимают фильмы по его произведениям, не читают с театральных подмостков прекрасные по своей откровенности и цельности стихи. Тут невольно вспомнишь дневниковую запись, приведённую в одном из изданий дочерью поэта Натальей: «Когда трудовой народ в массе своей будет жить хорошо – не говорю **так же** хорошо, но хотя бы просто хорошо! – как и слуги народа, тогда появятся и настоящие возможности для расцвета литературы».

Ну, не в бровь, а в глаз!

Напомню, почти **двадцать лет (!)** Государственная Дума не принимает закон «О творческих Союзах», поставив тем самым художников, писателей, актеров, журналистов **вне закона.**

Разве Александр Яшин был не прав?

Возвращаясь к главному его произведению повести «Слуга народа», отмечу, что в противовес своему герою, Александр Яковлевич был, действительно слугой народа, подлинным, настоящим. Служил ему верой и правдой, словом и делом.

Творчество его выдержало проверку временем.

И верю, настанет день, когда Александр Яшин, вне сомнения, вернётся со своей поэзией и прозой к широкому русскому читателю.

2013 – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Нелидовский коридор.....3
Тайный связной.....39
Марьинский клещи.....93
Суженый.....235
Жизнелюб с поля боя.....265

СТИХИ

У памятника.....285
Случай.....285
Поклон.....286
В моём краю.....287
У обелиска в Молдине.....288
Родословная.....289
Конец.....290
Отец.....291
Великий грех.....292
Горькая картошка.....293
Фронтовик.....293
Свеча.....295
На поклоной горе..... 296
Наследники.....297

Проводы.....298
Полустанок.....299
В звёздном вихре.....300
Медуница.....301

РАССКАЗЫ

Монастырь.....303
Яблоки небесные.....313
На глухом разъезде.....321
"Зер гут!".....331
Шрам.....334

ПУБЛИЦИСТИКА

Августовской ночью.....342
Нашли бойца родного.....353
Не дай вам выжить из ума.....355
Придёт ли «Настоящий день»?.....371
Горячие строки поэта.....376
Боевому небесному соколу.....389
Слуга народа.....385

Литературно-художественное издание

75 лет Победы

Сазонов Геннадий Алексеевич

НА ОГНЕВОЙ ЧЕРТЕ

Повести, стихи, рассказы, публицистика

Верстка, обложка, оригинал-макет: Л. В. Верейкина
Гарнитура Book Antigua
Подписано в печать 27.03.2020 Формат 60x90/16
Усл. печ.л. 25. Тираж 500 экз. Заказ 1133

АНО «Интелифнорм»
Адрес: 160013, г.Вологда, ул. Конева, 8-4
тел. (8-8172) 73-11-99; e-mail: g . sazonow @ yandex . ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»
160 001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

БЛАГОТВОРИТЕЛЯМ – БЛАГОДАРНОСТЬ!

Подготовку и выпуск книги поддержали:

Константин СИМАКОВ – известный благотворитель, г. Грязовец;

Владимир ЗОЛОТОВ – генерал-майор, Председатель правления «Клуба деловых людей» Вологодского землячества в Москве, г. Москва;

Михаил КОНОПЛЁВ, предприниматель, заместитель Председателя правления «Клуба деловых людей» Вологодского землячества в Москве, г. Вологда;

Константин ШЕПЕЛЬ, депутат Вологодской городской Думы, г. Вологда;

Артур АТОМЯН, Юрий АТОМЯН, предприниматели, пос. Шексна;

Николай ЧУРКИН, предприниматель, г. Вологда;

Владимир СОКОЛОВ, предприниматель, г. Грязовец

Автор выражает самую сердечную, искреннюю благодарность благотворителям за помощь и поддержку.

«Никто не забыт, и ничто не забыто...»

Ольга Берггольц

Подвиг Красной армии, русского и всех народов Советского Союза, его руководства, в жестокой схватке разгромивших фашизм, продолжает восхищать миллионы людей на планете Земля.

75 лет Победы – великая дата!

Ей и посвящён выход этой книги.

События Великой Отечественной, сбережение о них народной памяти – ведущее направление в творчестве писателя Геннадия Сазонова.

В повестях, стихах, рассказах и публицистике, созданных образным, чистым русским языком, предстаёт широкая картина сюжетов фронтовых будней, разнообразие характеров бойцов и тружеников тыла, а также людей, которые и ныне помнят о тех, кто одержал Победу и даровал нам жизнь.

В чём сила духа советского солдата, советских полководцев? Как удалось выстоять в такой невиданной борьбе?

Писатель пытается найти ответы на эти и другие вопросы.

Произведения автора на военную тему отмечены авторитетными наградами.

Он удостоен Всероссийской литературно-художественной премии «Золотой венец Победы» и Золотой медали лауреата Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинации «Служу Отечеству», а также медали «100 лет со дня рождения летчика-истребителя, дважды Героя Советского Союза А.Ф. Клубова».

«Никто не забыт, и ничто не забыто...»

Ольга Берггольц